

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Учредитель Института В.В. Жириновский

ВЕСТНИК № 3

Москва - 2011

Министерство образования
Российской Федерации
«ИНСТИТУТ МИРОВЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

№ 4411/нзс «___» _____ г.

г. Москва
1-й Басманный пер., дом 3

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии —
Жириновский Владимир Вольфович —
доктор философских наук

Члены редакционной коллегии:

Лебедев Игорь Владимирович —
доктор исторических наук
Курдюмов Александр Борисович —
кандидат экономических наук
Авдеев Геннадий Петрович —
кандидат исторических наук
Гнездилов Геннадий Валентинович —
кандидат психологических наук,
профессор
Заикина Инна Викторовна —
кандидат юридических наук, доцент
Ларионов Александр Владимирович —
кандидат политических наук
Макаров Валерий Алексеевич —
кандидат психологических наук, доцент
Плетушков Михаил Сергеевич —
кандидат исторических наук, профессор
Слоботчиков Олег Николаевич —
кандидат политических наук, доцент
Старополов Владимир Анатольевич —
кандидат экономических наук, профессор

Главный редактор

Чернавин Юрий Александрович —
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

Шарова Светлана Владимировна —
кандидат экономических наук

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Жириновский В.В.</i> СУДЬБЫ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В XXI ВЕКЕ	4
<i>Ларионов А.В.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ	10

ОБРАЗОВАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

<i>Курдюмов А.Б., Лебедев И.В.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ВУЗА	15
<i>Мощенко А.В.</i> СИСТЕМА ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: СУЩНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	19
<i>Плетушков М.С.</i> СВИДАНИЕ С МУЗОЙ КЛИО: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	27
<i>Лядский В.Г.</i> РОЛЬ И МЕСТО ДИСЦИПЛИНЫ «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК» В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ	34

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Чернавин Ю.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТИЛЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА	40
<i>Макаров В.А., Купрене Е.В.</i> ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ	51

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Курысь Н. В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ КАК СИСТЕМА С ЭЛЕМЕНТАМИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ	56
<i>Заикина И.В.</i> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМЫ ПЕТРА I ОТНОСИТЕЛЬНО МОНАШЕСТВУЮЩИХ	62
<i>Булавина М.А.</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «СВОБОДА СОВЕСТИ» И «СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ» ...	67

ЭКОНОМИКА

<i>Прусс Е.А.</i> СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ВЕДУЩИХ БАНКОВСКИХ ЦЕНТРОВ США В НАЧАЛЕ НЫНЕШНЕГО ВЕКА	70
<i>Информация об авторах</i>	75

ПОЛИТОЛОГИЯ

Жириновский В.В.

СУДЬБЫ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В XXI ВЕКЕ

В статье при опоре на цивилизационный методологический подход к анализу истории рассматриваются проблемы сущности и классификации цивилизаций, их критериальных признаков, характерные особенности конкретных цивилизаций современности. Исследуется цивилизационная система координат современного миропорядка, специфика развития межкультурных отношений и их возможная динамика.

Ключевые слова: цивилизация; стадийное развитие цивилизаций; локальное развитие цивилизаций; классификация цивилизаций; цивилизации современности; динамика межкультурных отношений.

Изучение истории мировых цивилизаций дает представление о единстве и многообразии мировой истории. При таком методе она предстает красочной картиной вариантов развития человечества, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки, но ни один не является идеальным. Не случайно изучением цивилизаций занялись не только политологические школы и институты, но и ООН, ЮНЕСКО, другие международные институты. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями».

Между тем в подходах к этим проблемам еще много неясного и противоречивого. Значение понятия «цивилизация» остается весьма расплывчатым, неопределенным. Во многом это связано с многозначностью понятия. Уже в древности люди осознавали разницу между жизнью цивилизованной, то есть налаженной с учетом последних достижений техники и быта, и жизнью грубой, так называемой варварской, почти пещерной. Помимо этого, цивилизация понимается в качестве множества различных образований (древнекитайская, древнеиндийская, шумерская и др. цивилизации). Общественные структуры, тип государства ставятся при этом в зависимость от природных и географических условий. В этом случае история рассматривается как процесс развития обществ, поставленный в зависимость от природных условий, национально-культурных особенностей, традиций, обычаев, национально-культурной ментальности, языка и стиля мышления. Фундамент цивилизации — общественное богатство, состоящее из материальных и духовных ценностей. Причем русские исследователи выделяли в цивилизации в первую очередь духовность, степень и уровень развития духовной культуры. Цивилизационный подход стремится «взять» общество во всем многообразии его связей, из контекста этих связей выявить сосуществующие тенденции его движения вперед или назад (плюралистическая модель исторического процесса) [3].

Классификация цивилизаций многообразна. Один из подходов связан с выделением стадийного развития цивилизаций и локальных цивилизаций. Стадийные теории исследуют цивилизацию как единый процесс развития всего человечества, не разделяя его на этнические и другие общности, но выделяя стадии или этапы. Теории локальных цивилизаций изучают сложившиеся общности — занимающие определенную территорию, обладающие особенностями социально-экономического, политического и культурного развития. Они могут совпадать с границами государств, а могут включать много государств (западноевропейская цивилизация).

Стадийную и локальную теории цивилизаций можно представить с другой стороны, когда стадийные теории рассматривают общие для всех цивилизаций элементы в вертикальном срезе с позиций господствующего в мировой экономике способа производства. Локальные теории в этом случае озабочены исследованием горизонтального уровня состояния цивилизаций. Этот уровень определяется духовно-религиозным, культурным содержанием, отличным от других цивилизаций.

Вполне оправданно говорить о единой для всего человечества вертикальной цивилизации и о разных для различных общественно-политических систем горизонтальных цивилизациях.

В книге В.М. Хачатуряна верно подчеркивается, что ядро локальных цивилизаций составляет основная организованная общность с присущей ей центральной системой, которая как раз и служит ей основой. В этногеополитике такая общность называется *этносистемой* [5]. В каждой локальной (горизонтальной) цивилизации есть также инородные группы с собственной культурой, часто не согласуемой с культурой основной цивилизационной общности. Это — *субэтносистемы*. Вне их и внутри их образуются *межцивилизационные зоны* на стыках горизонтальных цивилизаций. Каждая цивилизация взаимодействует с внешними группами и их культурами, которые проникают в данную цивилизацию и тоже существуют в ней. Так было в Российской империи и СССР, где наряду с основной православной культурой существовали элементы иных цивилизаций — западноевропейской, мусульманской, буддийской. Такая пестрота сохранилась, хотя и в меньшей степени, в современной России.

Каждая горизонтальная цивилизация, как и человек, обладает внутренней *иммунной системой*, которая не позволяет произвольно видоизменять себя. Как структурно многоэлементную социальную систему горизонтальную цивилизацию можно разбалансировать, ослабить внутренними конфликтами, но ликвидировать ее достаточно проблематично.

Английский историк XX века А. Тойнби, посвятивший истории цивилизаций 11 томов своих сочинений, в качестве критерия цивилизационного деления берет принадлежность к одной из мировых религий. Оставаясь в рамках данного подхода и не претендуя на истину в последней инстанции, предлагаем следующую классификацию мировых горизонтальных цивилизаций: 1) западно-христианская; 2) восточно-христианская; 3) восточно-исламская; 4) восточно-буддийская; 5) языческая; 6) скрытая цивилизация, существующая в недрах и за счет других, ее этнодоминанту составляют иудеи.

Взаимодействие цивилизаций с точки зрения их вертикального и горизонтального измерения создает систему координат современного мирового порядка. Устоявшееся взаимодействие подобного рода представляет собой важный закон современной этногеополитики (Схема 1).

Вертикаль определяется господствующим в мировой экономике способом производства, уровнем развития технологий, финансовой системы, транспортных и информационных коммуникаций, энергетическим потенциалом. Это цивилизационная планка развития человечества без учета неравномерностей между регионами, странами и местностями.

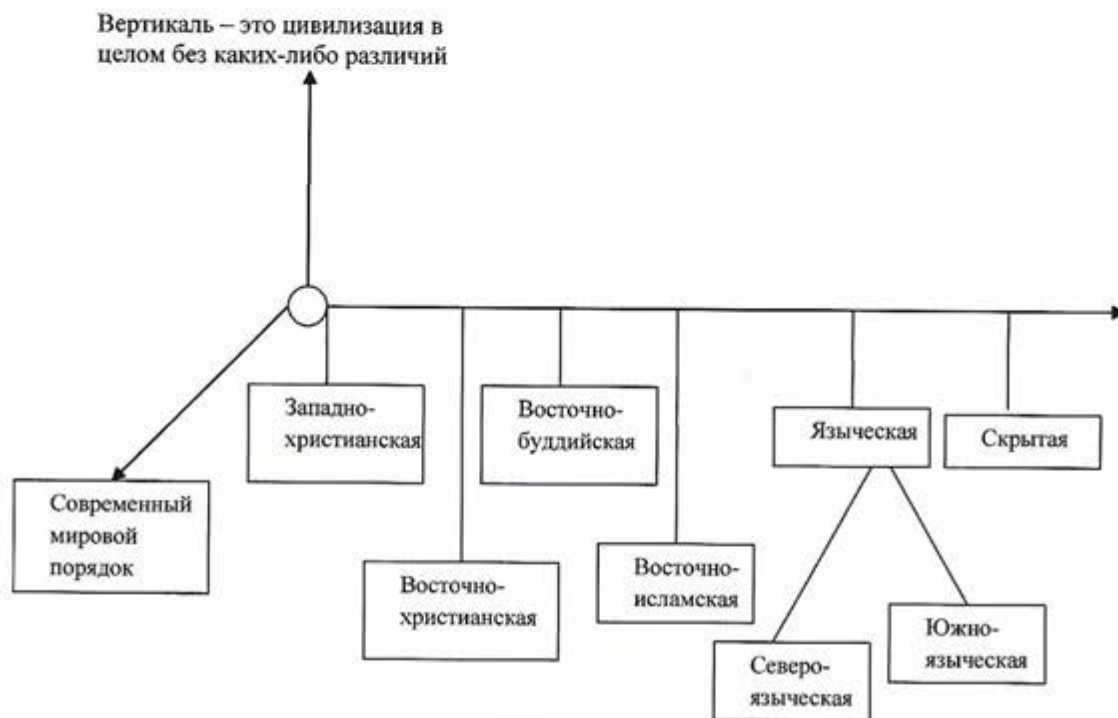

Схема 1. Закон этногеополитики —
цивилизационная система координат современного мирового порядка.

Горизонталь распадается на шесть цивилизаций по конфессиональным, культурным, этническим и иным показателям, позволяющим группировать человеческие сообщества и одновременно определять их ключевые отличия. Это не означает ни иерархического выстраивания в затылок друг другу, ни одномерности показателей в рамках горизонтальных цивилизаций. Скорее всего, такая расчлененность носит приблизительный, а не императивный характер. И уж тем более речи не идет ни о каких административных, обязательных к исполнению всеми, руководящих указаниях будь то «сверху» или «снизу». Есть у каждой цивилизации свои силовые поля, которые либо притягивают в их ареалы конкретные этнические и другие сообщества, либо отталкивают их.

Естественной формой развития человеческого сообщества является конфликт, в том числе и конфликт цивилизаций как способ межцивилизационного общения и взаимодействия. Конфликт подобного рода относится к группе политических, то есть к постоянно действующей форме борьбы за власть. Главный источник конфликта в этногеополитике — этнические противоречия между цивилизациями, в основе которых лежит отношение к мировой власти, ее концентрация у одних и отсутствие у других. В таких конфликтах серьезными воздействующими факторами являются, во-первых, стратегическая задача, характерная для каждой цивилизации и, во-вторых, ее тип иммунной системы.

Стратегической задачей западно-христианской цивилизации является введение «нового мирового порядка». Для восточно-христианской православной — этносистемное самосохранение, потенциальная агрессивность выступает только как инстинкт самосохранения. Для восточно-исламской цивилизации — самоутверждение и сохранение. Усулия (мусульманский фундаментализм) есть не что иное, как реакция отторжения, проявление цивилизационного иммунитета. Для восточно-буддийской цивилизации — колонизация жизненного пространства. Для очагов языческой цивилизации — отсутствие активных задач, только самосохранение. Скрытые цивилизации, как правило, используют стратегические задачи тех цивилизационных ареалов, в которых они существуют.

При анализе сложившейся цивилизационной системы координат и места в ней России принципиальное значение имеет органический иммунитет конкретной горизонтальной цивилизации. Исторически он проявляется двоякими противоположными свойствами. Первое — агрессивно-активный тип поведения как форма самозащиты. Второе — пассивный, лабильный тип поведения, то есть приспособляемость к возникшим угрозам. Это не означает слабости, просто механизм реализации иммунитета различный.

Сила цивилизационного иммунитета определяется следующими факторами: глубиной исторических корней; реальной социально-экономической стадией развития; способностью восприятия результатов НТР; внутренней силой национального характера; геополитической позицией генеративно-политического центра каждой цивилизации на данном историческом этапе; адекватностью геополитической верхушки управляемому ею социуму; внутренним единством либо мозаичностью конкретной цивилизации.

При рассмотрении цивилизаций сквозь призму указанных факторов приходим к следующим выводам. Западно-христианская цивилизация обладает агрессивно-активным типом иммунитета. Восточно-христианская православная цивилизация органически сочетает в себе двойственный тип иммунитета: в критической стадии — агрессивно-активный, в стадии спокойной — собирательно-пассивный. Это самый сложный тип иммунитета, поскольку очень трудно определить ту планку критичности, за которой следует агрессия. Восточно-исламская цивилизация в принципе обладает пассивным типом иммунитета, но здесь действует та же закономерность, которая уже упоминалась выше. Особенно остро она проявляется в настоящее время, и не только в форме мусульманского фундаментализма (усулии), но и в виде постепенного формирования собственного генеративно-политического центра. Восточно-буддийская цивилизация обладает своеобразным агрессивно-ассимилятивным типом иммунитета, который практически характеризуется демографической экспансией и тихой колонизацией. Очаги языческой цивилизации обладают пассивно-замкнутым типом иммунитета. Скрытая цивилизация характеризуется высшей степенью лабильности пассивно-приспособленческого иммунитета и через нее — использованием органических иммунитетов других горизонтальных цивилизаций.

Противоречивое переплетение стратегических задач цивилизаций, их иммунитетов в конечном счете приводит к возникновению функциональной совокупности цивилизационных

процессов в современном мире, характеризующейся значительным дисбалансом и перекосами. Это порождает конфликтные ситуации различного свойства, прежде всего этнополитического, с крайне разрушительными последствиями.

Один из мощных возмущающих геополитических факторов современности — стремление западно-христианской цивилизации утвердить «новый мировой порядок», ключевыми задачами которого являются:

- добиться открытого, юридически закрепленного выстраивания мира в пирамиду подчинения. На ее вершине будут находиться США, рядом — их союзники, внизу — государства третьего мира. Там же будут прозябать Россия, Украина, республики Закавказья, Средней Азии, другие постсоветские страны;
- создать уже не теневую, а открытую наднациональную структуру власти, подчиненную США, власти по сути диктаторской, враждебной миллиардам жителей планеты. Установить контроль над мировыми источниками энергии и сырья. Подчинить себе финансовую систему и тем самым взять в руки всю экономику планеты;
- осуществить военный разгром стран, пытающихся защищать свои национально-государственные интересы;
- расправиться с лидерами, которые противостоят американской гегемонии;
- жестко контролировать информационные потоки;
- навязать миру свою систему ценностей; подавить инакомыслящих под предлогом причисления их к террористам;
- полностью и окончательно заблокировать Россию как силу, способную противостоять таким планам. Сделать это в том числе и за счет военного присутствия НАТО на территориях бывших республик СССР;
- воспрепятствовать геополитическому и национальному возрождению постсоветского региона.

С учетом данного геополитического курса и множества других, составляющих современную палитру геополитики, в перспективе XXI века возможно развитие трех главных сценариев, связанных с судьбами локальных цивилизаций — их растворение, столкновение, трансформация. Каждый из этих сценариев имеет реальные предпосылки для своего осуществления, условия, последствия, обобщенные Ю.В. Яковцом [6].

Сценарий растворения. Отличительными чертами этой модели развития событий являются: глобализация экономики и технологий под контролем небольшого числа сверхмощных транснациональных корпораций и мировых финансовых центров; глобализация информационных потоков через Интернет, телекоммуникации, информационные ТНК; навязывание цивилизациям западной системы ценностей; однополюсный мир на основе доминирования единственной сверхдержавы, которая, опираясь на подвластные ей международные организации (типа НАТО), стремится перестроить по своему усмотрению все геополитическое пространство.

При продолжении и развитии этих тенденций, как предполагает А. Зиновьев, возможен сценарий растворения локальных цивилизаций в унифицированном по западному образцу глобальном сверхобществе [2]. Но, как представляется, подобным образом события могут развиваться в пределах одного-двух десятилетий. Натолкнувшись на растущее сопротивление цивилизаций, стремящихся к выживанию и опирающихся на тысячелетние традиции, этот сценарий отступит.

Сценарий столкновения цивилизаций. Незападные цивилизации активно противодействуют тенденциям становления однополярного мира, окончательному расколу стран и цивилизаций на богатые и бедные, диктату одной сверхдержавы. Тревога о судьбах будущих поколений толкает их на крайние формы противостояния вплоть до международного терроризма и усиливающейся угрозы столкновения цивилизаций. Такую перспективу отчетливо нарисовал С. Хантингтон [4]. Не исключал такой возможности и Н. Моисеев. По его мнению, на линиях цивилизационных разломов уже возникают фронты вследствие противоречий, которые подхлестываются модернизационной волной.

Собственно говоря, столкновение цивилизаций по этим линиям уже идет — и не первое десятилетие. Сначала оно носило характер локальных войн внутри отдельных стран, находящихся на стыке цивилизаций в междоцивилизационных зонах — Ливан, Югославия, Закавказье, Северный Кавказ. Теперь приобретает межгосударственные черты. Последствия общепланетарного столкновения цивилизаций будут ужасающими. Причем, как показывает

опыт Израиля и Палестины, бомбардировок США и НАТО бывшей Югославии, войны в Ираке и Афганистане, даже при очевидном неравенстве военных сил, проблема не будет решена. Необходимо искать иные, более эффективные и перспективные пути.

Сценарий трансформации цивилизаций. Адаптация цивилизаций к реалиям XXI века вполне возможна и наиболее желательна многими, тем более что цивилизационные изменения идут. Считается, что западная цивилизация дифференцируется на материнскую — западно-европейскую, и дочерние — североамериканскую, латиноамериканскую и океаническую.

В составе дальневосточной цивилизации выделяется находящаяся в стадии подъема китайская цивилизация. Укрепляется имеющая неясные очертания восточно-буддийская цивилизация. От нее, скорее всего, отпочкуется индийская цивилизация, которая накапливает силы для нового рывка.

Пассионарный порыв переживает рассеянная по многим странам и материкам восточно-исламская цивилизация. Начавшиеся в Тунисе и Египте революции подтолкнули «цепную реакцию» подобных событий во всем арабском мире. Развивается арабская демократическая революция. Люди хотят свободы. Они прекрасно понимают, что никогда не будут жить во дворцах и иметь дорогие машины, не смогут дать детям все, что те захотят. Но свободу они получить могут, чтобы самим решать, кто станет главой государства, какие партии получают большинство голосов на выборах. На улицы вышли не оборванцы и не бомжи. В принципе, вышел средний класс, который имеет доходы, квартиры. Вышла образованная арабская молодежь, она не голодная — Ливия самая богатая страна в Африке. Но молодые люди устали от отсутствия демократии, «изголодались» по свободам. Не голод и не безработица заставили выйти на улицы городов ливийцев, а ненависть к режиму, при котором нет никаких выборов, никаких политических партий, никакой свободной прессы. Главная причина революций — несменяемость лидера. ЛДПР всегда выступала против любых диктаторов, правителей, президентов, которые сидят по 20, 30, 40 лет у власти. Подобные правители как наркоманы: не могут оторваться от власти, денег, золота. У молодых арабов давно зрело желание покончить с существующим образом жизни. Они устали от диктатуры, от отсутствия свободы. XXI век — век свободы, век демократии, уже никому не нужны тоталитарные структуры.

Противостоящая Западу евразийская цивилизация завершает стадию распада. В ней должна сыграть свою важную роль восточно-христианская православная цивилизация с этнодоминантой России. Промежуточная, до конца не сформировавшаяся восточно-европейская цивилизация осуществляет дрейф от евразийской к западноевропейской цивилизации. Насколько этот фактор будет успешным, сказать трудно. Пока что больше факторов разъединяющих, чем синтезирующих.

Африканская, южнее Сахары, или в нашей терминологии южноязыческая, цивилизация, пройдя недолгий период оживления после образования независимых государств, находится в кризисном состоянии. Зажатая между тисками стремительного демографического роста и все более ограниченными природными, технологическими и экономическими ресурсами, она вряд ли предъявит миру признаки развития. То же самое можно сказать и о североязыческой цивилизации, которая все больше дрейфует к «материковым» частям России и Канады.

Скрытая (иудейская) цивилизация скорее всего сохранит свою роль приживалки, примыкающей к самому сильному на текущий момент партнеру. Им пока являются США. В самом Израиле процесс цивилизационной определенности будет активно развиваться. Скорее всего, это будет вариант западно-христианской цивилизации при ином конфессиональном центре — иудейском.

Краткий обзор и диагноз состояния цивилизаций обнаруживает, насколько пестра и разнообразна палитра мировой системы цивилизационных координат. Все цивилизации находятся на различных уровнях развития и в разных фазах своего жизненного цикла. Очевидно, что применение к ним единых шаблонов, попытки унификации и размытия цивилизационных различий малопродуктивны. Более того, трансформации не могут осуществляться по единым лекалам. Реально происходят конкретные, граничащие с уникальными демонстрации своеобразия каждой цивилизации при безусловном учете их особенностей и стадий жизненных циклов.

Большинство исследователей считает, что при всем разнообразии особенностей и стартовых позиций мировых цивилизаций выделяется *магистральный путь их трансформации*. Его характеристики имеют следующий вид.

1. На фоне глобализации происходит преобразование индустриальной мировой вертикальной цивилизации в постиндустриальную, а также становление общего социокультурного строя.

2. Примат духовных ценностей — ноосферный подход. Именно система духовных ценностей как раз и составляет суть каждой локальной цивилизации.

3. Выстраивание модели взаимодействия цивилизаций, основанной на их диалоге и партнерстве. Эта потребность становится цивилизационным императивом XXI века. Не случайно Генеральная Ассамблея ООН провозгласила первый год нового тысячелетия Годом диалога между цивилизациями и приняла Глобальную повестку дня для диалога между цивилизациями, определившую цели, программу действий и механизмы сотрудничества цивилизаций. Дело за тем, чтобы призывы ООН не свелись к кратковременной кампании, а стали основой долгосрочной стратегии и взаимодействия цивилизаций XXI века.

4. Выстраивание многополюсного геополитического мира, когда каждая из цивилизаций представлена достаточно самостоятельным и могущественным центром геополитической силы. В случае утверждения монополярного мира, Россия будет устранена с геополитической арены как континентальный центр силы, потеряет экономический, а затем и политический суверенитет.

Однополярная модель мира, к утверждению которой так стремятся США, еще не стала окончательной. Геополитическое положение мировых элит, строящих «новый мировой порядок», существенно пошатнулось в последние годы. Решительно укрепить его только за счет инструментов экономического, информационного, психологического, дипломатического, военного давления уже вряд ли возможно. Современная ситуация характеризуется созданием региональных союзов стран в Южной Америке, на Ближнем Востоке, на Евразийском континенте, ориентированных на проведение самостоятельной политики, не зависимой от глобального центра силы, а порой откровенно противостоящей ему.

Надо вести постоянный и активный диалог. Не надо только безосновательно разбрасываться лозунгами типа «Русский мировой порядок». Это дословное название книги Ю. Петухова (М., 2008). Мировпорядок — производное понятие от категории «мир» — отсутствие ссоры, вражды, разногласий, войны. Мир, в том числе, означает порядок, строй жизни. Нет смысла нарушать строй жизни, то есть провоцировать беспорядок. Найденная сообще в XX веке формула мировпорядка как мирного сосуществования Запада и Востока, Севера и Юга вряд ли нуждается в пересмотре. Как, впрочем, не может быть и речи ни о каком политическом братании или, того абсурднее, отказе от самостоятельности в поддержании и развитии современного мировпорядка от взаимодействия цивилизаций.

Современные мировые цивилизации находятся на распутье, пребывая в глубокой задумчивости вроде сказочного персонажа: куда ни поверни — всюду ждут напасти и неприятности. Двадцатилетний опыт однополюсной модели мирового порядка самому Западу сегодня представляется не совсем удачным. Но пока никак не оформится и плюралистическая модель многополюсного порядка. Стремясь к ее появлению, важно искать варианты межцивилизационного взаимодействия, трансформации цивилизаций при поддержании и развитии современного мировпорядка.

Литература

1. Жириновский В.В. Этногеополитика : учебное пособие. М., 2011.
2. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 2008.
3. Словарь философских терминов. М., 2004. — С. 671–672.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
5. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до начала XX века : учебник. М., 1996.
6. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ

В статье осуществляется анализ процессов модернизации экономики страны, прежде всего ее промышленности. Рассматриваются сложности, препятствующие модернизационному развитию, предлагаются способы их преодоления.

Ключевые слова: модернизация; необходимость модернизации промышленного производства; инновации в производстве; роль государства в модернизации промышленного производства.

Модернизация и инновационное развитие России в настоящее время определены в качестве стратегического вектора эволюции страны. В связи с этим возникают вопросы: кому и зачем нужна модернизация? Что такое инновации? Кто будет платить за организацию наукоемких производств?

Построить новые и модернизировать старые производства — совсем недешевое удовольствие. Ради чего отвлекать на это огромные средства? Может быть, лучше, учитывая декларируемую социальную ориентацию нашего государства, направить эти средства на увеличение пенсий и зарплат учителям и врачам? Например, все социальные группы, составляющие общество в Арабских Эмиратах, живут достойно. Страна качает и продает нефть и за этот счет поднимает уровень жизни населения. Однако вряд ли стоит рассуждать столь прямолинейно.

Сама по себе модернизация России не является целью. Это, скорее, подцель, средство достижения цели более высокого уровня [1]. При учете характера и направленности угроз и рисков, нависших над страной, можно предложить следующую формулировку стратегической цели и одновременно алгоритма ее достижения: для обеспечения в долгосрочной перспективе высокого уровня жизни населяющих Россию народов необходимо защитить доставшиеся нам по праву рождения огромные богатства страны. В этих целях в настоящий момент использовать часть богатств для создания современной армии и мощной военной инфраструктуры. Это позволит нам сохранить лидирующие позиции в науке и технике в целом и обеспечит привлекательность России как центра экономического и политического объединения стран с максимально большой численностью населения. Иными словами, «паровозом», способным вытянуть модернизационные и инновационные задачи, видится ВПК. У других отраслей подобных потенциалов нет.

Очевидно, что военная машина, без которой России в обозримой перспективе не обойтись, крайне нуждается в качественной модернизации. Она же — традиционный заказчик и потребитель любых инноваций. Технологии двойного назначения, попадая в гражданский сектор, стимулируют общий технологический и экономический подъем, заодно удешевляя армейские закупки. Правда, для окупаемости научных проектов нужен достаточно емкий рынок. В первую очередь — в масштабах СНГ. Такое понимание у политической элиты, кажется, есть, свидетельством чему — создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана.

Но появляются сложности другого рода: стало известно, что Министерство обороны РФ отказывается делать заказы на отечественных предприятиях ВПК. Причина — низкое качество продукции и несоответствие возможностей российской техники сегодняшним требованиям. В целях поддержания на приемлемом уровне технической оснащенности российской армии предлагается обеспечить заказами на военную технику предприятия других стран, причем находящиеся на противоположных военно-политических и геополитических позициях. Складывается странная ситуация — с одной стороны, наше государство подчеркивает стратегическую значимость модернизации страны, с другой, — направляет часть доходов от продажи нефти и других природных ресурсов на развитие чужой науки и инновационных технологий.

Для возрождения могущества России, решения модернизационных задач финансовый, научный, интеллектуальный, трудовой потенциал должен быть направлен на создание добавленной стоимости прежде всего в сфере промышленного производства. Значительная часть промышленных мощностей страны (прежде всего ВПК), на которых создавалась львиная доля конкурентоспособных высокотехнологичных продуктов, оказалась обескровленной переходом

трудовых ресурсов в малоэффективный «офисный планктон». Однако поскольку планктон является питательной средой и помогает развиваться более сложным формам жизни, постольку правильно было бы назвать эту постоянно утолщающуюся социальную прослойку «офисным сорняком». По большому счету, торгово-финансовая надстройка получает высокое содержание за то, что эффективно способствует перегонке наших природных богатств через свои офшоры за рубеж, обеспечивая взамен сбыт на российской территории продукции стран-конкурентов, и при этом оставляет большую часть российского общества в состоянии минимальной обеспеченности.

Итак, на вопрос: кому и зачем нужна модернизация, ответа пока нет. Торговые и финансовые круги, доминирующие в российском разделении труда, в данном стратегическом курсе не заинтересованы. А что правительство?

Анализ финансовой системы России показывает, что она настроена на максимальное поощрение сырьевых отраслей и самых простых первых переделов. Там высокая скорость оборота оборотных средств, и даже при не очень высокой рентабельности одного оборота доходность этих бизнесов существенна. Они легко переживут общенациональное повышение налоговой нагрузки, в частности, на фонд оплаты труда, так как доля зарплаты в начальных переделах невелика. Предприятия, производящие более сложный продукт следующих переделов, оказываются в крайне невыгодной ситуации, в том числе из-за своей неконкурентоспособности на рынке труда.

Не хотелось бы в столь небольшом материале приводить расчеты, поэтому воспользуемся советом нашего президента больше работать с компьютером. В весьма любопытном блоге «Все о налогах» приводятся следующие умозаключения:

1. При росте сырьевой составляющей воронка налогов сужается, при росте зарплатной составляющей — расширяется, поглощая смысл существования бизнеса. Действующая налоговая система покровительствует переработке сырья малой глубины и убивает глубокую, требующую квалифицированных высокооплачиваемых кадров, переработку.

2. Низкие зарплаты — прямое следствие налоговой политики государства. Следствие функционирования этой системы — бегство умов, способных создавать технологии глубокой переработки.

Поэтому на вопрос: нужна ли модернизация правительству страны, следует ответ: исходя из анализа действующей в государстве системы распределения валового национального продукта, не нужна... Иначе в существующей налоговой системе произошли бы коренные изменения.

Казалось бы, бизнесу жизненно важно модернизироваться. Бизнесмены должны стать локомотивами инновационного развития. В противном случае им не выжить. На деле все наоборот. Почему? Для инвестора доходность сырьевого сегмента в разы выше, чем, например, машиностроительного — даже при одинаковой рентабельности продуктов.

Итак, чем ближе к сырью, тем выше оборачиваемость средств. Для бизнеса интересно. Входящие ресурсы здесь всегда одни и те же вне зависимости от того, что делается на выходе. При любом заказе на складе обеспечения должен быть один и тот же материал. Машиностроение, к примеру, имеет принципиально другую структуру оборачиваемости. Ее скорость ниже примерно в пять раз, чем в литейном переделе: многочисленная номенклатура складских запасов и рост незавершенного производства за счет значительно более высокого количества технологических операций, да и времени самих операций — это объективная неизбежность. Не случайно с ростом доли продукции машиностроения на предприятии рентабельность реализации снижается. Какая оборачиваемость на автозаводах? Как правило, от 300 дней. В тяжелом машиностроении — от 450 дней, а производственный цикл сборки самолета или корабля занимает несколько лет. Не случайно в СССР расчетный срок амортизации оборудования для подобных производств составлял от 8 до 20 лет и более. И он же соответствовал сроку окупаемости при почти нулевой кредитной ставке. Сегодня заниматься подобной модернизацией при кредитах стоимостью от 15 % и выше — очень рискованный бизнес. Рачительному хозяину проще положить эти деньги в банк под 10—12 % в год. «Биться» в бизнесе (с учетом его рисков) можно, когда вы получаете раза в полтора (не ниже) больше, чем дает депозит в банке. Иначе за что биться? Если учесть, что оборачиваемость оборотных средств в торговле, сырьевых отраслях и производствах начального передела от 30 дней, то желающих заниматься инновациями и долгосрочными инвестициями мы точно не найдем [2].

Страна постепенно теряет свою традиционную технологическую базу: производство агрегатов и прочих комплектующих. Отверточная сборка пришла уже и в авиацию. Последняя российская «гордость» — SuperJet — оснащается американской авионикой и французскими двигателями. На отечественные тяжелые грузовики ставят немецкие танковые двигатели...

Народ изумляется: «Где наши достижения в космосе, в авиастроении, в создании современного вооружения?». Чудес не бывает — если по стране не будут ездить наши российские ВАЗы, значит, не будет собственных самолетов, космических кораблей и всего остального. Поэтому не случайно в выросшем в два раза за кризисный год списке российских миллиардеров вы увидите только тех, кто близок к добыче и первичной переработке сырья, да торгово-строительных спекулянтов. Зачем им тратиться на модернизацию?

Если предположить, что правительство страны заинтересовано в диверсификации российской промышленности, то оно и должно, по идее, выступать как представитель заинтересованной стороны. Однако состояние дел свидетельствует, что те, от кого действительно зависят процессы модернизации в стране, реальных действий, направленных на инновационное развитие России, пока не предпринимают. Вот то же автомобилестроение. Отверточная сборка в России — это не будущее нашего автомобилестроения, это его настоящее. Чтобы создать машину, необходимо множество комплектующих. Это двигатели, которых мы уже почти не делаем. Это трансмиссии и гидравлика, конструирование и производство которых мы не развиваем. Это огромное число производителей сложной и не очень комплектации, которые продолжают просто умирать.

Перейдем к поиску ответа на вопрос: что такое инновации? Учитывая время, в течение которого об этом говорят, пишут, хотят стимулировать, выделяют и даже осваивают немалые суммы, должно сложиться более-менее четкое определение этого термина. В энциклопедиях Интернета (slovari.yandex.ru) читаем: «ИННОВАЦИИ — нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании передового опыта, а также на использовании новшеств в самых разных областях и сферах деятельности». Подобное понимание позволяет в России каждому, кто производит совершенно незамысловатую продукцию с использованием «нанотехнологий» называть себя новатором, без четкого понимания того, что подразумевается под термином «инновация», мы можем прийти к результату, обозначаемому термином «профанация».

Кто же будет платить за организацию наукоемких производств? Ответ очевиден: у кого есть деньги. Ресурс есть у государства. Деньги есть у сырьевых магнатов. Правда, последние их берегут в офшорах на тот случай, если государство вздумает заняться перераспределением, ущемляющим «законные права собственников», чтобы быстро показать, кто в доме хозяин. Несколько удивляет тот факт, что государство о ситуации знает, но не мешает бизнесу постоянно уводить деньги в офшоры. Очевидно, что система управления сырьевыми производствами является по сути своей антироссийской. А промышленность низких переделов выступает главным могильщиком нашего машиностроения (в том числе ВПК) в настоящее время, авиапромышленности и космической отрасли — в перспективе.

В СССР работало большое количество агрегатных заводов, которые посредством длинной производственной цепочки создания продукции высокого передела (машиностроения, судостроения, авиастроения, космической промышленности и, конечно же, оборонки) совместно вырабатывали сложный продукт, задействуя при этом огромное количество оборудования и специальной оснастки. Эта оснастка порой стоила дороже станков и определяла уровень технологии. Когда все стоящие на вершине сборочной пирамиды предприятия в перестроечные годы были нокаутированы, образовался значительный избыточный и уже никому в России не нужный ресурс в виде производственных мощностей (в первую очередь, обрабатывающих). Вдобавок к ним — миллионы высококвалифицированных специалистов, которые остались не у дел и всеми возможными путями в то время старались выжить.

Избыточное предложение, согласно законам рынка, обвалило цену на сложную, высококвалифицированную работу. Поскольку единственным платежеспособным заказчиком в стране остались только сырьевые отрасли, то они, не стесняясь, понижали цены своим поставщикам, буквально выламывая им руки. Кто-то умирал сразу, продавая уникальное оборудование по цене металлолома за рубеж (прежде всего в Китай) и обеспечивая тем самым становление и развитие китайского тяжелого машиностроения. Кто-то, как правило более мелкие обрабатывающие предприятия, благодаря не очень высоким косвенным издержкам, необходимым для выживания, продолжал выпускать и продавать продукцию. Но цена этой продукции едва покрывала прямые расходы и, конечно же, не включала в себя амортизационные отчисления, необходимые для воспроизводства мощностей и их модернизации.

За двадцать лет нераспроданное оборудование тех времен было «убито» окончательно. Инженеры машиностроения, самолетостроения, оборонки и т.д. ушли на пенсию, не подготовив какой-либо смены. Молодых людей, желающих занять их незavidные места, было немного — кто не стал экономистом-менеджером (столичным социальным сорняком), тот ушел в «нефтянку», энергетику, туда, где есть хоть какая-то добавленная стоимость.

Проблема развития производства сегодня тесно связана с проблемой нашего участия в деятельности Всемирной торговой организации. Что такое договор стран, входящих в ВТО? Это соглашение о праве торговать своим продуктом на территории друг друга без ограничений. Мы двадцать лет добивали свою промышленность, в то время как весь мир внедрял все более прогрессивное оборудование и технологии. Какие шансы у нашей промышленности выжить в конкурентной борьбе, если вступление в ВТО состоится сегодня? Что, кроме нефти, газа, мы сможем предложить миру?

Сторонники вступления в ВТО в качестве одного из аргументов приводят тот факт, что эта тема поднималась еще в советское время. Тогда тоже не понимали этой ситуации? Нет, понимали, но тогда ситуация была кардинально другая. Страна была обладательницей самых современных технологий практически во всех производственных сферах. В песне популярной в годы перестройки группы «Манго - манго» есть строчка: «У нас есть такие приборы! Но мы вам о них не расскажем». Сейчас хотелось бы надеяться на то, что нам просто не рассказывают о существующих где-то в стране засекреченных людях, которые делают очень полезное дело. Что они все знают, ко всему готовы, что все будет нормально. Но уже пора перестать конспирироваться и обозначить-таки некую целевую программу модернизации с понятными механизмами ее реализации. Хотя бы для поддержания боевого духа у электората.

Какие выводы следуют из анализа? Те владельцы бизнеса, кто должен модернизировать свои производства и заниматься новациями, сегодня выживают на голом энтузиазме и средств на подобные программы не имеют. Более того, у них нет и понятия, в какие инвестиционные проекты вкладываться, если деньги появятся, так как все сложные изделия с высокой добавленной стоимостью создаются в рамках длинных производственных цепочек. Мало того, что все части этой возможной кооперации находятся в руках разных собственников, которые имеют зачастую прямо противоположные взгляды на принципы ведения бизнеса, так еще многие звенья производства в стране уже отсутствуют, что приводит к отмиранию всей ветки. Поэтому и семи пядей во лбу не хватит собственнику отдельно взятого производства, чтобы угадать, какой продукт в этой производственной цепочке будет востребован. Он даже не знает, что вообще будет с конечным производством, потребляющим его продукцию. Те владельцы бизнеса, которые имеют соответствующие средства, потому ими и владеют, что по косвенной схеме обобрали первых и — при молчаливом невмешательстве государства — собрали комиссионные за продажу общенародных природных ресурсов. Они совершенно не мотивированы менять свой подход. Более того, сегодня они достаточно сильны, чтобы никому не позволить изменить положение в распределении национального валового продукта. Только государство, понимая очевидное неравенство сил в этом финансовом противостоянии «полезных» и «богатых», может изменить ситуацию. В конце концов именно оно является хозяином наших месторождений. Оно может и, вероятно, должно признать, что условия хозяйствования для собственников производств разной степени передела должны быть разные. Государству следует обеспечить эти разные условия, запустив мероприятия по изменению правил распределения валового национального продукта [3].

Кто будет платить за организацию наукоемких производств? Существует только один вариант — «сырьевые олигархи». Возможно, что они должны заняться организацией этих самых наукоемких производств. Государству в этой ситуации важно создать условия для свободы выбора. Или наша олигархическая элита начнет самостоятельно вкладывать средства в подобные проекты, или государство изымет средства из оборота их бизнесов и предоставит их тем бизнесменам, которые займутся освоением данных активов в рамках модернизации. Каким образом это осуществить? Государству следует сделать бизнесу гарантированный заказ на инновации, собрав воедино порванные цепочки кооперации, а по отдельным узким направлениям искусственно воссоздавать параллельные части этих цепочек. Этот заказ должен быть распланирован по всей длине этой цепочки, для этого, по-видимому, придется вернуться к пятилетнему планированию.

Любой по-настоящему инновационный продукт имеет длительные сроки окупаемости и требует больших вложений. При этом — никаких гарантий, что конечный продукт будет вос-

требован рынком. В случае необходимости действительно массового освоения производства инновационных продуктов, государству необходимо определиться с перечнем технологий, которые нужны стране, и только оно может дать гарантии потребления этого продукта после начала его производства.

Без подобного заказа бизнес ничего делать не будет. Зачем? Кто оценит огромные риски и ради чего так рисковать? Сегодня горизонт планирования в бизнесе — не больше двух лет. За два года невозможно ни придумать, ни освоить ничего инновационного. Значит, будут просто ремонтироваться существующие мощности, чтобы через два года выпускать тот же металл. Бизнес жесток. Все начинается с маркетинга, понимания, кому нужен тот или иной продукт и в каком количестве. Вот если бы государство гарантировало, что через три года, допустим, такой-то продукт, такого-то качества будет закупаться «кровь из носу», — тогда можно и побороться. Государство может это сделать, ведь в России в рамках обеспечения программы продовольственной безопасности существует некий прообраз подобной схемы поддержки производителей отдельных видов продуктов сельского хозяйства в виде государственных закупок по фиксированным ценам. В нашем случае этой схеме не следует следовать механически, но принцип может быть использован, иначе модернизация останется уделом отдельных энтузиастов.

Ресурсы для обеспечения данного сценария в России есть. Правда, они сегодня широкой рекой утекают на Запад и Восток. Значительная часть выручки оседает в офшорах. Это своего рода «дань», которую наша ослабленная страна вынуждена платить более сильным соседям. Принцип платежа, по сути, ничем не отличается от дани в период татаро-монгольского ига.

Пора потихоньку начинать тренироваться, качать мышцы: модернизировать армию, поднимать оборонку, а заодно уровень технологий. Бесстрашно перекрыть вентиль офшорам... Вот, наверное, для чего нужна и как должна осуществляться модернизация.

Литература

1. Курач А.Е. Долгосрочные перспективы: теоретические основы формирования инновационных стратегий // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. — 2011. — № 3. — С. 31–40.
2. Михеев О.Л. Состояние инновационного процесса в России и место частно-государственного партнерства в его дальнейшем развитии // Страховое дело. — 2011. — № 2. — С. 48–53.
3. Кошелева Т.Н. Взаимодействие факторов инновационного роста малого предпринимательства // Экономика и управление. — 2001. — № 2. — С. 21–24.

ОБРАЗОВАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

Курдюмов А.Б., Лебедев И.В.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ВУЗА

Современная система высшего профессионального образования в России включает в себя в качестве элементов образовательные единицы различных организационно-правовых форм. Учредителями учебных заведений выступают государственные, муниципальные органы, ведомства, негосударственные организации различного профиля деятельности, физические лица. По большому счету, впервые за десятилетия истории российское образование, в том числе высшее, имеет две составляющие — государственную и негосударственную. Разделение связано с характеристиками учредителя и возможностью или невозможностью пользоваться возможностями государственного бюджета.

Первые негосударственные вузы были созданы в России в организационно-правовых формах частных предприятий, товариществ и акционерных обществ открытого и закрытого типа. В январе 1991 г. был принят Закон РФ «О предприятиях и предпринимательской деятельности», где законодательно закреплялась необходимость создания товариществ, акционерных обществ и частных предприятий. При них было позволено открывать вузы (образование в числе форм предоставления услуг населению в законе не значилось). В 1992 г. был принят Закон РФ «Об образовании», в котором впервые введено понятие «негосударственное образовательное учреждение». Наряду с государственными и муниципальными структурами, право на учредительство вузов получили отдельные юридические и физические лица, фонды, общественные и религиозные организации.

Сформировавшиеся изначально как коммерческие негосударственные вузы, которые были нацелены на устойчивое функционирование в длительной перспективе, выжили и сегментировались, превратившись в некоммерческие образования. В идее создания негосударственного вуза в современных российских условиях была заключена наиболее радикальная попытка автономизации вуза от государства и общества. В полной мере, конечно же, это невозможно, ведь любые образовательные учреждения и организации (как государственные, так и негосударственные) выполняют общественные и государственные функции, поскольку им передаются государственные

(публичные) правомочия (право на занятие определенной деятельностью), а предоставляемое ими образование несет общественную (публичную) выгоду.

Любые образовательные учреждения, в том числе негосударственные вузы, должны соответствовать минимуму требований для образования, который может быть установлен (утвержден) государством¹. Поэтому государству недостаточно только воздерживаться от вмешательства, оно должно гарантировать провозглашенные права и требования. Следовательно, государственный стандарт высшего образования един как для государственных, так и для негосударственных вузов. Именно рамками необходимости соблюдения образова-

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, п. 3 ст. 13.

тельных госстандартов ограничивается в основном вмешательство государства в негосударственный сектор образования. Оно заключается в установлении лицензионного порядка осуществления образовательной деятельности, закреплении перечня запрещенных методов проведения учебного процесса, установлении особых правил использования продукции и услуг, отнесенных к источникам повышенной опасности.

Другими причинами появления негосударственных вузов явились недофинансирование государством государственных вузов, а также неудовлетворение социальных потребностей людей в образовании и общества в квалифицированных кадрах нового типа (прежде всего, ориентированных на новые условия хозяйствования экономистов и юристов).

Правовое положение негосударственных вузов было определено с выходом 22 августа 1996 г. Федерального закона «О высшем и послевузовском образовании». В настоящее время из 58 статей Закона РФ «Об образовании» ст. 11, 36, 46 отнесены специально к негосударственным образовательным учреждениям. Современная ситуация обстоит так. Согласно Закону РФ «Об образовании» (ст. 11.1, 12), юридические лица, осуществляющие образовательную деятельность, могут создаваться только как некоммерческие организации. Сегодня система негосударственного образования представлена двумя организационно-правовыми формами: автономная некоммерческая организация (АНО)¹ и частное (негосударственное) образовательное учреждение (ОУ). При этом в п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ (ГК) сказано, что «некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям». При этом п. 1 ст. 120 ГК РФ признает учреждением некоммерческую организацию, созданную собственником для осуществления функций некоммерческого характера.

В настоящее время негосударственные вузы составляют около 50% всех вузов России, хотя в них обучается только около 20% общей численности студентов РФ.

Негосударственный вуз создается учредителями в соответствии с Федеральными законами «Об образовании», «О высшем и послевузовском образовании», «О некоммерческих организациях», с Гражданским кодексом РФ. Учредителями вуза являются юридические и физические лица — субъекты управления. Государственная регистрация, согласно ФЗ РФ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», является первоначальным юридическим актом по созданию образовательного учреждения. Для регистрации необходимы заявление на регистрацию, собственное решение о создании ОУ либо Учредительный документ, устав ОУ (в соответствии со ст. 52 ГК РФ юридическое лицо действует на основании Устава, либо учредительного договора и Устава, либо только Учредительного договора), документ об уплате государственной регистрационной пошлины.

Отношения между учредителями и органом местного самоуправления по поводу регистрации ОУ регламентируется пп. 1—4 ст. 13 и ст. 33 Закона «Об образовании», а также ст. 50—54 ГК РФ.

С момента государственной регистрации ОУ считается созданным. Данные государственной регистрации вносятся в единый государственный реестр. В регистрации может быть отказано лишь в случае нарушения установленного законом порядка его образования или несоответствия закону учредительных документов.

Место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации.

Учредителями вуза могут быть органы государственной власти, общественные и религиозные организации, фонды, отечественные и иностранные организации, граждане.

При этом в рамках Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования, которое для негосударственных образовательных учреждений ВПО является примерным, согласно пп. 7 и 8 из I Общих положений, «высшее учебное заведение приобретает права юридического лица со дня его государственной регистрации», в то же время «высшее учебное заведение получает право на ведение образовательной деятельности... со дня выдачи ему лицензии». Кроме того, согласно Закону «О высшем и послевузовском образовании» (п. 1 ст. 11) «высшее учебное заведение вправе объявлять прием граждан только при наличии лицензии».

¹ «Организационно-правовая форма создания и функционирования образовательных учреждений, в том числе негосударственных АНО (автономная некоммерческая организация), была введена ст. 10 Закона РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Руководство негосударственным вузом осуществляет его учредитель или по его поручению попечительский совет, формируемый учредителем. Для негосударственного вуза попечительский совет не обязателен. Право на управление негосударственным образовательным учреждением есть у обучающихся, персонала, родителей студентов. Они участвуют в управлении через формы самоуправления, общие собрания, различные советы. Негосударственный вуз в принципе может получать государственное финансирование, но лишь после его государственной аккредитации.

На наш взгляд, можно так сгруппировать различные негосударственные вузы:

1) по отношению к *государственным задачам, государственной политике*. Может случиться так, что государственный и негосударственный вуз выполняют одни и те же государственные задачи, но дискриминироваться будут негосударственные вузы, так как негосударственные вузы питают госбюджет, а государственные вузы питаются из госбюджета. Может случиться и наоборот: фактически имея перед государством минимальные обязательства, негосударственные вузы неправомерно получают от государства налоговые и другие льготы (косвенное бюджетное финансирование) и прямое бюджетное финансирование. Итак, с точки зрения ответственности перед государством, в том числе в части обеспечения высокого качества обучения, негосударственные вузы могут сильно различаться между собой;

2) по *своей социальной ответственности перед обществом, по масштабам своего воздействия*, т. е. глубине и широте своей связи с обществом, местным сообществом, регионом, страной и т. п.;

3) по *организационно-правовой форме* (негосударственные АНО, негосударственные АУ);

4) по *источникам финансирования* (пожертвования, предпринимательская деятельность, плата за обучение);

5) по *качеству элементов ресурсной базы*, к числу которых можно отнести имущество (движимое, недвижимое, степень износа, в аренде или в собственности), персонал (профессорско-преподавательский состав, студенты, вспомогательный персонал, в том числе количество, качество, соотношение между ними).

В организационно-правовой форме АНО негосударственный вуз выступает как не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов. Учредители не отвечают по обязательствам (долгам) АНО, а АНО не отвечает по обязательствам (долгам) учредителей. Имущество, переданное АНО ее учредителями, а также приобретенное или произведенное ею впоследствии, является собственностью самой организации.

Высшим органом управления АНО, имеющим исключительную компетенцию, является коллегиальный высший орган (п. 1 ст. 29 Закона РФ «О некоммерческих организациях»). В его состав входят как учредители, так и наемные работники, которые не могут составлять более одной трети от числа членов этого высшего органа управления (п. 5 ст. 29 Закона РФ «О некоммерческих организациях»). При этом Закон РФ «О некоммерческих организациях» предписывает учредителям осуществлять надзор за деятельностью АНО, порядок осуществления которого должен быть предусмотрен учредительными документами АНО.

Учредительным документом АНО является Устав. Однако если организация создается двумя или более лицами, то необходим Учредительный договор, который будет объединять учредителей друг с другом и с самой организацией обязательствами и позволит найти компромисс при решении таких проблем, как финансирование, выборы органов управления, смена исполнительных органов и т. д.

АНО ликвидируется по общим правилам гражданского законодательства. По смыслу п. 1 ст. 65 ГК она не может быть объявлена банкротом. Остаток имущества ликвидируемой организации используется в соответствии с указаниями ее Устава или в порядке, предусмотренном законом¹.

Если рассматривать политику государства по отношению к государственным вузам примерно с 2002 г., то, с одной стороны, очевиден процесс сдерживания дальнейшей коммерциализации государственных вузов. Так, отменены налоговые льготы вузам и организациям, вкладывающим средства в развитие вузов, отменено право собственности государственных вузов на имущество, приобретенное на внебюджетные средства, а режим оперативного управле-

¹ Злобина Е.А. Комментарий к Федеральному закону «О некоммерческих организациях»: постатейный / Под ред. С.Н. Братановского. М.: Ось-89, 2006. С. 70-74.

ния распространен на все имущество государственного вуза. С другой стороны, Федеральным законом РФ от 3 ноября 2006 г. «Об автономных учреждениях» вводится новый тип государственного (муниципального) учреждения — автономное учреждение (АУ). При этом важно отметить, что закон содержит ряд положений, не допускающих приватизацию образовательных учреждений. В частности, АУ не может без согласия собственника распоряжаться недвижимым и особо ценным движимым имуществом.

В условиях экономического кризиса многие негосударственные вузы России уже не могут обходиться без помощи государства. Но частным вузам нужны не только госзаказы, гранты, дотации, налоговые льготы (по крайней мере, лучшим из них). Им необходимо иметь прочную собственную доходную базу в виде поступлений от научно-инновационной предпринимательской деятельности, а также опираться на мощную спонсорскую поддержку (благотворительность). Современные же негосударственные вузы в основной массе арендуют площади у государственных вузов и комплектуют преподавательские кадры из совместителей, основным местом работы которых являются государственные вузы. Источник доходов большинства современных негосударственных вузов, по сути единственный — все увеличивающаяся плата за обучение. Но в условиях кризиса потенциал этого источника дохода стал уменьшаться, особенно если оценивать ситуацию в длительной перспективе. В случае же убытков по основной деятельности учредители не всегда могут полностью компенсировать расходы, понесенные негосударственным вузом.

В этой связи рассматривался вопрос о возможностях предоставления государственных кредитов негосударственному образовательному учреждению, а также к их привлечению к участникам в государственных программах и включению в систему госзаказа. Так, был подготовлен законопроект, который отражает современные приоритеты государственной политики в сфере образования и предполагает допуск негосударственных вузов к распределению контрольных цифр приема на бюджетные места¹.

Однако в последние годы в системе высшего образования России проводятся существенные преобразования, связанные с вопросами укрупнения вузов, усиления их материально-технической и научной базы, привлечения к разработке многообразных исследовательских проектов инновационного характера. Негосударственным вузам вследствие их материальной маломощности, доминирующей гуманитарной направленности образования становится все сложнее продвигаться по пути дальнейшего развития. Однако, как представляется, сложившаяся в стране система высшего образования, представляющая единство государственных и негосударственных вузов, их взаимодействие и конкуренцию, будет существовать и развиваться.

¹Проект Федерального закона «О негосударственном образовании в РФ», п. 3 ст. 4 // Частная школа. — 1995. № 1, — С. 9.

СИСТЕМА ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: СУЩНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается проблема открытого образования — его сущность, закономерность возникновения, методологические основы анализа; исследуются цели и свойства, основные идеи открытого образования, условия его реализации.

Ключевые слова: открытое образование; открытая система как основа анализа открытого образования; информационно-образовательная среда; единое образовательное пространство.

Образование представляет собой социальный институт, в наибольшей степени определяющий пути развития общества. Будучи связанным с другими социальными институтами, образование в значительной степени отражает все социально-политические и экономические противоречия общества, несмотря на свою относительную автономность.

Как свидетельствуют результаты многочисленных исследований, в процессе развития система образования регулярно приходит в противоречие с потребностями развития общества, науки и производства. Переход к новым технологиям, к новым средствам коммуникации, системам управления образованием требует коренных преобразований и в подходах к обучению новым знаниям, умениям и навыкам.

В начале XX века традиционная форма образования не могла удовлетворить возросшие потребности населения в образовании. Поэтому стала зарождаться новая модель образования, которая получила название открытой. Эта модель образования исходит из открытости мира, процессов познания и образования человека. Открытая модель образования — результат исторического эволюционного пути развития и становления информационной цивилизации, как неотъемлемой её части, не зависит от политики государства в области образования.

Проблема открытости образовательной системы тесно взаимосвязана с проблемой открытости общества в целом. Общество вплотную подошло к выводу о необходимости овладения не только научными фактами, но и новым мировоззрением и мышлением, умением эффективно использовать полученные знания в профессиональной работе, учитывать последствия деятельности, а также необходимости формирования нравственных качеств и гуманизации образования, которая заключается в решении двух задач одновременно: подготовка специалиста и формирование человека.

Парадигма открытого образования из теории перешла в практику организационной деятельности на международном уровне — сегодня ЮНЕСКО реализует программу «Открытая образовательная система для XXI века», участником которой, наряду со многими государствами, является Россия. Четыре важные задачи ставит в этой программе авторитетная международная организация: *учиться быть, учиться знать, учиться делать, учиться жить вместе*. Решение столь непростых задач возможно, если эту работу вести повсеместно, не только в системе образования. Поэтому в настоящее время все большее значение приобретает целостный взгляд на образовательные процессы и выход на новые образовательные технологии.

В последние годы в России учеными различных специальностей ведутся исследования, появляются публикации, в которых представлены новые подходы, парадигмы, концепции в сфере образования, связанные с его открытостью. Количественный анализ диссертационных исследований по проблемам открытого образования, выполненных представителями различных наук, представлен на рисунке 1.

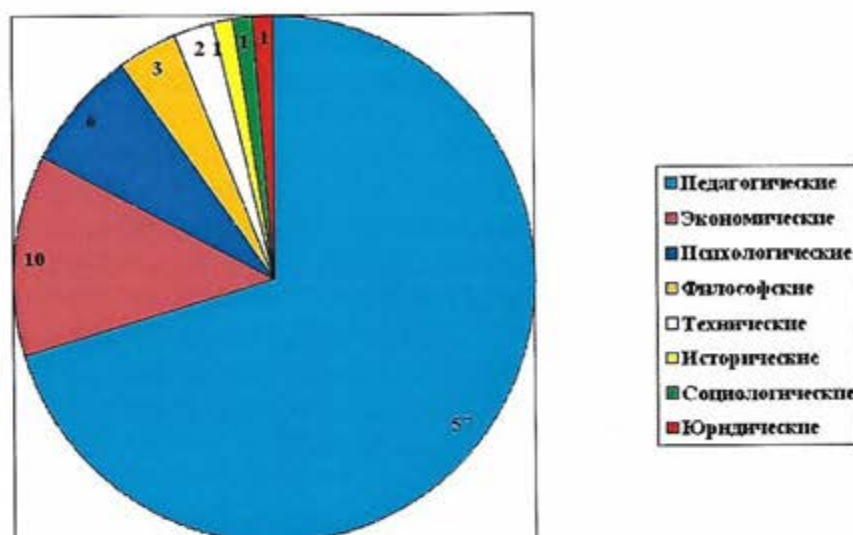

Рис. 1. Анализ диссертаций по проблемам открытого образования, защищенных по различным наукам

В стране издаются три специальных журнала, посвященных проблемам открытого образования:

1. Журнал «Вечерняя средняя школа», издающийся с 1958 г., в 2001 г. переименован в научно-методический и организационно-педагогический журнал «Открытая школа» (6 номеров в год). В журнале освещаются актуальные проблемы системы вечернего и заочного образования, экстерната и образования взрослых.

2. Журнал «Дистанционное образование», издающийся с 1996 г., в 2001 г. переименован в научно-практический журнал по информационным технологиям в образовании «Открытое образование» (6 номеров в год).

3. С 2000 г. издается научно-методический журнал «Открытое и дистанционное образование» (4 номера в год).

Иными словами, проблема открытого образования становится все более актуальной и для теории, и для практики. Японский ученый И. Масуда утверждает, что «существующая закрытая образовательная среда будет заменена открытой образовательной средой, состоящей из сетей знаний».

В качестве одного из методологических подходов к теории открытого образования рассматривается принцип системности, в частности, характеристики открытой системы. *Открытая система* взаимодействует с внешней (окружающей) средой в каком-либо аспекте (информационном, энергетическом, вещественном и т. д.) и является устойчивой только при сохранении такого обмена. Она обменивается информацией, энергией или веществом с внешним по отношению к системе миром, в отличие от закрытых систем, в которые и из которых ни информация, ни энергия, ни вещество не могут войти или выйти.

Понятие открытой системы является одним из основных не только в общей теории систем, но и в физике, биологии, кибернетике, информатике, социологии, экономике, синергетике, педагогике и других областях знания. Биологические, социальные и экономические системы необходимо рассматривать как открытые, поскольку их связи со средой имеют первостепенное значение при их моделировании и описании.

Открытые системы активно взаимодействуют с внешней средой, причем взаимодействие с окружающей средой характеризуется высокой неопределенностью. В ряде случаев открытая система может достигать стационарного состояния, в котором ее структура или важнейшие структурные характеристики остаются постоянными, в то время как процесс обмена информацией, энергией или веществом со средой продолжается. Открытые системы могут сохранять высокий уровень организованности и развиваться в сторону увеличения порядка и сложности, что является одной из наиболее важных особенностей процессов самоорганизации. Такая система не является самообеспечивающейся, она зависит от энергии, информации и материалов, поступающих

извне. Кроме того, открытая система имеет способность приспосабливаться к изменениям во внешней среде и должна делать это для того, чтобы продолжить свое функционирование. В подобных системах действует закон фон Бертоланфи, утверждающий наличие множества различных путей достижения одного и того же состояния системы или получения одного и того же результата.

Закрытая система имеет жесткие фиксированные границы, а ее действия относительно независимы от среды, окружающей систему. Для таких систем характерна детерминированность и линейность развития.

Среди многих видов социальных систем выделяют образовательные системы. По своим характеристикам образовательные системы имеют реальный (по происхождению), социальный (по субстанциональному признаку), сложный (по уровню сложности), открытый (по характеру взаимодействия с внешней средой), динамический (по признаку изменчивости), вероятностный (по способу детерминации), целеустремленный (по наличию целей), самоуправляемый (по признаку управляемости) характер. При своей целеустремленности и динамичности они обладают развивающимися свойствами, что проявляется в их постоянной изменчивости.

В качестве образовательной системы может выступить вуз, колледж, общеобразовательная школа и т.д. В их составе выделяются административная, педагогическая, хозяйственная и др. подсистемы. Но ведущим элементом образовательной системы является педагогическая подсистема, которая, как и любая другая система, имеет свои элементы и структуру (дидактическая задача, технология обучения, общественно-государственный заказ, субъекты образовательного процесса).

В научной литературе разработано множество определений педагогической системы (подсистемы). Под педагогической системой понимается определенная совокупность взаимосвязанных средств, методов, процессов, необходимых для создания организованного целенаправленного и преднамеренного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами. В другом случае педагогическая система предстает как «социально обусловленная целостность взаимодействующих на основе сотрудничества между собой, окружающей средой и ее духовными и материальными ценностями участников педагогического процесса, направленная на формирование и развитие личности» [6, с. 58]. Педагогическая система также — это «относительно устойчивая совокупность элементов, организационное соединение людей, сфер их действия, порядка выполнения функций, пространственно-временных связей, отношений, способов взаимодействия и структуры деятельности в интересах достижения определенных воспитательно-образовательных целей и результатов, решения запланированных культурно-развивающих задач воспитания и обучения человека» [3, с. 7]. Каждая отдельно взятая педагогическая система является сложной, поскольку в своем составе имеет подсистемы, в то же время сама входит в качестве подсистемы в систему образования.

Педагогическую систему относительно закрытого типа характеризует четко выраженная внутренняя структура, часто иерархическая; она строится по определенным правилам, индивид подчиняется в ней группе. Наоборот, для открытой педагогической системы характерны высокая степень индивидуализма, минимум стремления членов коллектива к поддержанию как внутренних, так и внешних границ.

В ходе дальнейшего анализа проблемы открытости образования элементы и структура образовательной системы и педагогической системы будут рассматриваться в их единстве.

Сам феномен открытости образования трактуется по-разному. По мнению А.А. Вербицкого, этот принцип заключается в использовании для достижения конкретных целей обучения и воспитания любых педагогических технологий, предложенных в рамках других теорий и подходов. Открытое образование предполагает наличие возможности выбора когда, где и у кого учиться.

Российский ученый А.Н. Дахин, опираясь на теорию самоорганизующихся систем, теорию проектирования образовательных систем, систему методов математического моделирования и кибернетики, сконструировал *модели открытой образовательной системы*, которые имеют гносеологическое значение для педагогической науки. Автор представил три модели: 1) модель коллективной учебной деятельности, основанную на вероятностном подходе к обучению; 2) модель оптимального управления образовательным процессом; 3) модель траектории развития обучающихся в параметрическом образовательном пространстве.

Система новых понятий, особенно в гуманитарной области, не всегда может быть представлена однозначной, упорядоченной, линейной цепочкой категорий. Поэтому в своей работе А.Н. Дахин неоднократно обращается к понятию «открытая образовательная система» с разных позиций: педагогических, формально-логических, семантических, эмпирических и естественно-научных. Эта новая категория диалектически выведена из сложившейся системы педагогических категорий, а не вводится в теорию независимым способом.

Отметим, что термины «открытость» и «не закрытость» в отношении образовательной системы не могут рассматриваться как синонимы. Исходя из формально-логического подхода принцип противопоставления понятий «открытая» — «закрытая» в данном случае не целесообразен. Ни одна образовательная система не является закрытой, замкнутой, изолированной. Поэтому можно говорить не об открытой образовательной системе, а о *степени открытости образовательной системы*, при которой образовательная система способна оперативно отреагировать на изменения социальной и профессиональной среды, где она развивается. Причем постоянная и вариативная часть каждого элемента системы сравнимы друг с другом; степень открытости зависит от соотношения постоянной и вариативной компоненты, что характеризуется параметром порядка. Если параметр сравним с единицей или меньше ее, то будем говорить об открытости системы, а если он много больше единицы, то система закрытая или замкнутая.

А.Н. Дахин подчеркивает важность высокой степени мобильности и быстроты реакции образовательной системы на социально-экономическую ситуацию. Понятия «вариативная», «гибкая», «вероятностная», «модульная», «оптимальная», «эффективная» образовательная система рассматриваются как соподчиненные с понятием «открытая образовательная система».

Под термином «открытая образовательная система» понимается совокупность взаимосвязанных образовательных элементов, постоянно обменивающихся с социальными подсистемами и друг с другом информацией, интеллектуальными, финансовыми, материальными ресурсами. Открытая образовательная система учитывает и быстро реагирует на все педагогические, психологические, социологические, экономические инновации.

Открытость рассматривается в двух аспектах — внутренняя и внешняя. *Внутренняя открытость* подразумевает гибкое, оптимальное сочетание в процессе обучения и воспитания всех существующих педагогических систем, технологий, моделей, ни одна из которых не может претендовать на абсолютную завершенность. Необходимым условием открытости является сосуществование в образовательном учреждении различных педагогических парадигм. *Внешняя открытость* обеспечивается быстрым реагированием образовательной системы на меняющиеся социально-экономические и культурные условия, своевременным выполнением социального заказа общества и широким выходом в мировое информационное пространство. Образовательная система при этом рассматривается как компонента единого социально-экономического и культурного пространства. Таким образом, создается возможность многомерного движения специалиста в образовательно-профессиональном пространстве, развития через обучение и функционирование постоянного образовательного профессионального консалтинга.

Современное понимание категории «открытое образование» связано с использованием в обучении новых информационных технологий. Анализ категорий «дистанционное образование» и «открытое образование» показал, что их нельзя отождествлять. Понятие «открытое образование» гораздо шире, нежели «дистанционное». Дистанционное — это заочное образование на современном техническом уровне, с использованием технологий дистанционного общения как с помощью компьютерных сетей, так и при помощи кейс-технологий. Открытое образование предоставляет личности возможности бесконкурсного поступления в вузы, свободу в выборе мест, времени и темпов обучения, индивидуальных траекторий обучения. Одна из трактовок открытого образования схематически представлена на рисунке 2.

Рис. 2. Сущность открытого образования (по Н.Н. Быковой)

Открытое образование — система организационных, педагогических и информационных сред и технологий, в которых архитектурными и структурными решениями обеспечиваются открытые стандарты на интерфейсы, форматы и протоколы обмена информацией с целью обеспечения мобильности, стабильности, эффективности и других положительных качеств, достигаемых при создании открытых систем [7, с. 170]. Система открытого образования — мобильный социальный инструмент, который способен предоставить любому человеку нужные лично ему наборы образовательных услуг. Она позволяет учиться непрерывно, получая и углубляя послевузовское и дополнительное образование [7, с. 174].

Основные цели открытого образования:

- свободное развитие индивидуума;
- обеспечение условий для овладения им комплексом нужных ему компетенций, приобретения необходимого потенциала для успешного и комфортного существования в сообществе;
- подготовка обучаемых к полноценному и эффективному участию в общественной и профессиональной областях в условиях информационного общества [7, с. 172].

Свойства открытого образования.

1. Свобода поступления в высшее учебное заведение — бесконкурсный прием студентов в вуз.
2. Свобода выбора направления профессиональной подготовки.
3. Свобода составления индивидуальной программы обучения путем выбора из системы курсов.
4. Свобода выбора времени начала обучения — прием студентов в вуз в течение всего учебного года.
5. Свобода выбора темпа обучения — отсутствие фиксированных сроков обучения.
6. Свобода в выборе места обучения — студенты могут самостоятельно выбирать, где обучаться — в аудитории, библиотеке или дома.
7. Свобода в доступе к информационным ресурсам вуза.
8. Свободное развитие индивидуальности студентов.

Система открытого образования предполагает переход от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь».

Основу образовательного процесса в открытом образовании составляет целенаправленная, контролируемая, интенсивная самостоятельная работа обучаемого, который может учиться в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию, имея при себе комплект специальных средств обучения и согласованную возможность контакта с преподавателем по телефону, факсу, электронной или обычной почте, а также личного контакта. Важным моментом является то, что в открытом образовании образовательные функции могут выполнять не только традиционные институты (детский сад, школа и т. п.), но и любой другой элемент социальной и культурной среды при использовании его соответствующим образом.

Подобные новшества требуют внесения принципиальных корректировок в организацию действующей системы образования с учетом необходимости сохранения и развития наиболее перспективных форм, методов и структур традиционной системы.

Условия реализации целей открытого образования:

- возможность получения образования (высшего, послевузовского и дополнительного) не в одном, а в нескольких учебных заведениях;
- возможность получения любой (естественно, несекретной) учебной информации любым обучающимся;
- возможность использования для получения учебной информации любых доступных современных информационных технологий [7, с. 172].

Основные идеи открытого образования:

- предоставление любому члену общества права на достижение и подтверждение любого образовательного ценза, удостоверяемого соответствующим документом при единственном ограничении, связанном с требованием соблюдения принятых образовательных стандартов;
- прием гражданина в высшее учебное заведение для освоения интересующей его образовательной программы без каких-либо ограничений, в том числе по возрасту, принадлежности к стране, академической успеваемости на предыдущих этапах обучения, уникальности специальности, времени начала обучения;
- предоставление каждому возможности обучения по индивидуальному плану, предусматривающему необходимый ему набор учебных дисциплин, удобную ему последовательность и доступный ему темп их освоения, желательную ему общую продолжительность обучения;
- обеспечение условий, при которых обучающийся, находясь практически в любом месте планеты, может освоить любую образовательную программу, за исключением тех, которые связаны с приобретением каких-либо уникальных навыков (например, навыков проведения хирургических операций);
- предоставление любому члену общества условий для непрерывного образования, повышения квалификации на регулярной основе, получения дополнительной квалификации, переподготовки [7, с. 172].

Система открытого образования ориентирована:

- на массовость и общедоступность независимо от социального статуса, территориального расположения, ограничения в гражданских правах и т. п.
- обеспечение широкого доступа к национальным и мировым образовательным ресурсам.
- возможность получения второго образования, например, экономического образования специалистами естественнонаучного профиля, технического образования специалистами медицинского профиля и т. п.

Для достижения подобных целей необходима ассоциация (консорциум) связанных друг с другом учебных учреждений, которая обеспечивает создание пространства образовательных услуг, взаимосвязь и преемственность программ, способных удовлетворять запросы и потребности населения.

Ключевым элементом системы открытого образования является специализированная *информационно-образовательная среда*, позволяющая реализовать технологии дистанционного обучения. Это системно организованная совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, протоколов взаимодействия, аппаратно-программного и организационно-методического обеспечения, ориентированная на удовлетворение образовательных потребностей пользователей.

Информационно-образовательная среда системы открытого образования должна представлять собой совокупность региональных информационно-образовательных сред, объединяющих

в своем составе виртуальные представительства учебных заведений своего региона. Единые принципы построения региональных информационно-образовательных сред позволят проводить каталогизацию ресурсов всей среды на федеральном уровне, осуществлять ее мониторинг и формировать статистические показатели работы на различных уровнях.

Информационно-образовательную среду следует насыщать *мировыми информационными образовательными ресурсами*, включающими:

- мировые образовательные сети;
- поисковые системы;
- образовательные веб-сайты;
- зарубежные образовательные системы;
- образовательные порталы ведущих университетов мира и их виртуальные представительства.

Образовательный портал учебного заведения, входящего в систему открытого образования, представляет собой веб-сайт, организованный как системное многоуровневое объединение разнообразных ресурсов и сервисов и нацеленный на выполнение новых функций средствами Интернета:

- образовательной и просветительской деятельности;
- пропаганды открытого образования; размещения рейтингов учебных заведений, предоставляющих услуги по открытому образованию;
- размещения рейтингов специальностей в зависимости от спроса на рынке труда; сбора и хранения информационных образовательных ресурсов;
- организации разработок новых информационных образовательных ресурсов;
- представления информации и средств общения соответствующим специалистам;
- содействия охране авторских прав разработчиков информационных образовательных ресурсов и т. п.

Взаимодействие обучающихся с виртуальными представительствами предполагает использование следующих составляющих: электронная библиотека; общение в режиме on-line или off-line; телеконференции; консультации и работа в чате групп обучающихся; общение студентов друг с другом; объявления администрации на сервере представительства; протоколы общения обучающихся с системой или администрацией и др. [7, с. 174].

В современных условиях информационной цивилизации открытое образование способно наиболее эффективно содействовать подготовке обучающихся к полноценному участию в общественной и профессиональной областях деятельности в условиях современного информационного сообщества. При этом следует иметь в виду, что система открытого образования не заменяет традиционную систему образования, включающую жестко регламентированные очную, очно-заочную (вечернюю), заочную формы и экстернат, но уже в настоящее время может существенно их дополнить. В то же время технологии дистанционного обучения, составляющие основу открытого образования, успешно интегрируются в существующие формы образования, прежде всего в заочное (заочно-дистанционная форма). В будущем это может привести к конвергенции различных форм получения образования и возникновения *единого образовательного пространства* [7, с. 170]. Данное пространство характеризуется поиском новых видов связи и координации между программами разных вузов, выбором различных форм образования и формированием вариативных образовательных программ на этой основе. Оно открыто для любого гражданина любой страны, в перспективе объединит следующие составляющие:

- множество образовательных учреждений различного типа;
- множество компьютерных сетей образовательных учреждений, подключенных к Интернету;
- единую базу данных и единую базу знаний;
- стандартизованные инструментальные средства разработки учебно-методических материалов;
- электронные библиотеки, каталоги и средства поиска первоисточников;
- согласованные на международном уровне образовательные стандарты и образовательные программы [7, с. 171].

В современном мире развиваются глубинные и объективные процессы формирования единого открытого образовательного пространства. Создаются специализированные открытые университеты (например, Британский открытый университет, Канадский открытый университет, Голландский открытый университет, Каталонский открытый университет и др.). Ликвидируют-

ся образовательные границы, повышается мобильность студентов и преподавателей, расширяется обмен научной информацией. Эволюция современных образовательных систем предстает как целостный процесс непрерывного изменения и развития составляющих их элементов с направленностью на интеграцию национальных систем в единое мировое образовательное пространство [9].

Интеграция российской высшей школы в единое мировое образовательное пространство, ставшая возможной вследствие формирования открытого общества в России, предполагает активное участие российских вузов в международном рынке образовательных услуг, международных образовательных и научно-исследовательских программах, обучение в России, а также в российских учебных заведениях и филиалах российских вузов за рубежом значительного контингента иностранных студентов по приоритетным направлениям науки и техники, а также интенсификацию процесса обучения российских студентов и аспирантов за рубежом.

Литература

1. Франчук В.И. Основы построения организационных систем. — М. : Экономика, 1991.
2. Шамова Т.И., Давыденко Т.М., Шибанова Г.Н. Управление образовательными системами: Учебное пособие. — М.: Академия, 2002.
3. Дендерина В.И. Педагогические теории, системы, технологии. — Ставрополь : СГУ, 1999.
4. Открытое дистанционное образование: Словарь терминов / Сост. А.А. Вербицкий и др. — Жуковский: МИМ ЛИНК, 2005.
5. Соколова И.Ю., Хохлова Д.А. Управление образовательными системами : учебное пособие. — Ставрополь : СГУ, 2002.
6. Третьяков П.И. Адаптивное управление педагогическими системами. — М. : Академия, 2003.
7. Открытое образование. — М. : Школа самоопределения, 2006.
8. Бондырева С.К. Социально-психологические основания развития единого образовательного пространства СНГ : Структурно-содержательные и функциональные характеристики взаимодействия субъектов : Дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1999.
9. Комплексная программа «Интеграция». — М. : Межвузовский центр образовательных программ, 1995.
10. Петровичев В.М. Региональное образование : организация, управление развитием. — Тула, 1994.

СВИДАНИЕ С МУЗОЙ КЛИО: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

*Презируя прошлое, мы презираем себя.
Н.М. Карамзин*

В статье раскрывается сущность исторического сознания, проблемы и пути его формирования. Характеризуется роль образования, литературы, телевидения, кино, театра в выводе исторического сознания российского общества из кризиса.

Ключевые слова: историческое сознание, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., русофобия, антисоветизм.

На крутых поворотах развития любого государства осуществляется ломка общественного сознания, всех его форм и структур, в том числе исторического сознания. Процессы, происходящие в нашей стране в последние два-три десятилетия, связанные с образованием нового политического и экономического строя, не могли не отразиться на общественном сознании, вошедшем в фазу динамических изменений.

Особенно заметно это проявилось в историческом сознании, находящемся до сих пор в состоянии смятения. Отрицаются, казалось бы, навечно устоявшиеся взгляды и оценки многих событий прошлого, исторических персоналий, реабилитируются одни верования и идеалы и предаются анафеме другие, низводятся с пьедесталов бывшие кумиры и возводятся другие. Так, на смену «красной легенде» пришла «белая». Вчера воспевали «красных дьяволят», сегодня стали популярными песни о «поручике Голицыне» и «корнете Оболенском». Умалчаются, порой, подвиги героев Великой Отечественной войны, в то же время стало чуть ли не модой представлять в респектабельном виде предателей, подобных генералу Власову. Последний, к примеру, у А.И. Солженицына — идейный борец против сталинского режима [1], а у В.И. Филатова, бывшего главного редактора «Военно-исторического журнала», — суперклассный агент советской разведки [2].

К сожалению, отечественная историческая наука, сама оказавшись в кризисном состоянии, не смогла своевременно ответить на вопросы, возникшие в обществе. Многим казалось, что стоит ликвидировать «белые пятна» в историческом процессе и историки обретут уверенность в своем деле. Однако случился парадокс: чем решительнее устранялись «белые пятна», тем сложнее становилось определять научные позиции.

Что происходит с отечественной исторической наукой? Каковы пути обновления исторической мысли, создания благоприятных условий для формирования исторического сознания, правильно отражающего прошлое? На эти и многие другие вопросы пытаются ответить историки и философы, публицисты и педагоги, государственные мужи и общественные деятели, все, кому не безразлична историческая судьба России.

Историческое сознание — структурный компонент общественного сознания, заключающий в себе знание истории, обобщение исторического опыта, отношение к историческим событиям и деятелям, их оценку. Историческое сознание общества, его отдельных социальных слоев и групп проявляется в различных формах, сложившихся стихийно или в рамках исторической и философской наук. Стержнем исторического сознания является научное восприятие прошлого, знание его. В то же время содержанием исторического сознания является стремление людей с помощью знания прошлого осмыслить настоящее и заглянуть в завтрашний день. «Мы можем жить в историческом прошлом, — писал Н.А. Бердяев, — как мы живем в историческом настоящем и как, уповаем, что будем жить в историческом будущем. Есть какая-то целостная жизнь, которая совмещает три момента времени — прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве» [3].

В структуре исторического сознания исходя из критериев исторической глубины и системности анализа прошлого условно можно выделить обыденно-психологический и научно-теоретический уровни. Обыденное восприятие фактов обладает огромной силой заразительности. Под воздействием публицистики, целенаправленной и концентрированной информации в общественном сознании могут за короткий срок резко измениться оценки событий и целых периодов прошлого. Но у этого восприятия имеются существенные изъяны: поверхностность суждений и оценок, преобладание в них эмоциональных оттенков в ущерб здравому смыслу и взвешенности. Поэтому во многом научное знание прошлого определяет уровень зрелости исторического сознания.

Нужно ли изучать историю человечества? Нужна ли историческая наука? Помогает ли она народам извлекать уроки из истории и лучше устраивать свою жизнь? Казалось бы, в постановке подобных вопросов немало наивности и несурзности. И, тем не менее, среди просвещенных людей всегда находились те, которые считали, что правильные решения, заключенные в прошлом, неповторимы, а знание ошибочных действий бесполезно. «Народы и правительства, — утверждал Гегель, — никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее» [4]. И до нашего времени не изжиты фаталистические убеждения, сущность которых сводится к тому, что в истории господствует рок, в судьбе каждого народа все предопределено, а значит, изучение прошлого мало что дает новым поколениям. В поддержку этих убеждений приводится, например, следующее обстоятельство: немало гневных слов высказано и написано по поводу войн, а они были всегда, происходят сегодня и, наверное, будут сопровождать и будущую историю человечества.

Тем не менее, во все времена большинство мыслителей считали, что историю человеческого общества знать не только интересно, но и необходимо. В.О. Ключевский писал: «История, говорят не учившиеся истории, а только философствующие о ней и потому ею пренебрегающие — Гегель, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ей, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней» [5].

Историческое познание необходимо, его потребность обусловлена стремлением человека, общества исследовать настоящее и предвидеть будущее. История предостерегает бедными предков деяниями потомков. По мере того как мыслители разочаровывались в религиозно-мифологических способах предвидения, переставали доверять оракулам и пророкам, они все более стремились найти объективное основание для прогнозирования развития общества. Таким основанием является научное познание, исследование прошлого с учетом относительного сходства и повторяемости исторических ситуаций и событий.

Историческая наука предназначена и способна реконструировать события минувших эпох. Благодаря ей, мы, живущие в XXI веке, знаем, как жили люди в далеком прошлом, кто ими управлял, создавал шедевры искусства и литературы. Знаем, как трагически складывалась судьба многих народов. Но почему новые поколения историков каждый раз возвращаются к исследованию не только отдельных фактов и событий, но и целых периодов прошлого? Почему мы сегодня, обращаясь к недавней истории нашего государства, ищем ответы на многие вопросы, хотя еще вчера нам казалось, что такие ответы были? В связи с этим следует выделить ряд обстоятельств.

Прежде всего, необходимо отметить, что историческая реальность всегда многообразнее, сложнее, чем ее отражение в знании, науке. В этом смысле процесс познания истории безграничен. Историки постоянно возвращаются и будут возвращаться к прошлому, его переосмыслению, обогащенные новыми фактами и новыми мировоззренческими мотивами.

Бытует суждение: чем больше исследователь соберет фактов, тем легче ему воссоздать историческое прошлое. Отсюда расхожие призывы сделать более доступными архивные фонды, публиковать больше исторических документов и т.д. Стоять на почве реальных фактов историку, разумеется, необходимо. Но для объективного воссоздания истории этого мало. Необходим анализ фактов в конкретно-историческом контексте. Историку следует уходить от интерпретации фактов с позиций заданных схем. Любой факт, если его вывести за пределы исторической эпохи, может обслуживать самые противоположные идеи. К примеру, крайне разноречивая оценка аграрной реформы П.А. Столыпина связана с тем, что в одном случае эта реформа рассматривалась и рассматривается с позиции ее влияния на развитие революционного крестьянского движения в России, а в другом

— ее идеи пытаются втиснуть в конструкцию современных аграрных преобразований в стране. Если же оценивать столыпинскую реформу землеустройства как реальный процесс, то в ней следует видеть, с одной стороны, прогрессивное начало, связанное с буржуазным развитием страны, с другой стороны, — ее незавершенность. Реформа не затронула помещичьего землевладения, что наряду с другими обстоятельствами вызвало дальнейшее обострение социальных противоречий в деревне и в обществе в целом.

Сегодня от историка общество ждет не столько новых фактов самих по себе, сколько новых мыслей и идей, не пересказа исторических событий, а их осмысления. Фактический материал — основа любого исторического исследования, фундамент, на котором строится здание исторической истины. Непростое дело — воссоздать факты, события прошлого. Но еще сложнее и важнее воссоздать соответствующую эпоху, ее социальную атмосферу, настроение общества, его историческое сознание. А для этого от историка требуется не только усердие в собирании фактов, но и способность к философскому осмыслению.

Трудности объективного и относительно полного воссоздания истории, поверхностные выводы из уроков прошлого — это в большей мере и следствие такого важнейшего фактора, как взаимодействие исторической науки и политики. В связи с этим вспоминается формула: «История есть политика, опрокинутая в прошлое». К сожалению, всегда и во всех странах политическая конъюнктура, социальный заказ в той или иной мере вторгались в историческую науку. «Партийная наука, — писал Г.В. Плеханов, — строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование «ученых», проникнутых духом партий и классовым эгоизмом» [6].

Исторический опыт, в том числе и опыт развития нашей страны, убедительно свидетельствует о том, что политика может «давить» на науку, если она заинтересована в определенном искажении прошлого. Отсюда и сокрытие истории в угоду временных политических интересов. В этом смысле можно говорить о том, что общественные науки всегда политизированы. И мера объективности науки во многом определяется нравственным состоянием общества, его политических сил, нравственностью ученого, исследователя, историка.

История — объективный процесс. Исказить его нельзя, ибо он является реальностью, не поддающейся изменению. Но вот историческую науку с помощью субъективной интерпретации фактов, умолчания, фальсификаций исказить можно. Поэтому нельзя списывать все недостатки общественных наук, в том числе и исторической науки, на счет политики. Всегда существовала и существует проблема внутренних и внешних установок исследователя, его нравственной позиции. К. Маркс писал: «Человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю «низким» [7].

История — наука высоконравственная. Историка, публицисту, пишущему или выступающему с той или иной трибуны на исторические темы, нельзя хладнокровно взвешивать на чаше весов истории, с одной стороны, загубленные жизни, а с другой — успехи в развитии страны, какой бы эпохи это ни касалось. Доставшееся нам от прошлого, когда в исторической науке «бал» правили политика и идеология, упрощенное и примитивное восприятие исторического процесса, деление фактов на «черные» и «белые» по своей нравственной сущности агрессивно и изначально неконструктивно. Нельзя оправдывать злодеяния прошлого — это безнравственно. Но не менее безнравственно мазать дегтем «ворота» истории своего государства.

Можно ли представить себе, к примеру, что какая-то часть современного французского общества начнет охаивать историю своего государства? Думается, что подобный вопрос и ставить бессмысленно. А разве история Франции так уж благополучна и безмятежна? Разумеется, нет. Вспомним в связи с этим некоторые факты истории Франции последних двух столетий. Трагедия Великой Французской революции 1789—1794 гг. Наполеоновские войны начала XIX в., закончившиеся для Франции тяжелым поражением. Кровопролитные революции 1830 и 1848 гг., Парижская коммуна. Крах в войне с Германией в 1870—1871 гг., когда Франция уступила победительнице значительную часть своей территории (Эльзас и Восточную Лотарингию) и уплатила огромную контрибуцию. А 1940-й год, когда гитлеровская Германия за 40 дней поставила Францию на колени. Нельзя не упомянуть и колониальные войны Франции в середине XX в., в которых были уничтожены миллионы людей. Через какие катастрофы и падения пришлось пройти французскому народу, прежде чем достигнуть современного уровня цивилизации!

Все государства и народы имеют сложную историю. И в истории России немало трагических и драматических страниц, немало того, чего мы можем стыдиться. Но в нашей истории есть много того, чем мы можем и должны гордиться.

К сожалению, по воле ряда историков и публицистов в некоторых статьях и телевизионных передачах на исторические темы доминируют негативные стороны нашей истории. Нигде, пожалуй, не охаивается история своей страны так, как у нас в России. Например, некто Свиначенко в пропитанной злобой к нашей стране статье, опубликованной в «Новой газете» от 1 апреля 2011 г., договорился до абсурда: «...у нас страна вообще бандитская. Пиратская. Вся построена на крови». К сожалению, Свиначенко далеко не одинок в своих оценках...

Нельзя разрушать историческое сознание. История — это хребет духовно-нравственных устоев народа. Здесь уместно вспомнить предостережение французского историка М. Блока: «Дурно истолкованная история, если не остережешься, может в конце концов, возбудить недоверие и к истории лучше понятой» [8].

Следует заметить, что в последние 15–20 лет публикаций на исторические темы появилось множество. Публицистика развеяла многие мифы, смело приоткрыла завесы над рядом неизвестных или трагических страниц отечественной истории, послужила толчком к новым подходам в оценке исторических событий, фактов, деятелей. Но в обстановке наплыва публикаций, дискуссий, «круглых столов», посвященных нашей истории, не могли не появиться определенные перекосы. На волне торопливости спутниками развития исторической мысли стали нетребовательность, неряшливость, дилетантство и тенденциозность.

К оценке фактов прошлого, исторического процесса нужен многомерный подход с учетом различных тенденций в развитии общественной жизни. Возьмем, например, развитие российского общества в начале XX в. Народная жизнь — жизнь рабочих, крестьян, мелких чиновников с их лишениями, страданиями, нищетой, неграмотностью. В то же время армия — те же крестьяне и рабочие, если иметь в виду солдатские массы — защищает существующий самодержавный строй, имущественные интересы помещиков и капиталистов. Одновременно развивается демократическое движение, целью которого было переустройство жизни общества на принципах свободы и справедливости. И само это движение было далеко не однородным. Иными словами, нельзя сложные противоречивые процессы уложить в определенную схему, однако учебники по истории и многие публикации грешат именно этим.

Многомерный подход нужен и к оценке послеоктябрьского периода истории, всех его этапов, основных процессов и событий. Между тем наметилась тенденция представлять этот период истории нашей страны как сплошную цепь преступлений, своего рода «уголовную хронику». Похоже, определенными политическими силами с помощью некоторых историков и публицистов преследуется коварная цель: не оставить в памяти потомков из нашей истории ничего созидательного, героического.

Чтобы написать правдивую полную историю советского общества, надо показать, как жили и трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись открытия и ошибки, победы и неудачи, светлое и трагическое, революционный энтузиазм народа и преступления руководства страны. В этом и заключается научный, материалистический взгляд на историю как на результат деятельности народных масс. Это и есть диалектическое понимание истории, чуждое односторонности, гипертрофированного выпячивания ее отдельных сторон.

Трудности, переживаемые нашей исторической наукой, характерны и для историографии Великой Отечественной войны. Следует подчеркнуть, что в последние годы в познании истории Великой Отечественной войны наметились положительные моменты. Об этом свидетельствуют проведение ряда крупных научных конференций, выход интересных работ по этой проблематике. Широко стали публиковаться архивные материалы и документы. Но нельзя не видеть и существенные недостатки в историографии важнейшего периода отечественной истории.

Если говорить о внешней стороне дела, то следует подчеркнуть, что работы по истории Великой Отечественной войны издаются малыми тиражами. А это означает, что не все даже крупные библиотеки их получают. Слабо освещаются материалы проводимых научных конференций. Еще большее беспокойство вызывает содержательная сторона. Некоторым изданным работам, публичным выступлениям историков присуще тенденциозное освещение исторических фактов, упрощенный подход к оценке прошлого. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих характерные, на наш взгляд, недостатки новейшей историографии Великой Отечественной войны.

Большое внимание в последние годы было уделено освещению предвоенного периода, в частности советско-германским отношениям. Появились крупные работы по этой сложной и актуальной историографической проблеме. В них даются в целом объективные оценочные положения и выводы. В то же время некоторые авторы заняли позицию резкого осуждения политики руководства СССР по отношению к Германии, позицию, на наш взгляд, не соответствующую историческим фактам. Нередко объявляется «приговор» Договору 1939 г. о ненападении между Германией и Советским Союзом. «Сталин, — утверждает доктор исторических наук Н.Г. Павленко, — сорвал возможность заключения союзного договора с западными державами перед войной» [9]. А как оценивать Мюнхенское соглашение и тот факт, что Англия и Франция в 1938 г. заключили с Германией договоры о ненападении?

Новые перекосы появились в раскрытии проблемы, связанной с причинами крупных поражений Красной Армии в начальный период войны. Раньше в советской историографии эти причины сводились в основном к объективным факторам: превосходству Германии в военно-экономическом отношении над СССР, вероломству гитлеровского руководства, нарушившего договор о ненападении и внезапно напавшего на Советский Союз, от мобилизованности германских войск, накопивших большой опыт боевых действий. Причины субъективного характера, связанные с ошибками и просчетами советского руководства, отодвигались в тень, рассматривались упрощенно. Ныне произошла перестановка, говоря шахматным языком, рокировка: объективные факторы отодвинуты, и трагедия 41-го в основном объясняется ошибками руководства, просчетами Сталина. Снова возобладал одномерный подход в оценке сложнейшей проблемы.

Разумеется, об ошибках и просчетах надо говорить. Но при этом следует учитывать, что для исторической науки проблема ошибок, просчетов тех или иных руководителей всегда была непростой. «Не является секретом, — пишет доктор исторических наук В.М. Кулиш, — что великие перемены в истории никогда не обходились без ошибок, что все войны полны ошибочных решений и действий сторон» [10]. Можно было бы вспомнить ошибки американского правительства в войне с Японией, не говоря уже о стратегических просчетах Гитлера и его соратников. Были и у И.В. Сталина просчеты и ошибки, простительные и нет. «Война, — отмечал У. Черчилль, — это по существу список ошибок...» [11].

За последние годы усилился поток публикаций, посвященных И.В. Сталину, в том числе и его деятельности накануне и в ходе Великой Отечественной войны. При этом сложился еще более широкий разброс мнений. Крайние точки зрения сводятся к формулам: 1) СССР победил в войне благодаря Сталину, его полководческому гению; 2) советский народ совершил подвиг в годы войны и одержал победу вопреки Сталину.

Как всегда, крайности далеки от истины, хотя, наверное, и они способствуют ее поиску. И.В. Сталин — личность сложная, противоречивая, неординарная. Значит и изучение этой личности, эпохи, связанной с ней, предполагает многомерные подходы, всесторонний анализ и обязательное следование принципу историзма. Необходимо понимать содержание общественного сознания и особенности психологии советских людей 40-х годов, а не подгонять их действия под современные оценки. Конечно, нужно избегать досужих вымыслов, искажений. К примеру, многие годы из одного издания в другое переходит версия о том, что в первые дни войны И.В. Сталин бездействовал, никого не принимал. Версия живуча, хотя она была давно опровергнута [12].

Никто не оспаривает тот факт, что кадровые чистки в 1937—1938 гг. ослабили армию, что сказалось не ее поражениях в 1941 г. Очевидно и то, что неглубокое понимание военных вопросов в начале войны в сочетании с верой в свою непогрешимость, желание многих окружающих угадать мнение И.В. Сталина, лезть нанесли много вреда. Хотя, как свидетельствуют Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.С. Конев и другие военачальники, И.В. Сталин в ходе войны стал гораздо лучше разбираться в вопросах военной стратегии и оперативного искусства (война учила всех: от рядового до Верховного главнокомандующего) и, что еще важнее, в процессе принятия решения опирался на мнения командующих фронтами и других военных руководителей.

Нужно сказать и о том, что сосредоточение власти в руках Сталина, его огромная политическая воля, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны, сыграли положительную роль. Президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев подчеркнул: «Кто бы что ни говорил сегодня, историческим фактом остается то, что победа советского народа в Великой Отечественной войне одержана под руководством Верховного главнокоман-

дующего И.В. Сталина и таких выдающихся полководцев, как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов, К.А. Мерецков, Л.А. Говоров, И.Х. Баграмян, И.Д. Черняховский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, А.И. Ерёменко, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, адмирал флота Н.Г. Кузнецов и другие» [13].

Некоторым авторам, выступающим по проблематике истории Великой Отечественной войны, присуще стремление всячески принизить значимость победы СССР над фашистской Германией, дегероизировать подвиг народа и его вооруженных сил. О патриотизме, массовом героизме и энтузиазме советских людей в годы войны написано множество книг — документальных и художественных, поставлены сотни кинофильмов и театральных спектаклей. Многих героев знают всюду. Их имена носят улицы, школы, поселки.

Как ни горько об этом говорить, но кое-кто считает, что хватит рассказывать о героизме и патриотизме. Делаются попытки противопоставить подвиги «одиночек» и коллективный героизм, подвиг народа. А ведь подвиги самопожертвования во все времена сохранялись в народной памяти (и не только в России), о них слагали песни, баллады, о мотивах героизма в бою написано немало философских, психологических трудов.

Не прекращаются попытки принизить роль СССР в разгроме фашистской Германии, дискредитировать нашу Победу. Так, А.И. Солженицын называет Отечественную войну бездарно проведенной, самоистребительной. [14]. С особым цинизмом вычеркивал из истории подвиг советского народа писатель В.П. Астафьев, сочинивший роман со страшным названием «Прокляты и убиты».

Победа советского народа над фашистской Германией стоила ему огромных, невиданных в истории жертв. Война унесла около 27 млн. жизней советских людей. Советские люди гибли в боях, их расстреливали, вешали, натравливали на них собак на оккупированной территории, в лагерях смерти. А сколько людей потеряли здоровье и стали инвалидами при эвакуации и бомбежках, от голода и эпидемий...

Но очевидно, что в полемике историков, журналистов по проблеме «цена победы» присутствует, наряду с разумным стремлением установить истину, нездоровое желание поиграть цифрами, добытыми из сомнительных источников, и, порой, самостоятельными, умозрительными подсчетами. Этим особенно грешит доктор филологических наук Б. Соколов, утверждающий, что потери Красной Армии в Великой Отечественной войне составили до 30 млн человек. Между тем, кропотливые исследования коллектива военных историков под руководством генерала-полковника Г.Ф. Кривошеева установили эти потери численностью в 8,7 миллиона человек. [15].

В целом, если говорить о негативных тенденциях историографии Великой Отечественной войны, то их суть сводится к тому, что многие авторы нарушают диалектику противоборства СССР и Германии, сводящуюся к двум определяющим проблемам: 1) причины катастрофического для СССР начала войны, когда немецкие войска смогли дойти до Ленинграда и Москвы, а потом и до Волги; 2) истоки народной силы, факторы победы СССР над сильным противником.

Следует отметить, что антисоветизм в средствах массовой информации и особенно на российском телевидении нередко переплетается с русофобией. Так, 18 сентября 2010 г. на 5-м телеканале в передаче «Суд времени» обсуждался вопрос: «Внешняя политика Александра Невского — губительная или спасительная для Руси?». Сама постановка вопроса оскорбительная для исторической памяти русского и других народов нашей страны. К тому же сторона обвинения пыталась доказать, что князь Александр положил начало варварскому пути развития Русского государства, заключив союз с Ордой и отвергнув союз с католической Европой. Академик Ю. Пивоваров заявил: «Из-за Александра Невского Россия «отскочила» от Европы, народ попал в рабство». И добавил: «Невский стал героем Сталина»... Нужно ли комментировать подобные суждения? Вряд ли. Заметим одно: если бы не Александр Ярославович, не быть бы Руси православной.

Еще несколько слов о нравственности историка. Она предполагает уважительное отношение к своей (не «этой стране»), к ее прошлому. Порядочный человек даже о трагических страницах истории своего Отечества не будет писать с иронией и со злорадством. Нельзя не сказать и о внимательном, уважительном отношении к трудам своих предшественников. Историческая истина добывается усилиями всех поколений исследователей. С высоты нынешнего знания истории можно найти, наверное, немало огрехов в труде Н.М. Карамзина «История государства Российского», но этот труд входит в число классических произведений отечественной и миро-

вой историографии. Известный русский историк Н. А. Полевой [16] называл Н.М. Карамзина «великим творцом истории», «нашим незабвенным историком» и в то же время считал, что «как философ-историк Карамзин не выдерживает строгой критики» [17]. Хороший пример уважительно-критического отношения одного историка к труду другого.

История несет в себе огромный воспитательный потенциал. Важно в связи с этим должным образом поставить историческое образование в стране. Можно, разумеется, приветствовать появление новых учебников по истории, издание трудов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, других, отечественных историков. В то же время нельзя не видеть печального явления, когда книжный рынок, полки библиотек заполняются изданиями сомнительного содержания, с вымыслами, сплетнями, грубыми ошибками. Появляются подобного рода и художественные, и документальные фильмы. Важно защитить неокрепшее развивающееся историческое сознание молодежи от влияний такой продукции. Подростки, юноши и девушки в большинстве своем тянутся к истории, хотят знать, как жили их предки, учиться у истории. И помочь им в этом благородном стремлении должны историки, философы, публицисты, писатели.

Думается, что историческое сознание российского общества должно выйти из состояния смятения. Историческая память, историческое сознание – духовный «мост», переброшенный через пропасть между эпохами, «мост», ведущий человека из прошлого в сущее и грядущее. Как важно политикам, мыслителям, всем гражданам нашей страны осознать, что они находятся на этом «мосту». Как важно вырваться из плена старых представлений, убеждений. Не возомнить себя все осознавшим, знающим ответы на все вопросы, имеющим право судить историю, деяния ушедших и уходящих поколений с высоты своего времени. Нужно учиться у истории, подчеркнем эту мысль еще раз, ибо, как сказал кто-то из древних мудрецов, «прошедшее еще предстоит».

Литература

1. Солженицын А. И. Русский вопрос к концу XX века // Новый мир. – 1994. – № 7. – С. 167.
2. Филатов В.И. Сколько было лиц у генерала Власова? // Молодая гвардия. – 1995. – № 4. – С. 160.
3. Бердяев Н. Смысл истории. – М., 1990. – С. 57.
4. Гегель А. Соч. Т. 18. – М., 1935. – С. 7–8.
5. Ключевский В. О. Материалы разных лет. Соч. Т. 9. – М., 1990. – С. 307.
6. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 2. – М., 1956. – С. 397.
7. Маркс К, Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 26. – Ч. 2. – С. 125.
8. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. – М., 1973. – С. 8.
9. Павленко Н.Г. Сталинские концепции военной истории // История и сталинизм. Сборник статей. – М., 1991. – С. 355.
10. Кулиш В.М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны // История и сталинизм. Сборник статей. – М., 1991. – С. 328.
11. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. – М., 1989. – С. 315.
12. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. – С. 216–220.
13. Гареев М. Непобедимая и легендарная. Военно-промышленный курьер. – 2010. – № 7.
14. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. – М., 1990. – С. 2–3.
15. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (Статистическое исследование) / Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
16. Полевой Н.А. Рецензия на «Историю Государства Российского» Н.М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая часть XIX в.) / Под ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1990. – С. 169, 170, 161, 163.

РОЛЬ И МЕСТО ДИСЦИПЛИНЫ «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК» В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ

«... Мы, русские, принадлежим и по языку и по природе к европейской семье, «genus Europaeum» — и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии, должны идти по той же дороге...»

И.С. Тургенев. Из письма А.И. Герцену от 27 ноября 1862 г.

Статья посвящена вопросам преподавания латинского языка студентам, обучающимся по специальности «Регионоведение» в Институте мировых цивилизаций, — необходимости его изучения, особенностям, методике. Показана мировоззренческая, общекультурная значимость латыни, ее исторические судьбы.

Ключевые слова: изучение латинского языка, латынь как инструмент мировой культуры, духовные ценности, постигаемые при изучении латыни, особенности преподавания латинского языка в Институте мировых цивилизаций.

В расписании занятий студентов-регионоведов Института мировых цивилизаций строка с наименованием дисциплины «Латинский язык» фигурирует с самых первых дней существования нашего вуза. Строка непривычная, нехарактерная для большинства факультетов подобного профиля обучения. Вписанный в расписание между дисциплинами сугубо рациональными, злободневными и тесно связанными с потребностями будущей практической работы выпускников, латинский язык выглядит неким анахронизмом, или, по крайней мере, предметом, попавшим сюда вследствие какой-то ошибки из расписания занятий студентов факультета классической филологии. Однако никакой ошибки здесь нет, и включение в курс обучения регионоведов этой сугубо филологической составляющей вполне закономерно, более того, насущно необходимо.

Практика показывает, что отсутствие ярко выраженной филологической компоненты в интеллектуальном багаже регионоведа заметно ограничивает его творческие возможности (будь это специалист по регионам зарубежного мира или регионовед «внутренний», занимающийся изучением своей родной страны). Эта нехватка оказывается чреватой как недостаточно высокой культурой речи (что зачастую обуславливает посредственное качество устных и письменных выступлений), так и слабой ориентацией в «безбрежном океане» научной терминологии, исторически сформировавшейся на основе латинской лексики.

Здесь следует особо подчеркнуть неравнозначность понятия «иностраный язык», традиционно фигурирующий в программах обучения, и понятия «латинский язык». В силу обеспечиваемых его изучением результатов, латинский язык вооружает специалиста не просто очередным инструментом получения информации, каковым в первую очередь является владение живым иностранным языком. Изучение латыни (даже при том, что слово «изучение» звучит несколько претенциозно и что скорее бы здесь следовало употребить формулировку «знакомство с основами латинского языка») дает несоизмеримо больше. Оно развивает у студентов особый дар — «языковое чутье», которое позволяет им не просто механически запоминать встречающиеся в курсах обучения иноязычные термины, в подавляющем большинстве своем производные от латыни, но и глубже понимать их значение. Этому во многом способствует получаемое в ходе занятий знание основных принципов словообразования, а также тех латинских аффиксов, которые участвуют в формировании интернациональных научных терминов.

Предлагаемый студентам-региоведам ИМЦ курс латинского языка исходит из потребностей современного образования, предполагающего не просто изучение еще одного (и к тому же мертвого) языка, но рассмотрение его как инструмента познания мировой культуры, которой латинский служил на протяжении более чем двух тысячелетий. Таким образом, изучение латинского языка призвано помочь студенту приобщиться к европейской и тем самым к мировой цивилизации, что, кстати сказать, как нельзя лучше отражает саму неповторимую специфику нашего вуза — Института мировых цивилизаций.

Кроме того, в современной высшей школе очень остро ощущается необходимость еще одной реформы, дополняющей и углубляющей уже проводимую ныне переориентацию на новые стандарты образования. Сутью этой концептуальной реформы должен стать (а иначе и быть не может) действительный переход от тоталитарной духовной нищеты и ограниченности к собственным истокам, прерванной традиции и общеевропейским историко-культурным корням, подлинному гуманизму. Следовательно, изучение латинского языка является необходимым и полезным не только для студентов-филологов, но и для всех тех, кто стремится получить полное и всестороннее образование, отвечающее потребностям сегодняшней России.

В статье сформулировано несколько тезисов, подтверждающих разностороннюю полезность, более того, жгучую необходимость преподавания латинского языка в системе подготовки студентов-регионоведов Института мировых цивилизаций.

1. Удивительная судьба выпала на долю латинского языка. Начав свою историю как язык небольшого племени латинян в низовьях Тибра в Италии, он со временем стал языком огромной Римской империи, занимающей просторы от Британии до Евфрата и от Германии до песков Нубии. Римская культура, литература, искусство представляли собой синтез разнообразнейших традиций и воздействий Ближнего Востока, Египта, Греции, Северной Африки, Испании и т. д. На латинском языке были запечатлены итоги многовекового развития Средиземноморского ареала, будь то художественная литература или юридические тексты, рецепты кухни или грамматические учения, философские трактаты или учебники военного искусства. В V веке н.э. Римская империя пала, но наследие ее в виде языка, литературы, права, образования, церкви, частично науки осталось жить в последующих веках, будучи воспринято нарождающимися новыми государствами Европы. Латинский язык на протяжении еще более чем тысячи лет обслуживал эти сферы жизни. На нем говорили и писали свои произведения священники, монахи, учителя, ученики, поэты, историки, дипломаты, ученые. Достаточно лишь сказать о том, что все свои научные работы (а их более 170) ученый номер один нашей страны М.В. Ломоносов написал на латинском языке (так что современные ученые мужи читают труды своего великого соотечественника не в подлиннике, а в переводе) [1]. По этим причинам можно утверждать, что латинский язык — это не только язык Древнего Рима, но и основа европейской культуры вплоть до Нового времени. Ренессанс, Просвещение, последующие классицистические движения и эпохи — все это питалось и оплодотворялось латынью, несшей в себе мощную культурную традицию и духовный потенциал. Огромный пласт интеллектуальной лексики проник в период Возрождения в национальные языки Европы, создавая предпосылки их культурного единства. Знание латинского является необходимым для всякого, кто занимается историей Европы с древнейших времен вплоть до XX века, что бы он при этом ни исследовал — философию или историю, театр или живопись, экономику или юриспруденцию. Однако знакомство с латинским языком необходимо не только узким специалистам, но и практикам. Сопричастность своей истории, традиции, понимание исторических корней своей цивилизации, приобщение к истокам и пути, пройденному предками, плодотворный духовный диалог со своим прошлым составляет суть любого мыслящего и чувствующего, цивилизованного (то есть вырванного из тьмы варварства) человека — *Homo humanus*. Если мы согласны с тем, что воспитание такого человека в стенах института является приоритетной задачей и составляет специфику учебного заведения, его отличие от прочих вузов, то приобщение студентов к многовековым пластам европейской культуры и цивилизации должно стать основополагающим моментом в программах Института мировых цивилизаций.

2. Еще одной важнейшей целью преподавания латыни является поиск истоков, культурной связи, духовного наследия, то есть, в конечном счете, поиск пути к подлинному гуманизму. Еще в середине прошлого века, во время ожесточенных споров «реалистов» и «классицистов» вокруг преподавания древних языков в российской гимназии, один из участников этой дискуссии справедливо писал: «Изучение природы не развивает в изучающем ни нравственных идей, ни благородного образа мыслей; не воспитывает в нем уважения к чужой личности, ни сознания собственного достоинства перед себе подобными; не возбуждает в нем гуманных, любящих чувств; не внушает ему удивления к гражданским доблестям и желания служить общему благу с готовностью пожертвовать для него личным... Такие результаты добываются изучением человека, человеческой деятельности, человеческой судьбы, человеческого духа, словом, того духовно-нравственного мира, который слагается из человека, а не знакомством с явлениями природы и отвлеченными категориями математики» [2]. Имелось в виду, что тесное знакомство с

миром античности, достигаемое в процессе чтения древних авторов, дает как раз необходимую для воспитания Человека и Гражданина духовно-нравственную основу. Это замечание не теряет актуальности и в наши дни, в условиях господствующего, к сожалению, в нашем обществе прагматизма, когда теряются, размываются понятия духовности, гуманизма, гражданственности, любви к родине. Что же мог бы почерпнуть для себя из античного гуманизма студент современного российского вуза? Какие нравственные, политические, эстетические ценности, выработанные греками и римлянами, сохраняют актуальность в наши дни? Вот главные из этих непреходящих ценностей, которые, на наш взгляд, могут быть подмечены и обдуманы студентами в процессе разбора учебных текстов, встречающихся в курсе латинского языка:

- сформировавшиеся в античности основные признаки и атрибуты правового государства: демократия, верховенство закона, свобода слова, политический плюрализм, право частной собственности и др.;

- характерное для античного мировоззрения признание самоценности свободной человеческой личности;

- исконный смысл понятия «гражданин», подразумевающий полноправие и ответственность свободного члена общества, добровольно берущего на себя обязанности перед этим обществом;

- неоднократно проявленные древними греками и римлянами рационализм и чувство меры в политической практике, здравый скептицизм в отношении к утопическим проектам;

- возвышенный культ прекрасного, воспитывающий не ненависть, а доброту и гармонию души, не варварское отношение к прошлому, а уважение к традициям предшествующих столетий.

Именно изучение латинского языка с его афоризмами, вобравшими мудрость всей античности, и неторопливое чтение античных авторов с соответствующей интерпретацией их текстов больше всего могут способствовать «деварваризации» нашего общества, гуманизации политической и общекультурной сферы общественной жизни, воспитанию членов этого обновленного общества, которыми мы хотели бы видеть выпускников Института мировых цивилизаций.

3. Изучение латинского языка ценно также тем, что в этом языке запечатлена совершенная и логичная языковая модель. Она обнаруживается в стройной системе склонения и спряжения, в математически точной структуре глагола, в схематически четком соотношении времен и т. д. Эта обозримая и довольно легко выучиваемая языковая система дает наглядное и компактное представление об организации языка вообще и позволяет в дальнейшем сознательно, а не вслепую подходить к изучению любого другого языка мира. В этом преимущество латыни как одного из первых иностранных языков, и ее изучение является наиболее простым и эффективным способом введения студента в мир Языка. Это объясняется еще и тем, что латынь — один из древнейших индоевропейских языков, родственный германским, славянским, иранским и некоторым другим языкам, не говоря уже о так называемых «романских» (то есть по сути «римских») языках, являющихся живым и естественным ее продолжением — итальянском, испанском, португальском, французском, румынском. В филологии эти языки в шутку называются «испорченной латынью». Естественно поэтому, что зная латынь, легко выучить эти языки, не говоря уже о возможности читать и понимать тексты на этих языках. Однако не только романские, но и прочие европейские языки многое позаимствовали из латыни во время их сосуществования в средневековье и позже. Во всех европейских языках существует огромный пласт международной (то есть всем понятной) лексики (особенно в сферах науки, культуры, образования, политики, религии), происходящей из латинского языка и ставшей составной и важной частью новых языков. Можно сказать, что латинский словарь — это ключ почти ко всем языкам мира, особенно же к европейскому словарному запасу. Возьмем для примера английский язык. Его часто называют современной латынью, имея в виду роль этого языка как языка межнационального и международного общения. Значение английского языка в различных сферах современной жизни огромно, поэтому знание английского сейчас считается необходимым для каждого культурного человека. Так вот, именно для хорошего, качественного знания английского языка весьма полезным оказывается владение латынью. Почему? Ведь английский язык относится к германским языкам и не происходит непосредственно из латыни. Дело в том, что в результате разнообразных завоеваний, переселения народов, культурных влияний латинский элемент в конечном счете составил весьма значительную часть лексики современного английского языка. Исследования показали, что из 20 000 наиболее употребляемых слов английского языка 10 400 (то есть более половины) — латинского происхождения [3]. Кроме того, помимо чисто лексической помощи в изучении новых языков, латынь помогает

понять грамматические явления, происходящие от соответствующих латинских форм. А ведь наступление латыни и ее инфильтрация в современные языки еще далеко не закончились. На основе латинских корней в последние столетия и даже десятилетия рождаются новые и новые слова, которые завоевывают все новые языки. Таковы, если взять только русские реплики этих слов: плюрализм, интеграция, верификация, билатеральный, маргинальный, инфляция, амбивалентность, пролонгация и т. д.

4. Естественным продолжением вышесказанного будет упоминание о том, что латинский язык заложил основы научной и культурной терминологии практически во всех сферах человеческой деятельности. Таким образом, для студента-регионоведа, соприкоснувшегося с латынью, не будут представлять никакой сложности терминологические хитросплетения его «родной» науки. Более того, появляется возможность понимать терминологию и другой, смежной науки, что в наш век, когда самые интересные открытия происходят на стыке наук, представляет собой немаловажное преимущество.

5. Изучение латыни оказывается также весьма и весьма ценным для повышения уровня знания нашего родного — русского языка, где количество слов латинского происхождения определяется приблизительно в 20%. Речь идет не просто о владении языком как средством общения, но и о повышении общекультурного уровня. Общеизвестно, что наше восприятие русской литературы (особенно поэзии) прошлого неадекватно ее интеллектуальному наполнению. Мы не в состоянии в полной мере оценить и прочувствовать многослойные толщи культурного контекста, в рамках которого эта литература существует, просто потому, что наши любимые писатели и поэты XVIII, XIX и начала XX века писали в расчете на другого, более просвещенного читателя, получившего образование хотя бы в объеме классической гимназии, изучавшего несколько лет древние языки [4]. Компенсировать снижение общего уровня образованности, характерное для последних 80 лет функционирования образовательной системы, также может рассматриваться как задача, достойная того, чтобы найти свое отражение в планах и учебных программах Института мировых цивилизаций.

Наконец, следует отметить, что латинский язык является языком, наиболее свободно поддающимся самостоятельному изучению в силу того факта, что это язык мертвый, то есть не требующий развития навыков произношения и разговорной речи (первоочередная задача при изучении живых современных языков), а следовательно, максимально приспособленный для домашней, внеаудиторной работы студентов, что идеально соответствует условиям современного обучения, предполагающего значительный объем часов, отводимых на самостоятельную работу студента.

Вместе с тем нельзя не отметить, что масштабность стоящих перед данным курсом учебных задач требует подробнее остановиться на некоторых трудностях методологического характера. Дело в том, что курсы латинского языка, подобные тому, который читается в нашем вузе, являются в настоящее время скорее исключением, чем правилом педагогической практики и, как следствие, лишь в малой степени обеспечены соответствующей учебной литературой.

Большинство учебников латинского языка в нашей стране создавалось людьми, получившими образование и имеющими опыт работы на факультетах и отделениях классической филологии. Преподавание латинского языка на таких факультетах имеет ряд особенностей: высокий общеобразовательный уровень студентов, значительное количество часов, отводимое на изучение языка, наличие большого количества «сопутствующих» дисциплин: истории Древнего Рима, истории римской литературы и др. Всё это позволяет изучать язык почти исключительно посредством чтения и перевода большого количества текстов. Практически все имеющиеся в нашем распоряжении учебники латинского языка состоят из описания грамматики, текстов для чтения и словаря. Упражнения, направленные на отработку и закрепление грамматических правил и лексического материала, в имеющихся учебниках почти полностью отсутствуют.

Такой способ преподавания латинского языка в неязыковых вузах крайне неэффективен. Небольшое количество часов, отводимое на преподавание латинского языка, отсутствие у студентов навыка работы с языковыми структурами требуют более интенсивных методов преподавания языка; предполагают разработку цикла упражнений, способствующих успешному усвоению лексического и грамматического материала.

Разработанная в нашем институте методика преподавания латинского языка студентам-регионоведам строится на базе методик преподавания живых иностранных языков и предполагает преобладание активных методов над пассивными. На начальном этапе освоения языка, когда

изучаются алфавит и правила чтения, активно практикуется транскрибирование студентами отдельных латинских слов и отрывков средствами русской графики, это способствует быстрому усвоению правил чтения буквы *c*, сочетания *ti*, диграфов *ae* и *oe*. Благодаря транскрипционным упражнениям устраняется опасность влияния со стороны иных иностранных языков, пользующихся латинской графикой. Кроме собственно транскрипционных упражнений, студентам предлагается выбрать из нескольких транскрипций одного слова одну правильную.

Широко практикуется перевод с русского языка на латинский, что способствует активному усвоению студентами латинских грамматических конструкций; если при переводе с латинского на русский студент часто может перевести предложение «по смыслу», то при переводе с русского на латинский студент вынужден работать с латинскими грамматическими формами.

Другим способом активизации усвоения грамматического материала является поиск ошибок. Студентам сообщается, что в предлагаемый им текст заложено определённое количество ошибок, которые им необходимо отыскать и исправить.

Поскольку курс латинского языка в неязыковом вузе носит общеобразовательный характер и не имеет своей целью подготовку специалиста, профессионально работающего с античными или средневековыми памятниками письменности, нам не представляется разумным ограничить знакомство студентов с латинским языком лексико-грамматическими упражнениями и работой с текстами. Крайне полезна работа по отысканию латинских заимствований в русском и изучаемом иностранном языке. Особенно эффективна работа не с прямыми заимствованиями, а с кальками.

Разбор формы и значения слов латинского языка может оказаться захватывающе увлекательным, а изучение словообразовательных закономерностей представляет интерес тем, что обогащает память сведениями из области взаимосвязи и истории языковых элементов. Кроме того, изучение структуры слов в синхронном плане развивает способность мыслить аналитически и дает толчок к более глубокому и чуткому восприятию языковой формы, заимствований, архаизмов и неологизмов в русском языке.

Интересно высказывание Гегеля о латинском языке: «Изучение грамматики древнего языка имеет то преимущество, что оно есть постоянная и непрерывная деятельность разума, поскольку здесь, в отличие от родного языка, где привычка без размышления дает правильное сочетание слов, необходимо учесть определенное значение частей речи, определяемое рассудком, и призвать на помощь правила для их соединения. Но тем самым и происходит постоянное подчинение особенного общему и обособление общего, в чем ведь и состоит форма деятельности рассудка» [5].

При изучении разных дисциплин в школах умственные способности развиваются неодинаково. При изучении математики пользуются абстракцией числа и символа; при изучении языка имеют дело с конкретными значениями лексических элементов. Решение математической задачи совершенствует умение рассуждать, разбор латинского текста также развивает эту способность и наряду с этим знакомит с образцами литературного творчества, способствует накоплению в памяти лексических элементов, облегчающих мотивированное закрепление (запоминание) значительной части семантики слов, бытующих в живых языках. Мотивация необходима в момент освоения слова, его смысла. Без мотивации понимания слова его прямого и переносного значения может и не возникнуть. Очевидно, мотивация нужна и тогда, когда осваивается новое слово, особенно, если оно приходит из иноязычных источников. Несомненно, усвоению, пополнению содержания изучаемого слова способствует умение сличать его с уже известными лексическими элементами. Понимание большей части слов романских языков, а также в значительной мере славянских и германских зависит от знания латинских и греческих слов и словообразовательных элементов.

К сожалению, в пособиях по современным языкам закономерности словообразования слов латинского происхождения почти совсем не учитываются. Труды, характеризующие словарный состав русского языка, приводят лишь перечень латинских суффиксов. Еще меньше внимания уделено выявлению представленных в русском языке элементов романо-германской лексики латинского происхождения. Сейчас на них обращают особое внимание при изучении перевода с одного языка на другой. Так, М.М. Маковский в исследовании «Теория лексической аттракции» дает в качестве приложения краткий словарь «ложных друзей переводчика», исходя из того, что «слова, живущие одновременно в нескольких языках, часто оказываются «ложными друзьями переводчика» [6]. Среди них особенно выделяются латинские по происхождению. Однако осмысление структуры и внутренней формы таких слов, как аппарат, арбитр, аудитория, аффект, девиз, десерт, импозантный, импорт, инстанция, конкурс, консерватория, ликвидация, стабильный, суспен-

зия, торт, фабула, ценз, эффект и многих других дает возможность видеть в них разнообразное содержание, если в процессе перевода помнить о том, что это слова не русские, а латинские, то есть эти звуковые комплексы не могут быть только связаны со смыслом, закрепленным за ними в данном языке. Слова, возникшие в лоне одного языка, получают порой неожиданные, трудно-объяснимые значения в другом языке. Тем более, «чужие» формы, образовавшиеся по «иным» законам, несут в себе зародыш непредвиденных смысловых нюансов. К примеру, носитель русского языка привыкший понимать слово «конкурс» в одном смысле и не задумывающийся над тем, что «кон -» соответствует «со -», а «курс -» — «бег», не подготовлен к тому, что в иностранных языках это слово буквально означает «совместный бег», то есть воспринимается в первую очередь именно как спортивное состязание с целью достижения победы и лишь затем употребляется в своем переносном значении — «соревнование интеллектуальное с целью поступления в вуз или приема на работу».

Самый богатый словарь не может дать всех оттенков значений, возникающих в разных сочетаниях. Лексикограф не может предвидеть все возможные варианты будущих значений. Только вдумчивый подход к элементам словообразования позволяет по-новому использовать слова и понимать их в изменяющихся условиях. Такая задача в области русской лексикологии далека от своего решения. Учащимся средних общеобразовательных школ, например, неизвестно, какие закономерности латыни действуют в русском языке. Латынь им представляется чем-то далеким, доступным лишь узким специалистам. Из-за этого многие лишают себя возможности воспользоваться таким важным средством, каким является латынь, для повышения культуры родной речи и более эффективного изучения родного и иностранных языков.

По этим причинам в учебном пособии по латинскому языку, используемом на занятиях со студентами-регионоведами, предпочтение отдается разбору и усвоению слов, корни которых вошли в современные языки. Хорошее овладение иностранной речью требует в среднем пассивного запаса в 5000, а активного в 2000—3000 слов. Еще до начала знакомства с латынью это количество латинских лексических элементов фактически должно быть в памяти тех, кто владеет русским языком. Если латинская лексика трудно усваивается, как сетуют языковеды, то, следовательно, большое количество русских слов латинского происхождения можно считать неосмысленными. Некоторым студентам могут быть неизвестны слова акведук, конкордат, террариум, виадук, тривиальный, инкриминировать и другие. У других могут быть неточные или вообще неправильные представления об известных им словах аквариум, аэронавт, потенциальный, аудитория, декламация, дебитор, фабула, лаборатория, монстр, меморандум, нумерация, валентность, патриот, партер и многих других. Запас слов зависит, конечно, от индивидуальной, общей подготовки, уровня и качества преподавания русского языка в школе, социального окружения и других факторов.

Латинский язык, в свою очередь, является «вспомогательным инструментом» для лучшего осмысления и понимания своего родного языка. Поэтому наряду со всеми вышеприведенными соображениями гуманистического характера, одной из основных целей преподавания латинского языка в Институте мировых цивилизаций является, на наш взгляд, расширение лингвистического кругозора студентов-регионоведов, что ведёт к повышению уровня культуры их речи как на иностранном, так и на родном языке.

Литература

1. Боровский Я.М. Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) // Проблемы международного вспомогательного языка. — М., 1991. — С. 70—76.
2. Замечания на проект Устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. — СПб., 1862. — Ч. II. — С. 193.
3. Байтукалов Т.А. Быстрое изучение иностранного языка от английского до японского (коммуникативная методика на базе метода УМИН). — М., 2008. — С. 56.
4. Аринштейн Л.М. Классическая традиция в русской поэзии: динамика развития. // Классическое наследие и современность. — С. 63—65.
5. Ефимова И. Осмысление специфики преподавания латинского языка в гимназии. // Гуманитарное образование в школе: теория и практика, 3 октября. — 2004. — С. 74.
6. Маковский М.М. Теория лексической аттракции. — М., 1971, — С. 127—156.

ПСИХОЛОГИЯ

Чернавин Ю.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТИЛЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА

В статье раскрываются сущность и психологические характеристики категории «стиль управления», рассматривается ее соотношение с категорией «стиль менеджмента», а также особенности категорий «стиль политического управления» и «политический стиль управления», их зависимость от многообразия субъективных и объективных факторов. Раскрываются основные типы стилей политического управления.

Ключевые слова: стиль управления; стиль менеджмента; стиль политического управления; политический стиль управления; типы стилей политического управления.

Категория «стиль» имеет множество значений. Применительно к сфере культуры и искусства разработаны «архитектурный стиль», «художественный стиль», «литературный стиль», «музыкальный стиль», «стиль языка», «стиль речи». В этом смысле стиль обозначает общность средств художественной выразительности, творческих приемов, образной системы. Можно говорить о стиле целых эпох, крупных художественных направлений, стиле жанра или даже об индивидуальном стиле (творческой манере) того или иного автора.

Социальная психология и социальная философия оперируют понятиями «стиль поведения», «стиль жизни», теория управления — понятиями «стиль управления», «стиль руководства». Говоря о стиле поведения, жизни следует иметь в виду определенный тип поведения людей и социальных групп. Причем внимание в этом случае сосредоточено на субъективной, психологической стороне человеческой деятельности — мотивах, ориентациях, установках, формах решений и поступков. Стиль управления (руководства) определяется тем, как руководитель интерпретирует и реализует свои властные функции. Иными словами, в целом стиль любого вида деятельности характеризует прежде всего то, *каким образом, какими средствами* социальный субъект решает стоящие перед ним задачи.

О каких средствах деятельности может идти речь? Под средствами обычно понимают приемы, методы, способы, подходы, нормы, принципы, которые субъект применяет для достижения целей своей деятельности. Они именуются *стилевыми характеристиками*. Такие характеристики привычны для руководителя, связаны с его манерой поведения, деятельности, принятия решений и их реализации. Стилевые характеристики носят субъективно-психологический характер. То, какие методы управления изберут для использования конкретный руководитель или орган власти, во многом зависит от их внутренних, в том числе личностных, индивидуально-психологических, социально-психологических, характеристик. Вместе с тем абсолютизация субъективности стиля была бы ошибкой.

Во-первых, стиль деятельности существенно влияет на ее результаты. Поэтому выработка и владение оптимальным для конкретных условий стилем является важным средством обеспечения эффективности соответствующего вида деятельности. Абсолютизация субъективности в управлении грозит перерасти в субъективизм, не учитывающий объективные закономерности развития той или иной сферы жизни общества, а значит, обреченный на неуспех в достижении управленческих целей.

Во-вторых, субъективные характеристики управления зависят от сути управления, его структуры, которая имеет сложный характер. Ее элементами выступают: 1) субъект управления; 2) объект управления; 3) прямое управленческое воздействие субъекта управления на объект; 4)

обратное воздействие объекта управления на субъект; 5) влияние внешней среды на объект и субъект; 6) влияние субъекта и объекта управления на внешнюю окружающую среду (рис. 1).

Рис. 1. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ

Суть управления сводится к взаимодействию субъекта и объекта, в процессе которого достигаются управленческие цели, обеспечивается целостность, функциональность социальной системы. Иными словами, субъект управления способен влиять на объект, но в пределах, ограниченных объективными законами, присущих данной сфере общества. Например, государство, как субъект управления, вольно определять стиль управляющего воздействия, но его методы и средства будут соответствовать законам политики, политической системы. Управляющий промышленным предприятием никогда не достигнет поставленных целей, если стилевые характеристики его воздействий не скорректированы с объективными характеристиками, такими, как отношения собственности, законы развития экономической сферы, состояние средств производства, наличие или отсутствие квалифицированной рабочей силы и т. д. Стиль руководства духовной сферой жизни общества зависит от сути духовности, законов функционирования общественного сознания, науки, искусства, религии и др.

Итак, стилевые характеристики управленческой деятельности характеризуют прежде всего субъект управления, являются результатом его выбора. В то же время, осуществляя подобный выбор, лидер, руководитель, орган управления учитывают характер и законы развития объекта управления, его обратное воздействие.

Помимо этого, стиль управленческой деятельности формируется и под взаимодействиями, с одной стороны, субъекта и объекта управления как единого механизма и, с другой стороны, внешней окружающей среды. В частности, для механизма политического управления такими факторами окружающей среды будут экономические, социальные, нравственные, национальные, религиозные, культурные характеристики общества. Безусловно, их внешний характер относителен, условен. В той или иной конкретной ситуации сила воздействия внешних факторов будет различна. Однако политический лидер, орган политического управления, обладающие определенным стилем политического управления и принимающие собственно политические решения, обязательно учтет характер процессов, разворачивающихся в тех сферах общества, которые выступают для политической системы как внешние, окружающие — в экономике, социальной сфере, духовной жизни. Вне всякого сомнения, на политический стиль будут воздействовать и другие ипостаси внешнего — процессы международного характера.

Таким образом, *стиль управления* — это привычная, характерная для конкретного субъекта управления система методов, реакций на возникающие ситуации; это стабильно проявляющие-

ся особенности взаимодействия субъекта и объекта управления, формирующиеся под влиянием как объективных и субъективных условий управленческого процесса, так и индивидуально-психологических особенностей личности руководителя, социально-психологических особенностей управляющих групп.

Следует обратить внимание читателя на следующую особенность: субъектом политического управления может быть не только индивид, например, политический лидер, политический руководитель, политический менеджер, но также и элита, социальная группа, нация, та или иная партия, государственный орган с присущим им политическим стилем.

Выяснение сущности стиля управленческой деятельности, определение ее субъекта закономерно подводит нас к рассмотрению актуальной для современной политической деятельности проблемы *стиля менеджмента* в отличие от *стиля управления*. В современной научной литературе используются категории управления, руководства, лидерства, менеджмента. В ряде случаев они выступают как синонимы, хотя, при тщательном рассмотрении, отчетливо видны аспекты, отличающие их друг от друга.

Практика показывает, что ни один фактор не приносит большей пользы обществу, государству, организации, чем эффективное лидерство. Слово «лидер» происходит от английского *leader* (*вес-ти*). Значит, лидер — это ведущий, идущий впереди. Лидер обладает высоким личным статусом, безоговорочным авторитетом, оказывает сильное неформальное, социально-психологическое влияние на окружающих, выполняет комплекс функций, сходных с функциями руководителя. Но сходство функций не означает, однако, что понятия «лидерство» и «руководство» тождественны. Между ними есть различия, причем весьма существенные (схема 1)[6].

Лидер	Руководитель
Неформальная, спонтанная основа появления (высокий личный статус, сильное влияние на людей)	Формальное получение должности (правовой статус, должностные обязанности по управлению персоналом)
Неформальные рычаги управления (личное обаяние, высокий авторитет)	Административные рычаги управления (поощрение, наказание, приказ, административная власть)
Механизм институирования (получение признания от коллектива, организации, общества)	Механизм институирования (официальное назначение, выборы)
Механизм воздействия на людей (воодушевляет, побуждает к действию, берет на себя ответственность за реализацию групповых, общественных интересов)	Механизм воздействия на людей (иерархическое подчинение, выработка указаний, наложение ответственности за неисполнение)
Отношения (лидер — последователь)	Отношения (начальник — подчиненный)

Схема 1. Различия лидерства и руководства

Лидерству в значительной мере свойственна неформальная, индивидуально-психологическая и социально-психологическая основа. Суть лидерства состоит в наличии последователей. Иными словами, человек становится лидером благодаря готовности людей следовать за ним [1]. Люди склонны следовать за теми, кто яснее и четче может сформулировать стоящие перед ними цели и задачи, определить пути и способы их решения, за теми, кого считают способным предо-

ставить им средства для удовлетворения их собственных потребностей, кто обладает харизмой, уверенностью в собственных силах, развитой волей. Это означает, что лидерство и мотивация деятельности тесно связаны. Лидер способен не только улавливать мотивации и настроения группы или общества, но и усиливать или ослаблять их посредством собственного авторитета или установленного организационного климата.

Вследствие указанных обстоятельств лидер, как правило, выдвигается спонтанно. Руководитель же назначается официально. В отличие от неформальных, социально-психологических рычагов управления, характерных для лидера, руководитель пользуется преимущественно административными рычагами (поощрение, наказание и т. п.). Если за лидером следуют, веря в него и его начинания, то решения руководителя выполняют вынужденно. Руководитель принимает управленческие решения, организует и контролирует их выполнение, однако он вряд ли способен эффективно повлиять на мотивацию людей. Даже если руководитель не назначается, а выбирается, то и этот вариант институирования не делает его лидером. Руководитель становится им, если пользуется высоким авторитетом, если его личностные, индивидуально-психологические, интеллектуальные, деловые качества и стиль управления снискали признание людей. Лидер может быть руководителем, руководитель же далеко не всегда становится лидером, поскольку зачастую не обладает для этого необходимыми личностными качествами.

Проблема политического лидерства и политического руководства имеет определенное практическое-политическое значение. Кто находится во главе государства? Лидер или руководитель? Ответ на вопрос позволит, в частности, спрогнозировать развитие политических событий. Народ, ведомый признанным политическим лидером, способен на осуществление таких значимых изменений в обществе, которые никогда не станут реальностью, если во главе стоит только политический руководитель.

В идеале, безусловно, видится совпадение в одном субъекте управления качеств руководителя и лидера. Однако если говорить об этапах политического развития того или иного общества, то проблемы управления в обществе и государстве с устоявшимися политическим режимом, стабильно развивающейся экономикой, отточенной законодательной базой, с ситуацией партнерства в социальной сфере будет способен решать политический руководитель. А вот общество, характеризующееся политической, экономической, социальной неустойчивостью, находящееся на этапе перехода от одного типа государственности к другому либо поставившее перед собой масштабные задачи исторического свойства (например, задачи системной модернизации страны), нуждается в общенациональном лидере.

Итак, в научной литературе рассматриваются аспекты политического руководства (как институционального осуществления управленческих функций) и политического лидерства (как эффективного, хотя и неформального влияния). Однако рассматривая проблему политического стиля, мы будем говорить о субъекте управления как более общем феномене влияния, включающем и формальные, и неформальные стороны.

Как соотносятся понятия «управление» и «менеджмент»? В последние годы «менеджмент» начинает все более энергично вытеснять из нашего лексикона привычное слово «управление». Равноценна, правомочна ли эта замена? Применимо ли понятие «менеджмент» к политической сфере?

Управление как функция любых организованных социальных систем обеспечивает поддержание деятельности и реализацию целей системы. В этом сущность управления. Вследствие этого управление шире менеджмента, хотя в современной практике и литературе эти понятия зачастую считаются синонимами.

В основе термина «менеджер» лежит английский глагол *to manage* — управлять, происходящий от латинского *manus* — рука. Менеджер — профессиональный управляющий, человек, обладающий специальными знаниями, талантом и определенными навыками в области организации и управления тем или иным видом деятельности [3]. В западной терминологии менеджер не может идентифицироваться с первым лицом, это управленец среднего звена, занимающий должность в качестве специалиста или руководителя организационного подразделения.

В отечественной литературе под менеджментом понимается процесс планирования, организации, контроля, необходимый для достижения целей, поставленных перед организацией, сферой деятельности. Исходя из этого *стиль менеджмента* — это система личностных, социально-психологических средств, способов, приемов, характерных для данного субъекта управления, проявляющихся в особенностях его деятельности по решению организационных за-

дач — планирования работы, реализации управленческих решений, контроля их выполнения. Если для решения задач политического управления нужен скорее лидер, то для уровня политического менеджмента, как представляется, довольно и просто ответственного руководителя.

Политическим менеджментом занимаются руководители структурных подразделений в органах государственной власти, функционеры политических партий, общественно-политических движений. Можно утверждать, что в последние годы на наших глазах идет быстрое становление новой профессии, связанной с менеджментом в политике. Спрос на услуги профессиональных менеджеров, работающих в политической области, в среде политических технологий, постоянно растет. Например, это связано с выборами в органы власти различного уровня. В профессиональную группу, обеспечивающую проведение выборов, включаются спичрайтеры, на долю которых приходится составление речей и текстов для размещения в средствах массовой информации. На данных социологов, исследующих динамику политических процессов, направленность политических пристрастий, строится аналитика. Политологи-теоретики способны создать политическую программу и дать систематический анализ политического процесса. В политических командах креативной работой, связанной с придумыванием интриги кампании, слоганов, занимаются PR-щики. Как правило, присутствуют и психологи, обеспечивающие психологическое сопровождение избирательной кампании, а также сопровождение политика, претендующего на победу в результате выборов. В последнем случае психологи выполняют задачи консультантов по имиджу.

По мнению Е. Шестопа, в большинстве политических организаций и политических кампаний все эти функции зачастую выполняют одни и те же люди. Это означает, что профессиональное разделение труда в сфере политического менеджмента пока не достигло высокого уровня [7]. Тем не менее профессиональные команды, на практике работающие в сфере обеспечения выборов различного уровня, обладают собственным стилем политического менеджмента, характерными средствами и методами работы, отличающими их друг от друга. В одном случае достижение определенных результатов обеспечивается посредством высокого профессионализма менеджеров, в другом, — благодаря сильнейшему напряжению сил команды, в третьем, — вследствие использования «грязных» технологий.

Как видим, стиль политического менеджмента — феномен чрезвычайно динамичный, подверженный изменениям в зависимости от самых разнообразных факторов как объективного, так и субъективно-психологического порядка, конкретной области деятельности, решаемых задач, характера взаимодействий с внешней средой.

Следует различать два подхода к трактовке проблемы стиля применительно к политическому управлению: во-первых, речь идет о *стиле политического управления*; во-вторых, — о *политическом стиле политического управления*. В первом случае показатели стиля связаны прежде всего с личностными, психологическими характеристиками субъекта, особенностями организаторской, управленческой работы в конкретной государственной структуре, политической партии, политическом исследовательском центре. На стиль менеджмента, как было показано, в этом случае сильно влияет востребованность или невостребованность результатов, мнения начальников.

Во втором случае категория «политический стиль управления» носит более глобальный характер, она связана не столько с личностными, психологическими особенностями субъекта управления, сколько с общими показателями политической системы, особенностями политической культуры, национальных традиций, уровнем цивилизационного развития, наконец, со спецификой того или иного этапа истории, присущего данному обществу.

Обсуждение таких понятий, как политический стиль управления, подчеркивает А. Панарин, сталкивает нас со своего рода корпускулярно-волновым дуализмом, принятым в физике [5]. Неклассическая физика, как известно, описывает ряд явлений на двух параллельных языках — на языке корпускулярной теории и на языке теории поля. Автономность и взаимную незаменимость этих языков фиксирует известный «принцип дополнительности». Американский социальный психолог К. Левин, глубоко исследовавший проблему управленческих стилей, распространил этот принцип на описание социально-психологических явлений, в котором понятие поля означает «психологическое единство» личности и ее окружения [4].

Пользуясь терминологией корпускулярно-волнового дуализма, можно полагать, что «корпускулярность» стиля политического управления связана с конкретными механизмами социальной детерминации, определенным набором факторов, взаимодействий субъекта и объекта управления, правовыми отношениями, которые «на выходе» дают прогнозируемые, «просчи-

танные» характеристики стиля. В данных социальных и политических координатах иных быть не может. «Поле» в данном случае означает, что личность, социальная группа, выступающие в качестве субъекта управления или менеджмента, погружены в некую не совсем структурированную социальную среду, которая способна оказывать на них влияние внеинституциональным (помимо конкретных механизмов социальной детерминации), психологическим и даже неосознанным образом. Подобное влияние осуществляется прежде всего факторами и элементами духовной культуры. Рассматривая структуру духовной культуры с точки зрения глубины хранения и трансляции культурного опыта, возможно выделить три слоя:

1) поверхностный слой включает общественные ценности и нормы деятельности, в том числе ценности и нормы политической деятельности, характерные для сложившейся политической системы; общественное мнение и настроение, социально-психологический климат; феномены социальной информации и коммуникации (совокупность знаний и сведений о происходящих в обществе и политике процессах, каналах их передачи);

2) средний слой духовной культуры составляют общие мировоззренческие принципы и идеологии, выраженные в формах науки, религии, идеологии, искусства и т.п.;

3) глубинный культурный слой образуют своеобразные информационные матрицы особо устойчивого характера, элементарные образы, смыслы, которые существуют, как правило, неосознанно.

Элементарные образы, или, по К. Юнгу, архетипы, — это образования, представляющие собой психические осадки бесчисленных переживаний многих поколений на протяжении истории национальной культуры, общества в целом. Подобные первообразы в процессе деятельности находят воплощение в понятиях и идеалах, например, Родины-матери, Героя-защитника, Демона-зла и т.д. В особых исторических условиях коренящиеся в бессознательном первообразы способны подняться к социальной поверхности, реализовать свою силу в масштабных, целенаправленных действиях масс людей. Причем мощь этих подвижек бывает такова, что противодействия им не имеют даже маленьких шансов на успех. Подобных примеров в истории России много. Это, в частности, борьба против польских интервентов под руководством Минина и Пожарского, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война.

Отношения, связывающие глубинные слои духовной, национальной, политической культуры и ее верхние, поведенческие уровни, всегда присутствуют в общественном сознании и поведении в некоем «рассеянном» виде, создают своеобразную ауру, присущую данному обществу, его «поле» и определенным образом воздействуют на процессы политического управления (менеджмента), формируя политический стиль. Воздействия «поля», таким образом, обладают определенной спецификой:

а) оно пронизывает общество, оказывая не только сиюминутный эффект, но и реализуя фактор социально-временного дальнего действия, социальной инерционности. Духовные, культурные образы, смыслы, традиции, политические пристрастия, социально-психологические конструкты сохраняют свою актуальность, реализуются в политическом стиле длительное время. В связи с этим для политического стиля характерно единство традиции и инновации. Инновация предполагает постоянные изменения в субъекте и объекте управления, открывающие возможности для возникновения большого количества точек соприкосновения между ними и, следовательно, для возникновения большого количества вариантов реализации. Поиск, выбор того или иного варианта, способа управленческой деятельности и создает ситуацию инновации. Культурный и социально-психологический опыт данного общества, воплощенный в традициях, играет в политическом стиле роль своеобразного критерия, «ограничителя», не позволяющего снизить эффективность управления;

б) механизмы «поля» отличаются тонкостью взаимодействий между личностью и ее политическим, общекультурным, социально-психологическим окружением. Для подобных взаимодействий не характерны жесткие причинно-следственные связи, присущие «корпускулярности»;

в) влияние культурного и психологического «поля» всеохватно. Основные политические типы личности и соответствующие им политические стили формируются не столько в собственно политической области, сколько в процессе самой разнообразной управленческой практики — производственной, финансовой, образовательной, научной, сферы услуг и т.д. Значительная часть политических лидеров, политических управленцев и менеджеров получали первоначальный управленческий опыт, не будучи политиками, и лишь впоследствии переносили свои навыки в об-

ласть политического соперничества и политических решений. А вот приобретенный ранее стиль управления кардинально изменять не приходилось. Политический стиль управления, как правило, связан с повседневными управленческими стилями административной, хозяйственной практики и не противоречит им, поскольку помещен в общее поле той или иной культуры.

Первое употребление терминологии, относящейся к обозначению стилей, связано с именем К. Левина и было заимствовано им из способов именно государственного управления, а затем применено в управлении бизнесом. Подход американского ученого к проблеме, выработанный в 1930-е годы, сохранился до настоящего времени. В современной научной литературе выделяются следующие стили управления и менеджмента: *авторитарный* (порой предлагаются иные названия — автократический, административный, волевой, директивный), *демократический* (он же коллегиальный, товарищеский), *либеральный* (свободный, нейтральный, анархический, попустительский, невмешательский, разрешительный, формальный, номинальный) [3].

Авторитарный стиль в управлении и менеджменте характеризуется высокой степенью централизации, утверждением власти, диктатом воли, отношением к подчиненным управленческим звеньям и людям только как к исполнителям. Авторитарный руководитель принимает решения единолично, основываясь на личном опыте и интуиции, директивно определяет функции управленческой иерархии, не позволяет проявлять инициативу, строго контролирует выполнение управленческих решений, пресекает всякую критику в свой адрес и наделяет исполнителей минимумом информации. Для такого руководителя при подборе заместителя важна не столько компетенция, сколько лояльность и беззаветная преданность, безотказное выполнение воли. Авторитарный стиль предполагает сосредоточение усилий управляемых только на производственных, рабочих моментах, забота о людях в данном случае минимальна.

Отрицательными чертами авторитарного стиля являются подавление руководителем стремления подчиненных работать творчески, проявлять инициативу и самостоятельность, блокирование процессов самореализации личности, нагнетание страха. Однако при всей своей непривлекательности авторитарный стиль имеет и положительные моменты. Они связаны с оперативностью управленческого воздействия и надежным контролем, незаменимыми в экстремальных социальных ситуациях, при политических кризисах, в условиях недостаточной управляемости и жестком дефиците времени.

Если авторитарный стиль делает акцент на административном принуждении, то демократический — на побуждающих возможностях управления. Демократический стиль базируется на сознательной, продуманной децентрализации управленческих функций. Властные полномочия в известной степени делегируются средним и нижним управленческим звеньям. Развивается процесс консультаций с подчиненными при выработке решения, налажены каналы передачи информации, механизмы обмена мнениями. Непременными являются дискуссии как собственно управленческого, так и социального, политического характера. Дискуссии строятся на основе отстаивания собственных точек зрения и поиска совместных, максимально эффективных решений. В этом случае подчиненные заинтересованно воспринимают управляющие решения, в подготовке которых они сами зачастую принимают участие [2].

При демократическом стиле управления одна из основных функций органов и субъектов управления, менеджмента — координация работы по выполнению принятых решений. Дисциплина исполнения базируется на сознательности людей как граждан и работников, а не на страхе перед начальником и в целом перед государством. При доминировании демократического стиля, утверждающего творчество, самостоятельность, ценности самореализации личности, вырабатывается либо общность взглядов, либо терпимость по отношению к инакомыслящим, утверждается высокий престиж руководящих органов, лидеров, менеджеров. Вместе с тем подобный стиль требует много времени и усилий на разработку и согласование управленческого решения. Алгоритм менеджмента приобретает «многоходовый» характер, таит в себе опасность ослабления контроля, порой приводит к безответственности, связанной с бездействием или непредвиденным действием субъектов, оставшихся при своем мнении и не желающих подчиниться другому.

Либеральный стиль в менеджменте характеризуется предоставлением возможности людям и событиям идти своим чередом, так как считается, что природа человека или природа политического процесса сами по себе гарантируют искомый результат. Этот стиль, в противоположность авторитарному, сосредоточен на человеке, удовлетворении его интересов и потребностей. Он отличается минимальным участием руководителя в управленческих действиях. Подчиненные структуры обладают свободой в принятии решений по основным направлениям собственной

деятельности. Либеральный стиль позволяет достигать высоких управленческих результатов, однако его использование ограничивается рядом обстоятельств. Он оправдан в том случае, если люди обладают высокой сознательностью, преданностью общему делу, необходимой квалификацией, проявляют творческую инициативу и ответственность. Владеть либеральным стилем в менеджменте — непростая задача. Нужно уметь якобы ничего не делать самому, но при этом обладать полной информацией обо всех происходящих процессах, поддерживать тесные отношения с неформальными лидерами, умело определять главные направления деятельности, корректно ставить задачи, координировать взаимодействие сотрудников, управляемых структур, направляя их усилия на достижение общих целей.

Слабой стороной либерального стиля является его способность очень быстро превращаться в попустительство. Грань между ними тонка. А вопрос между тем имеет принципиальный характер. Как представляется, либеральный стиль — это управление. Попустительство — это уже не управление. При попустительстве теряется главное — сохранение целостности и эффективности системы, направленность деятельности на конкретные цели. Иными словами, попустительство — это социальное разрушение, осуществляемое, как правило, психологическими механизмами. Если в условиях попустительства организация, социальная система еще сохраняет свои параметры и живучесть, то здесь заслуга не управленца, а совсем других процессов — самоорганизации, которая имеет свои социальные и психологические алгоритмы и исследуется социальной синергетикой. Вследствие этого называть либеральный стиль управления «попустительским» — ошибка методологического уровня.

Попустительство возможно при недостаточной зрелости и опыте руководителя и управляемых коллективов. В этом случае велика опасность деления подчиненных на противостоящие группировки, преследующие не общие, а лишь собственные цели, и возникновения между ними конфликтов. «Управленец-либерал», как правило, использует ограниченные методы воздействия — просьбы, уговоры. Зачастую он не в состоянии принять решение о наказании и обращается в этом деле за помощью к вышестоящим управленческим структурам. Сокращение дистанции в общении с подчиненными нередко приводит к подпаданию руководителя под их влияние. Наиболее влиятельные неформальные лидеры пытаются «подменить» начальника, принимая на себя те или иные управленческие функции.

Видный специалист в теории управления В. Кнорринг, имея в виду либеральный стиль управления, подчеркивает, что «в настоящее время далеко не все производственные коллективы готовы к этой форме самоуправления, тем более что идеи либерализма извращены и опошлены» [3]. Данные оценки применимы сегодня не только к производственному менеджменту, но и к политическому.

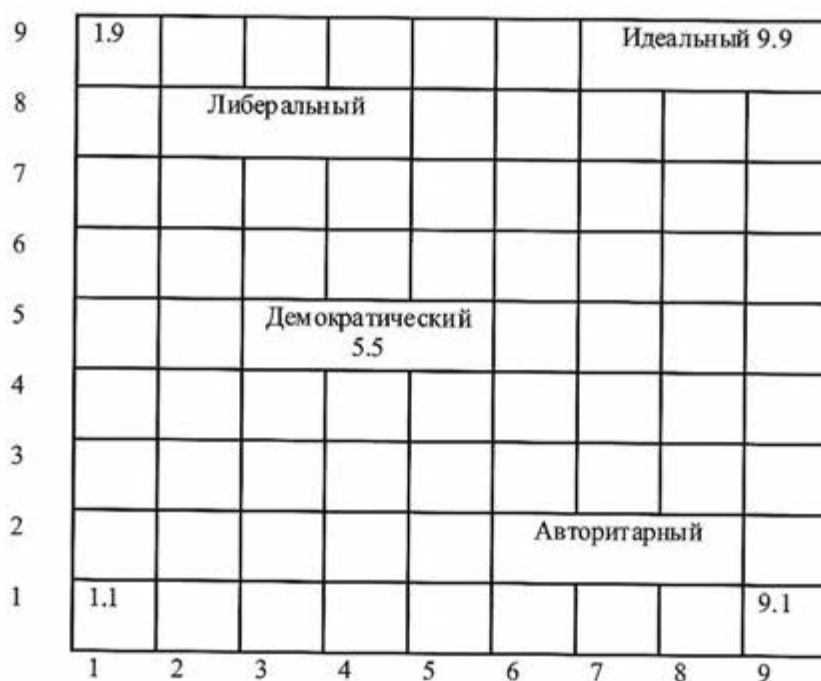

Рис. 2. Стили управления на решетке менеджмента

Изучение соотношения стилей управления, менеджмента привело к созданию соответствующей матрицы, известной также как «решетка менеджмента» (рис. 2). Предложенная американскими учеными Р. Блейком и Д. Моутоном матрица стилей представляет собой сочетание различных комбинаций двух подходов к менеджменту — управление с особым вниманием к человеку (либеральный стиль) и управление с главным вниманием к производству (авторитарный стиль). Первый подход ранжируется по вертикали на 9 степеней, второй — по горизонтали на 9 степеней. Всего получается 81 вариант стиля менеджмента (9x9). На практике крайне сложно четко определить, к какому именно квадранту матрицы относится тот или иной стиль деятельности. В действительности делать это не обязательно, достаточно проанализировать наиболее характерные позиции матрицы. Они отражают рассмотренные стили и наглядно демонстрируют, что идеальным должен быть стиль менеджмента с координатами 9.9, когда максимально учитываются нужды производства и потребности человека.

Разработанная «решетка менеджмента» помогает при исследовании разнообразных стилей, их идентификации. Однако следует понимать, что ни один стиль управления не может быть универсальным для каждой политической, производственной или организационной ситуации. На практике обычно встречаются смешанные, гибридные стили. При этом *стиль политического управления (менеджмента)* зависит от совокупности конкретных обстоятельств — личностных, психологических характеристик управленца, степени квалификации команды, характера решаемых задач, экстремальности управленческой ситуации и т. д. *Политический стиль менеджмента* определяется факторами, характерными для всего общества.

Совокупность подобных факторов проанализировал А. Панарин. По его мнению, такими являются: исторический, экономический, административно-территориальный, факторы характера управленческой ситуации, уровня сложности решаемых задач [5]. Всякий раз они имеют ту или иную психологическую подоплеку.

В историческом плане на политический стиль управления и менеджмента оказывает влияние длительный процесс формирования отношений между гражданским обществом и государством. В случаях, когда государство возникло как фактор сдерживания внешней агрессии (например, борьба с татаро-монгольским завоеванием Руси), то это чаще всего приводит к авторитарной доминанте в политике и соответствующему ей политическому стилю.

Авторитарный политический стиль, характерный для России в ее истории, неизбежно взаимосвязан с соответствующим культурным типом. Россия вобрала в себя огромное культурное и религиозное многообразие народов. Их духовность, ценности, психология не смогли самопроизвольно слиться в органическое единство, не были способны к синтезу. Если основой формирования западноевропейской культуры стала протестантская и католическая религия, то православие выступило важным фактором становления российской цивилизации и культуры, но не ее основой. Такой основой, как представляется, явилась государственность с характерной для России приверженностью монархизму, имперской политике, которые связаны опять-таки с авторитарным политическим стилем.

Культурные коды и психологические характеристики, коренящиеся в глубинных слоях духовной культуры нации, составляющие ее первообразы, архетипы, оказывают впоследствии длительное воздействие на общественную практику. Какие бы то ни было преобразования в экономической, социальной, политической, духовной сферах не могут проводиться посредством разрушения или тотальной смены традиционной культуры, а только на основе ее сохранения и преумножения. К динамичным социальным сдвигам в определенной мере могут приспособляться поверхностный и средний культурные слои, но информационные матрицы глубинного слоя обладают сильнейшей инерционностью. Здесь по большей части сами нововведения должны «подгоняться» под фундамент культуры и психологии этноса. Это не означает абсолютизации положения о том, что авторитарный политический стиль, имеющий глубокие исторические и культурные корни, должен найти свое обязательное продолжение в современной российской политической практике. Однако трансформация общества на путях его демократизации должна учитывать специфику и традиции нашей истории, политики, духовности, психологии, вырабатывать специфические способы демократизации страны.

Мощным фактором, воздействующим на политический стиль менеджмента, является тип экономической системы с характерной для него психологией отношений. Первичной экономи-

ке, в которой большинство работников занято в сельском хозяйстве, наиболее благоприятствует авторитарно-патриархальный стиль в политике. Вторичная экономика связана с доминированием промышленности в структуре занятости. Период перехода от первичной к вторичной экономике требует ужесточения властного стиля вплоть до тоталитарного. В противном случае общество вряд ли вынесет тяготы первоначального накопления. Развитое индустриальное общество (зрелая вторичная экономика) характеризуется доминированием демократического стиля в политике. Это обусловлено сосуществованием различных форм собственности, многовариантностью и сложностью экономических процессов, «затухающих» в условиях авторитарных и тоталитарных ограничений и требующих для успешного развития свободного демократического поля, инициативы, ответственности, самостоятельности работников.

Демократический стиль управления характерен также и для третичной экономики, в которой структура занятости отличается преобладанием сферы услуг. Правда, отдельные авторы (например, Р. Арон) преисполнены «постдемократического» пессимизма. Высокий уровень потребления и масштабный досуг, по их мнению, расслабляют политическую волю управляющих субъектов и самодисциплину граждан, тогда как эффективная демократия предполагает обязательное наличие и первого, и второго.

Подобные зависимости, рассмотренные в русле экономического детерминизма, не следует считать безусловными. Однако рассмотренные как факторы, усиливающие вероятность того или иного политического стиля, эти взаимосвязи выглядят обоснованными и приемлемыми.

В работах авторов, стоящих на позициях географического детерминизма, еще со времен Ш. Монтескье рассматривается влияние административно-территориального фактора на политическое устройство общества. Этот фактор связан с пространственным удалением или сближением центра политического управления с управляемыми структурами. Логика рассуждения при этом, как правило, следующая: особенности демократического стиля, связанные с консультированием, совместностью поиска эффективного варианта решения, особой важностью координации действий, психологической эмпатией предполагают территориальное сближение субъекта и объекта управления. Большое количество посреднических звеньев, неизбежно возникающих на большой территории, в известной степени искажают информацию, затрудняют обратную связь, в целом понижают эффективность менеджмента и ставят под вопрос возможность демократического стиля.

Безусловно, подобная трактовка излишне прямолинейна. Не следует напрямую связывать политический стиль управления и территориальные особенности, характерные для данного общества. Пространственная удаленность, психологическая разобщенность, появление промежуточных управленческих звеньев влияют не на политический стиль, а на эффективность управления. «Растянутость» структур управления при любых характеристиках политической системы порождает элементы авторитаризма в принятии решений, ведь периферия власти в их выработке не участвует или участвует недостаточно. В дальнейшем управляющий центр зачастую не знает, каким образом интерпретируются и как выполняются его решения на местах. В связи с этим возникает ситуация своеобразного попустительского «либерализма».

Таким образом, территориальный фактор своеобразно воздействует на маятник процесса менеджмента, который, независимо от доминирующего в обществе политического стиля, стремится к крайностям авторитаризма и попустительского либерализма, проходя в процессе своего движения и стадию демократизма в управлении. Итогом подобного «маятникового» движения выступает тенденция понижения эффективности управленческих решений.

Характер управленческой ситуации, существенно определяющей стиль политического управления, зависит от степени давления на систему, наличия времени для принятия решения и объема ресурсов. По данным американских исследователей, в сложной ситуации наибольшей эффективностью обладает авторитарный стиль, в средней — демократический, коллегиальный, в относительно простой — снова повышается эффективность авторитарного стиля.

В сложной ситуации у руководителя нет возможности обсудить возможные варианты решения с нижестоящими звеньями, членами команды. Жесткость обстоятельств диктует необходимость быстрого определения приоритетов, пожертвовать во имя этого операциями, характерными для демократического стиля. Подобная жертва естественна для менеджера авторитарного типа, но нелегко дается руководителю-либералу и руководителю-демократу.

Россия на протяжении своей истории постоянно находилась в условиях внутреннего и внешнего давления на общественную систему. В связи с этим, в отличие от Европы, которая перешла с эволюционного пути развития на инновационный, Россия шла по пути мобилизационному. Его суть заключается в систематическом обращении к чрезвычайным мерам, обусловленным обстоятельствами стагнации или кризиса, для достижения экстраординарных целей, которые представляют собой выраженные в крайних формах условия выживания общества. Подобная сложность управленческой ситуации, в последний раз проявившая себя в нашей стране в 1990-е годы, делает непростым процесс трансформации авторитарного политического стиля в демократический.

Демократический стиль демонстрирует наибольшую эффективность в средней по сложности управленческой ситуации. Именно он позволяет решить проблемы информационного обеспечения, учесть мнения, предложения, знания работников, подчиненных структур. Простые ситуации обыкновенно обладают расслабляющим эффектом, поэтому требовательность авторитарного стиля может выступать в качестве полезного фактора, поддерживающего ответственность исполнителей в условиях успокоения и благодушия.

Стиль управленческой деятельности политика, зависящий как от субъективных, индивидуально-психологических, так и объективных факторов, выступает важнейшей характеристикой управления, существенно влияющей на его результаты и успешность достижения политических целей.

Литература

1. *Бабосов Е.М.* Социология управления. — Минск, 2000.
2. *Джой-Меттьюз Д., Меттинсон Д., Сюрте М.* Развитие человеческих ресурсов. — М., 2006.
3. *Кнорринг В.И.* Теория, практика и искусство управления. — М., 1999.
4. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. — СПб., 2000.
5. *Панарин А.С.* Политология. — М., 2000.
6. *Социальное управление: Курс лекций.* — М., 2000.
7. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. — М., 2000.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье проанализированы и систематизированы научные взгляды на стресс-преодолевающее поведение и факторы, его образующие. Раскрыты основные направления исследования совладающего поведения в зарубежной и отечественной психологии, рассматриваются понятия копинг-поведения, копинг-стратегий, копинг-ресурсов и современные подходы к их анализу.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-поведение, копинг-стратегии, копинг-ресурсы.

В настоящее время проблема исследования совладающего поведения соединяет в себе различные теоретические подходы, характеризуется терминологическим многообразием — широко используются слова «совладание», «совладающее поведение», «стресспреодолевающее поведение» и просто «копинг-поведение». Так, например, понятие «совладание» может быть использовано и при изучении когнитивной оценки человеком субъективно трудных ситуаций, и при характеристике поведенческих реакций на стресс, и как совокупность когнитивной и поведенческой активности субъекта в ходе

социально-психологической адаптации; в данное понятие нередко включается эмоциональная составляющая — способность человека к саморегуляции своих эмоциональных состояний [2, с. 13]. Иными словами, данный термин отражает достаточно широкую психологическую реальность.

В современной зарубежной психологической науке выделяется три основных подхода к изучению копинг-поведения: диспозиционный подход (S.M. Miller, N. Endler, J. Parker), ситуационный или динамический подход (S. Folkman, R. Lazarus) и интегративный подход (C.S. Carver, R.H. Moss, M.F. Scheier, J.K. Weintraub).

Основной идеей диспозиционного подхода является представление о взаимосвязи устойчивых индивидуальных особенностей и особенностей личности со способами копинга (S.M. Miller, N. Endler, J. Parker). Ключевой для этого подхода вопрос состоит в том, чтобы выявить степень эффективности определенных диспозиционных тенденций, обычно обозначаемых как стили совладания (coping styles) — насколько успешно они обеспечивают позитивные результаты, такие как улучшение здоровья и психологическое благополучие. Если диспозиции или стили совладания относительно стабильны во времени, то возникает вопрос о том, как они связаны с чертами личности. Установлено, что некоторые хорошо известные личностные черты, такие как оптимизм, негативная аффективность, враждебность, влияют на способы, какими люди справляются со стрессом.

Ситуационный, или динамический, подход рассматривает специфические стратегии копинг-поведения, которые реализуются в конкретных ситуациях, а также изменение данных способов в связи с изменением ситуации (S. Folkman, R. Lazarus). Так, авторы ситуационного подхода Р. Лазарус и С. Фолкман (1970) определяют копинг как «... когнитивные и поведенческие попытки управлять специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые оценены как вызывающие напряжение или чрезвычайные для ресурсов человека» [7, с. 210]. Сторонники данного подхода оспаривают правомерность чрезмерного акцентирования роли личности в совладании. Они доказывают, что

на копинг влияют: оценка степени угрозы; оценка ресурсов, необходимых для совладания с ситуацией; оценка собственных действий, их успешности в преодолении стресса. Далее они утверждают, что стратегия совладания реализуется в виде широкого диапазона динамических реакций на различные стрессовые ситуации. Согласно этому подходу, индивид в одних случаях использует одну форму совладания, например, эмоциональные стратегии, а в других — прибегает к стратегиям решения проблемы путем изменения отношения «личность — окружающая среда» [1, с. 23].

Основной идеей интегративного подхода является представление о том, что выбор способов копинга детерминирован как особенностями личности, так и особенностями ситуации. Особое внимание в рамках данного подхода уделяется чертам личности, обеспечивающим выбор эффективных способов копинг-поведения. Нарушение нормального функционирования организма, ухудшение здоровья и другие негативные последствия стресса объясняются недостаточностью ресурсов и недостаточной эффективностью стратегий копинга (Carver C.S., Moss R.H., Scheier M.F., Weintraub J.K.).

В отечественной психологии термин «копинг» как совладающее поведение появился в 1990-е годы XX века, хотя различные феномены стресспреодолевающего поведения личности изучаются давно. Это, например, «стрессоустойчивость» — в исследованиях К. К. Платонова, Л. И. Уманского, Б. М. Теплова, В.А. Бодрова; «эмоциональная устойчивость» — в работах В. С. Мерлина, «поисковая активность» — у В.В. Аршавского и В.С. Ротенберга.

Вопросы развития стресса и его преодоления в отечественной психологии рассматриваются в рамках отечественной методологической традиции с точки зрения системного, личностно-средового и субъектного подходов (Л.И. Анциферова, 1994; В.А. Бодров, 1995, 2001, 2002, 2006; Л.Г. Дикая, 2003; Л.Г. Дикая, Л.П. Гримак, 1983; Л.А. Китаев-Смык, 1983; Т.Л. Крюкова, 2002; Т.Л. Крюкова, В.Д. Сапоровская, 2000; А.Б. Леонова, А.С. Кузнецова, 1993; В.Л. Маришук, В.И. Евдокимов, 2001; В.П. Медведев, 2003; С.К. Нартова-Бочавер, 1997; К.В. Судаков, 1996; В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина, 2008 и др.).

Ситуационные особенности, детерминация и ресурсы копинга рассматриваются в работах Л.И. Анциферовой, В.А. Бодрова, В.И. Голованевской, Л.И. Дементий, Т.Л. Крюковой, С.К. Нартовой-Бочавер, В.Е. Орла, Ю.П. Поваренкова, А.И. Приходько, Е.А. Сергиенко, Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, Ю.Л. Сорокиной. Ряд работ отечественных авторов посвящены изучению возрастных, культурных и социально-демографических особенностей совладающего поведения (Т.Л. Крюкова, Н.Б. Михайлова, О.А. Москвитина, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский и др.). Большинство исследований в рамках психологии труда посвящены изучению копинг-поведения у представителей экстремальных профессий (А.В. Бухвостов, 2004; И.Б. Лебедев, 2002; В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина, 2008 и др.). Копинг-поведение личности как субъекта профессиональной деятельности является сложным системным образованием, детерминированным характером субъект-субъектных взаимодействий и защитно-совладающего поведения и зависит от специфики их профессиональной деятельности, частоты и выраженности воздействия различных стрессорных факторов, а также определяется стрессорными факторами их жизнедеятельности в социуме (В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина, 2008).

С позиции субъектно-деятельностного подхода совладающее поведение как особый вид социального поведения человека, является целенаправленным поведением и позволяет человеку совладать со стрессом адекватными личностным особенностям и ситуации способами через осознанные стратегии действий, направленные на устранение трудности (стрессовой ситуации), которые либо адаптируют к требованиям ситуации, либо помогают преобразовать ее. Поскольку механизмы совладания используются человеком сознательно и целенаправленно, совладающее поведение является поведением субъекта [1, с. 28].

Согласно Т.Л. Крюковой, критериями совладающего поведения как социального поведения субъекта с точки зрения данного подхода являются:

- осознанность как отличие данного вида поведения от реактивного поведения, основанного на действии механизмов психологической защиты; осознанными являются как адаптивные, так и дезадаптивные способы совладания, выбираемые субъектом;
- целенаправленность и контролируемость, способствующие решению задачи, проблемы;
- неразрывная связанность с трудной (стрессовой) ситуацией, различие в его выраженности в зависимости от приближения/удаления от стрессора — адекватность ситуации и моменту времени (своевременность) и регуляция уровня стресса;

- обладание собственными функциями: когнитивным оцениванием; саморегуляцией и динамикой эмоций, оптимальной координацией эмоционального состояния и переживания с целенаправленным поведением; возникновением преобразующих ситуацию (овладение ситуацией) и/или собственное состояние (владение собой) действий; привлечение собственного жизненного опыта или помощи других людей; коррекция ожиданий через контроль над ситуацией или приспособление к ней; антиципация (предотвращение, избегание) неразрешимых ситуаций и опасных стрессоров; либо саморазрушение (деструктивное совладание и несовладание);
- антисубъектность деструктивных форм совладания, заключающаяся в уходе от активности, от выбора саморегуляции и самоорганизации там и тогда, когда трудная ситуация должна находить свое проблемное разрешение (например, девиантные матери детей, отданных в социальный приют; наркоманы, отказывающиеся от помощи и т. д.);
- адекватность личностным особенностям человека и обусловленность личностными и субъектными особенностями; существование индивидуальных различий и склонности субъекта к определенным видам (стилям) совладающего поведения;
- фасилитация адаптивных процессов субъекта (буфер против стресса); адекватность уровню психологической регуляции и саморегуляции (самоорганизации и самодетерминации) субъекта;
- комплексность, многомерность, имеющая отношение к контролю поведения, однако не сводящаяся только к когнитивной, эмоциональной или волевой сфере;
- существование интересубъектной сферы проявления в социальном взаимодействии и взаимоотношениях, принадлежность к групповому субъекту или социально-психологическая обусловленность совладания;
- различная эффективность поведения: оно не всегда приводит к положительному результату, иногда может вредить человеку и ситуации как в случае деструктивного совладания; наличие в его структуре разнообразных стратегий, конструктивность/деструктивность которых не всегда возможно предсказать заранее;
- наличие внутренних и внешних ресурсов совершенствования данного поведения и его развития в онтогенезе;
- возможность обучения этому виду поведения [1, с. 32–33].

Совладающее поведение имеет иерархическую структуру и включает простые единичные копинг-действия, детерминированные спецификой ситуации, которые в свою очередь образуют копинг-стратегии. Под стратегией совладания понимаются основанные на осознаваемых усилиях конкретные действия для регуляции субъектом эмоционального и интеллектуального напряжения с целью оптимальной психологической адаптации к внешним обстоятельствам. Наиболее часто применяемые стратегии объединяются в стили совладающего поведения, более устойчивые, обобщенные личностные (диспозиционные) образования.

В настоящее время не существует единой классификации копинг-поведения. В работе С.К. Нартовой-Бочавер приведены восемь классификаций зарубежных авторов, некоторые из которых включают до 20 типичных реакций совладающего поведения [2, с. 20–30]. Традиционной считается классификация, предложенная Р. Лазарусом и С. Фолкманом. Они предложили дихотомическую классификацию копинг-стратегий, выделив их следующую направленность: проблемно-фокусированные стратегии (11 копинговых действий); эмоционально-фокусированные стратегии (62 копинговых действия) [6, с. 32–33].

В исследовании И.М. Никольской и Р.М. Грановской предложена классификация, в которой копинг-стратегии различаются в зависимости от типов процессов (эмоциональных, поведенческих, когнитивных), лежащих в их основе. Авторы выделяют три больших группы копинг-стратегий, проходящих на следующих уровнях: поведение, эмоциональная проработка подавленного и познание [3].

Большинство исследователей сходятся на выделении трех базовых стилей копинг-поведения:

1. Проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы, связан с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляется в таких формах поведения, как самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации.
2. Эмоционально-ориентированный стиль является следствием эмоционального реагирования на ситуацию и проявляется в виде погружения в собственные переживания, в самообвинении, вовлечении других в свои переживания.
3. Избегание как стиль совладания проявляется в виде ухода от проблемы, попыток не думать о проблеме вообще, желания забыться во сне, растворить свои невзгоды в алкоголе или ком-

пенсировать отрицательные эмоции едой, спрятаться за спиной компетентных людей, гарантирующих социальную поддержку. Нередко это поведение характеризуется наивной, инфантильной оценкой происходящего. Однако порой избегание есть проявление антиципации угрозы и осторожное поведение [1, с. 25].

Центральным в теории совладания является вопрос об эффективном и неэффективном копинге. Несмотря на то, что копинг-поведение направлено на повышение адаптации личности к среде, данный процесс может быть неконструктивным и неэффективным и приводить к дезадаптации и ухудшению функционирования человека в социуме.

С точки зрения эффективности/неэффективности совладающего поведения интересной, на наш взгляд, представляется расширенная классификация копинга, которую предложили американский исследователь С. Carver и его сотрудники. По их мнению, наиболее адаптивными копинг-стратегиями являются те, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации. К таким копинг-стратегиям авторы отнесли следующие [5, с. 267–283]:

1. «Активный копинг» — активные действия по устранению источника стресса.
2. «Планирование» — планирование своих действий в отношении сложившейся проблемной ситуации.
3. «Поиск активной общественной поддержки» — поиск помощи, совета у своего социально-окружения.
4. «Положительное истолкование и рост» — оценка ситуации с точки зрения ее положительных сторон и отношение к ней как к одному из эпизодов своего жизненного опыта.
5. «Принятие» — признание реальности ситуации.

Другой блок копинг-стратегий, по мнению авторов, также может способствовать адаптации человека в стрессовой ситуации, однако он не связан с активным копингом. К таким стратегиям совладания относятся:

1. «Поиск эмоциональной общественной поддержки» — поиск сочувствия и понимания со стороны окружающих.
2. «Подавление конкурирующей деятельности» — снижение активности в отношении других дел и проблем и полное сосредоточение на источнике стресса.
3. «Сдерживание» — ожидание более благоприятных условий для разрешения ситуации.

Третью группу копинг-стратегий составляют те, которые не являются адаптивными, однако в некоторых случаях помогают человеку адаптироваться к стрессовой ситуации и справиться с ней. Это такие приемы преодоления как:

1. «Фокус на эмоциях и их выражение» — эмоциональное реагирование в проблемной ситуации.
2. «Отрицание» — отрицание стрессового события.
3. «Ментальное отстранение» — психологическое отвлечение от источника стресса через развлечение, мечты, сон и пр.
4. «Поведенческое отстранение» — отказ от разрешения ситуации [там же].

Отечественные исследователи по критерию эффективности/неэффективности совладающего поведения выделяют три основных стиля совладания: продуктивный — стратегии, направленные на решение проблемы, непродуктивный — стратегии, направленные на избегание проблемы и социальный — стратегии, направленные на поиск социальной поддержки. Социальный копинг, по мнению авторов, является переходным от непродуктивного к продуктивному копингу [4, с. 59–69].

В соответствии с субъектно-деятельностным подходом, стиль совладающего поведения не является пассивным интегратором внутренних и внешних условий существования человека, хотя и представляет собой результат аккумуляции наиболее типичных способов сознательного поведения в трудной жизненной ситуации, сформировавшихся у субъекта. Становление полноценного стиля совладающего поведения не может произойти при пассивной позиции индивида и включает не только приспособительную активность, но активность, преобразующую окружающий мир, и себя как субъекта этой активности. Функции совладающего поведения заключаются в том, что оно не только охраняет субъекта от актуального воздействия стресса, служа буфером, но и поддерживает его чувство самооценности, целостности с прошлым и антиципируемым будущим, помогает восстановить дострессовый уровень активности. В этом смысле совладающее поведение означает больше, чем простое приспособление и является центральным понятием в определении ценности процесса адаптации человека как самоорганизующейся системы и активности субъекта в трудных условиях [1, с. 30].

В последнее время в психологии совладающего поведения все большее значение приобретает проблема изучения ресурсов личности, позволяющих ей осознанно и целенаправленно совладать, действовать, прогнозировать жизненные события и результаты своих поступков. Приоритет в исследовании ресурсов совладающего поведения принадлежит зарубежным авторам (Hobfoll, 1988, 1989; Moos, 1999; D. Navon, 1984; Taylor, 1995). Автор теории сохранения ресурсов С.Е. Хобфол (1988) утверждал, что люди постоянно стараются сохранить, защитить и пополнить копинг-ресурсы. С.Е. Хобфол рассматривает копинг-ресурсы через поведенческую активность, ресурсы-состояния, личностные характеристики и энергетические показатели.

В отечественной психологии совладания пока не сложилось единой концепции ресурсов. Ресурсы совладающего поведения с точки зрения отечественных психологов включаются в описание стратегий жизни (К.А. Абульханова; Л.И. Анциферова; А.А. Кроник), понимаются как возможности и средства преодоления стресса (В.А. Бодров), как аспект саморегуляции и регуляции деятельности и поведения (Т.Л. Крюкова; Л.И. Дементий; А.Н. Дёмин, Е.Ю. Кожевникова; Л.Г. Дикая и др.), как когнитивные способности, средства переработки информации (В.А. Бодров, А.А. Алексапольский), личностные черты и способности, такие как оптимизм, одаренность и др. (Ю.В. Постылякова; С.А. Хазова; М.С. Замышляева), социальные группы и отношения в них (Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, О.Б. Подобина, Н.О. Белорукова, Т.В. Гушина, Е.В. Куфтяк, Е.А. Петрова).

Следует констатировать, что на современном этапе развития теории совладания, несмотря на достаточно большое количество исследований, важнейшими проблемами ресурсного подхода в психологии совладания остаются следующие: определение самого понятия копинг-ресурсов, их классификация, использование ресурсов личностью (Д. Айкок, Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, Б. Матени, С. Хобфолл и др.).

Таким образом, анализ основных направлений в изучении совладающего поведения в зарубежной и отечественной психологии позволил определить копинг-поведение как сложное системное образование, детерминированное несколькими группами факторов: особенностями личности субъекта, реально изменяющейся жизненной ситуацией, характером социального взаимодействия и взаимоотношений. С точки зрения ситуационного подхода, копинг понимается как сложный динамический процесс, который начинается с оценки ситуации, включает когнитивные и поведенческие попытки ее преодоления, зависящие от личностных и ситуационных факторов. С позиции данного подхода не столько личность, сколько сама стрессовая ситуация, главным образом, определяет стиль совладания со стрессом. В субъектно-деятельностном подходе на выбор стратегии и стиля совладания, помимо особенностей ситуации, влияют особенности личности, социокультурные и социально-психологические переменные, а также те ресурсы, которые имеются у человека. Механизмы совладания используются человеком сознательно и целенаправленно, требуют проявления субъектных качеств человека — активности, самоопределения, ответственности за последствия выбора способов совладающего поведения.

Литература

1. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: дис. ... д-ра психол. наук / Крюкова Т.Л. Кострома, 2005. — 473 с.
2. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. — 1997. — № 5. — С. 20–30.
3. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. — СПб.: Речь, 2001. — 507 с.
4. Хазова А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников. // Психологический журнал. — 2004. — № 5. — С. 59–69.
5. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267–283.
6. Folkman S. and Lazarus R. S. Coping and emotion // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.Y. 1991. — С. 207–227.
7. Lazarus Richard S. and Folkman Susan. The concept of coping // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N. Y. 1991. — С. 189–210.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Курысь Н. В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ КАК СИСТЕМА С ЭЛЕМЕНТАМИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В статье исследуется правовое регулирование иностранного инвестирования с позиций системного подхода. На основании сравнительно-правового анализа динамики инвестиционного законодательства аргументируются тенденции и перспективы системогенеза исследуемой области.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; правовое регулирование; система; системогенез; цикличность; закономерность; тенденция; историко-правовой опыт; дореволюционный период; период нэп.

По общепризнанному мнению, экономика любой страны, общества — это развивающаяся система с присущими ей циклическими колебаниями [1]. Положение о характерности для экономической и политической истории явления цикличности, то есть повторения тех или иных этапов с постоянным возобновлением действия сложившихся в прошлом закономерностей и событий, обосновано, в частности, В.Т. Рязановым [2]. Одну из существенных причин такой повторяемости ученый видит в неспособности сделать содержательные и продуктивные выводы из истории экономического, правового, политического развития, сохранившейся, к сожалению, и в настоящее время. Именно выявление и раскрытие тенденций и закономерностей в историческом развитии того или иного процесса, а в нашем случае — иностранного инвестирования и его правового регулирования, позволит правильно оценить возможности эволюции хозяйственных отношений, возникающих на основе инвестирования, их перспективы и оптимальные варианты правового регулирования. Деятельность иностранного капитала и её правовое регулирование на различных исторических этапах развития Российского государства служит хотя и частным, но наглядным примером цикличности. Проведенные в этой области исследования [3] подтверждают обоснованное В.Т. Рязановым положение теперь уже на примере правового регулирования иностранного инвестирования.

Правовое регулирование иностранного инвестирования как объект познания представляет собой систему и отвечает всем известным и общепринятым её признакам и критериям. Правовое обеспечение инвестиционного процесса выступает как системогенез, закономерно развивающаяся сложная система, обладающая рядом соответствующих признаков. Так, для всех сложных систем характерна многомерность, что выражается в большом числе составляющих её элементов и в большом объеме циркулирующих в ней потоков информации. При анализе подобных систем возникают трудности с их структуризацией, что происходит из-за большого многообразия связей и отношений элементов между собой и разнообразия используемых структур (древовидных, иерархических) [4]. Принадлежность правового регулирования деятельности и привлечения иностранных инвестиций к сложной системе подтверждает мнение современных ученых и практиков о том, что правовые нормы, регулирующие весь комплекс проблем, возникающих в процессе привлечения и использования иностранных инвестиций, не укладываются в какую-либо одну отрасль права [5]. Элементами законодательства об иностранном инвестировании как системы являются нормы международного права, внутринационального валютного, таможенного, налогового, трудового, гражданского и др. В то же время все относящееся к регулированию иностранных инвестиций законодательство подразделяется на: а) специальное; б) общегражданское; в) нормы международных договоров [5]... Такое положение сложилось исторически. При чем завершенность и сепаратный характер инвестиционного законодательства в целом зависит непосредственно от составляющих его норм. Ярким примером этому служит концессионное законодательство периода НЭП, которое, наряду с дореволюционным, также отвечает принятому

сегодня и обозначенному выше делению инвестиционного законодательства на специальное, общегосударственное и нормы международных договоров.

Для сложных систем характерна целостность [6]. Свойство целостности связано с целью, для достижения которой предназначена система. Формулирование наиболее «совершенных» обязательных правил, соответствующих общему благу людей и регулирующих их отношения посредством установления прав и обязанностей, есть цель любой правовой системы [7]. В рассматриваемом контексте частной целью законодательства об иностранном инвестировании, на наш взгляд, является упорядочение инвестиционных отношений с участием иностранных инвесторов посредством правового инструментария для мобилизации инвестиционных средств на организацию воспроизводства материальных и духовных благ в обществе.

Правовое регулирование иностранного инвестирования удовлетворяет и другому требованию для сложных систем: высокая адаптивность функционирования, обусловленная изменяющейся окружающей средой и воздействия случайных процессов. Поскольку законодательство в целом находится в зависимости от многих внутренних и внешних факторов, то и правовые основы инвестиционного процесса обуславливаются информационными как политическими, так и экономическими целевыми и результативными положениями, адаптируются к окружающим преобразовательным явлениям.

В научной литературе, посвященной системным исследованиям, выделяется множество признаков, наличие которых характеризует сложные системы [6, 8]. На наш взгляд, целесообразно обратиться еще к одному. Поскольку любая система не только функционирует, но и развивается, необходимо рассматривать её в динамике. Поэтому, определяя правовое регулирование иностранного инвестирования как систему с выявлением основных присущих ей признаков, критериев и элементов, целесообразно обратиться и к изучению процесса формирования такой системы, выявлению механизмов её функционирования, исследованию закономерностей возникновения и взаимодействия отдельных компонентов. В связи с этим необходимо уделить внимание изучению внутренней операционной архитектуры системы с исторической точки зрения.

Выявление характерных взаимосвязей и взаимозависимостей позволяет нам учитывать возможные модели построения и функционирования системы, основываясь на повторении исторически возникших закономерностей. На основании проведенного исследования о становлении и развитии правового регулирования иностранного инвестирования в России выделено два исторических этапа данного процесса. **Первый этап — дореволюционный** (до 1917 г.), **второй этап — период нэп** (20-е гг. XX века) [3]. Раскрытие особенностей и закономерностей правового регулирования иностранного инвестирования в России в длительной исторической ретроспективе позволяет обнаружить линии преемственности в развитии инвестиционного законодательства. Как следствие этого — глубокие исторические корни современных преобразовательных процессов в их противоборстве, конфликтах и трудностях, тем более что их ход и характер позволяет говорить о **третьем этапе** [9] привлечения иностранных инвестиций, который наша страна переживает в настоящее время. Определение исторических корней позволяет выйти на присущие данной отрасли законодательства тенденции и учитывать их в будущем при осуществлении соответствующей политики и достижении цели данной правовой системы. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно обратиться к истории вопроса.

Анализ законодательных актов, регулирующих процесс привлечения и деятельности иностранных инвестиций в России в дореволюционный период, показал, что в результате законотворческой деятельности в указанный период сложилась определенная организационно-правовая база для привлечения иностранного капитала [3, с. 10–94]. При этом совокупность законодательных актов, регулировавших отношения в процессе инвестирования, не носила сепаратный (отдельный) характер и не представляла собой самостоятельную отрасль в виде инвестиционно-законодательства. Соответствующие условия для деятельности иностранного капитала обеспечивало торговое, банковское, акционерное и иное законодательство, что формально отвечает признаку многомерности системы правового регулирования. Тем не менее дореволюционный период можно обоснованно считать первым этапом привлечения и законодательного регулирования иностранного инвестирования. Процессу централизации мешала, в частности, преимущественно реакционная политика правительства дореволюционной России относительно целесообразности привлечения иностранных капиталов и их деятельности в России. В результате этого, регулирующие иностранные инвестиции законодательство не получило развития в соответствии с экономическими потребностями страны. Процесс создания сепаратного инвестиционного законодательства носил незавершенный характер во многом в связи с Первой

мировой войной, а затем и революцией. Таким образом, в целом промышленное законодательство в области иностранного инвестирования, существовавшее до 1917 г., не успевало в своей эволюции полностью соответствовать требованиям, выдвигаемым уровнем развития промышленности на каждом из рассмотренных выше этапов, хотя вместе с этим имело ряд положительных черт.

Анализ законодательной базы Советского государства во времена нэп в области привлечения иностранных инвестиций и организационных условий функционирования концессионных, совместных и иностранных предприятий позволяет сделать вывод о том, что была создана система правового регулирования иностранного инвестирования с организационно-правовой базой для привлечения иностранного капитала, носившая сепаратный характер и являвшаяся содержанием концессионного права Союза ССР [3, с. 95–172]. В концессионное право Союза ССР входили нормы гражданского, трудового, налогового, торгового, страхового права, союзные правила отчетности и т. п., что отвечает требованиям внутренней архитектуры сложной системы. Ценность указанной законодательной системы заключается, во-первых, в том, что она была создана в кратчайшие сроки, в течение всего лишь шести-семи лет; во-вторых, имела максимальный эффект даже при столь коротком периоде существования (примерно десять лет с момента начала формирования); в-третьих, формировалась в схожих и даже в некотором смысле идентичных современным политическим, социальным и экономическим условиях. Создание системы инвестиционного, или, согласно терминологии НЭП, концессионного законодательства, носило, на наш взгляд, в целом законченный характер при, напротив, незавершенности результатов деятельности предприятий с иностранными инвестициями в силу объективных причин, не зависящих напрямую от законодательства. К ним можно отнести мизерное количество времени, отведенное на развитие таких предприятий вкупе с предвзятым отношением государства к частному (в том числе, иностранному) капиталу, усилением командно-административной системы и сворачиванием нэп. Кроме того, для деятельности иностранного капитала в период нэп был характерен политизированный подход и тотальный контроль со стороны советского правительства через институты национального права, а также полная зависимость инвестиционного законодательства от политической конъюнктуры. Тем не менее, период нэп можно обоснованно считать вторым этапом привлечения и законодательного регулирования иностранного инвестирования.

Анализ законодательных актов периода нэп также позволил выявить ряд тенденций и преемственность дореволюционного законодательного опыта привлечения и регулирования деятельности иностранных инвестиций:

1. Выявилась преемственность закономерности, заключающейся в предоставлении максимального количества законодательно закрепленных льгот для осуществления определенного вида деятельности на начальном этапе вложения в него иностранного капитала. В дальнейшем последовательно условия деятельности ужесточались, что в конце концов влекло отмену этих льгот и смягчающих условий для деятельности.

2. Организация системы допуска и функционирования иностранного капитала в царской России, а затем — в период нэп — в СССР была идентичной и заключалась в разрешительном (концессионном) порядке создания и деятельности конкретных предприятий.

3. В отношении иностранных юридических и физических лиц, не имевших разрешения на производство операций в стране, и русское дореволюционное, и советское законодательство периода нэп определяло принцип взаимности, в зависимости от заключения соответствующих соглашений о судебной защите с иностранным государством, субъектом права которого являлось данное юридическое (физическое) лицо.

4. Основные условия концессионных договоров периода нэп были идентичны дореволюционным аналогам: законодательный порядок предоставления концессии иностранному капиталу; срочность договоров, равно как и безвозмездный переход к государству (казне) основного капитала и имущества по истечении срока концессии; обязанность концессионного предприятия работать, за редким исключением, на советском (русском) сырье и др.

5. Особенно ярко проявилась закономерность, выраженная в зависимости правового регулирования иностранного инвестирования на всех этапах развития российского государства от политических и идеологических факторов.

Объективные различия законодательства об иностранном инвестировании в промышленности дореволюционного периода и нэп обуславливались более высоким уровнем развития промышленности, её потребностями и, во многом, особенностями государственного строя и преобладающей идеологии.

Как уже отмечалось выше, явление иностранного инвестирования в экономике России, а также система его правового регулирования отвечает критериям цикличности, то есть повторения тех или иных этапов с постоянным возобновлением действий, сложившихся в прошлом закономерностей и событий. Следовательно, логично предположить, что проявившиеся в первом и втором этапах привлечения и законодательного регулирования иностранного инвестирования системные закономерности могут иметь место и в третьем этапе. Частным примером этому служат современный Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [10], который перенял основные условия и положения, выработанные за всю историю отечественной и мировой концессионной практикой. В подтверждение теории цикличности законодательного развития в Законе имеются сходные положения концессионных договоров, имевших место как в до- и послереволюционной практике [3, с. 160], хотя, как указывает Н.Г. Доронина, при выработке современных подходов к регулированию иностранных инвестиций в России практически не использовался не только дореволюционный опыт, но и опыт 20-х гг. [11]. Тем не менее в целом положения концессионного договора, во многом заимствованные из предыдущих этапов, отвечают требованиям современных концессионных отношений в мире и соответствуют зарубежному уровню в этой области. Следовательно, при разработке законодательства об иностранных инвестициях необходимо учитывать и перенимать ценный опыт отечественной правовой истории, тем более, что он накоплен в схожих и даже, в некотором смысле, идентичных политических, социальных и экономических условиях.

Обозначенное выше современное разделение законодательства, регулирующее иностранное инвестирование, на специальное, общегражданское и нормы международных договоров, история инвестиционных отношений России уже знает. Представленные в таблице примеры ярко иллюстрируют как явление системности инвестиционного законодательства в его историческом развитии, так и цикличность самого развития.

Таблица

ЭТАП / ВИДЫ ЗАКОНО- ДАТЕЛЬСТВА	Специальное	Общегражданское	Нормы международных договоров
Дореволюционный	1. Привилегия Ивана IV 1569 г. [12]. 2. О допущении иностранцев к строению и размножению рудопромышленных заводов. Манифест Петра I от 30 июля 1720 г. [13]. 3. О принятии мер для применения действующих постановлений к иностранным обществам, производящим свои операции в России. Положение Кабинета министров от 9 ноября 1887 г. [14]. 4. Об установлении временных ограничений в отношении приобретения прав на недвижимое имущество, а также пользование и заведование ими подданными иностранных государств, которые состоят в положении войны с Россией. Закон от 22 сентября 1914 г. [15].	1. Устав торговый [20]. 2. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. [21]. 3. О допущении некоторых акционерных обществ к производству своих операций в России без испрошения на сие особого высочайшего разрешения [22]. 4. О законах и обычаях сухопутной войны [23]. 5. О частных заведениях для приготовления капсюлей к охотничьему оружию [24]. 6. О частных пороховых заводах. Устав о промышленности [25].	1. Конвенция 1863 г. о правовом положении в России учрежденных во Франции компаний. 2. -/- в Бельгии и Германии (1865 г.). 3. -/- в Италии (1866 г.). 4. -/- в Австрии (1867 г.). 5. -/- в Англии (ранее 1874 г.). 6. -/- в Греции (1887 г.). 7. -/- в Швейцарии (1903 г.). 8. -/- в Северо-Американскими Соединенными Штатами (1904 г.). 9. -/- в Соединенном королевстве Великобритании и Ирландии (1904 г.) [29].

НЭП	1. О концессиях. Декрет СНК от 23 ноября 1920 г. [16]. 2. О концессионных комитетах. Постановление СТО [17]. 3. О льготных условиях допущения иностранного капитала к производству строительных работ на территории Союза ССР. Постановление СНК СССР [18]. 4. О порядке передачи концессий. Декрет СНК СССР [19].	1. О правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий. Постановление Народного Комиссариата Торговли и Промышленности [26]. 2. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. [27]. 3. О недрах земли и разработке их. Декрет ЦИК СССР [28].	1. Договор о торговле и мореплавании между Союзом ССР и Италией от 7 февраля 1924 г. [29]. 2. Торговое соглашение между СССР и Швецией от 15 марта 1924 г. [29].
-----	---	--	---

Сегодня страна стоит перед важной задачей — в кратчайшие сроки модернизировать с помощью иностранной передовой технологии экономику и активно привлекать зарубежных инвесторов в те отрасли, которые служат основной движущей силой развития производительных сил и тем самым способствуют повышению уровня жизни в стране. Разумеется, нынешняя ситуация значительно отличается от ситуации, например, 20-х гг. XX столетия, но многое в системе нашего хозяйствования и нормирования в известной степени повторяет историю. Поэтому осмысление исторического опыта в значительной мере имеет прагматический, а не только теоретический характер. Изучив прошлое, мы можем создать реальные предпосылки, блокирующие повторение ошибок прошлого.

В порядке преемственности исторического опыта функционирования системы правового регулирования иностранного инвестирования в России представляется возможным определить основные рекомендации, применимые к современным условиям. Первый (дореволюционный) этап дал отличный пример оптимального режима становления и развития национальной промышленности на основе законодательных мер, направленных на максимальное количество льгот национальным предпринимателям и политики национального протекционизма, что способствовало ассимиляции иностранного капитала. По общему правилу, создававшиеся иностранцами предприятия обслуживали, прежде всего, рынок самой России и только потом — мировой, а не рынок конкретных стран-инвесторов. Второй этап (период нэп) стал примером формирования системы инвестиционного законодательства в рекордно короткие сроки, что нисколько не умаляет её практической значимости, а наоборот, позволяет судить как о состоявшейся и вне идеологии, достаточно оптимальной. Ведь современное инвестиционное законодательство находится как в стадии формирования, так и, одновременно, реформирования практически двадцать лет.

Анализ и осмысление как позитивных, так и негативных сторон инвестиционного законодательства первого и второго периодов привлечения иностранных инвестиций в промышленность России позволяет глубже понять процессы, происходящие в современной российской экономике, конструктивно участвовать в решении возникающих проблем, создаёт возможность устранения имеющихся и предупреждения возможных в будущем недостатков современного российского инвестиционного законодательства. В этой связи историко-правовой опыт приобретает не только исключительно научно-теоретическое, но, очевидно, и конкретно-практическое значение. Следовательно, позволяет использовать опыт правового регулирования иностранного инвестирования в России в современных условиях при разработке системы законодательства об иностранных инвестициях.

Литература

1. Куницына Н.Н. К вопросу о цикличности экономических процессов и явлений // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития: Материалы VIII годичного научного собрания СКСИ / Под ред. Е.Н.Шиянова, О.И.Лепилкиной. — Ставрополь: СКСИ, 2001.
2. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. — СПб.: Наука, 1998. — С. 5.
3. Курьсь Н.В. Иностранные инвестиции: российская история (правовое исследование) — СПб, 2003.

4. *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1981.
5. *Вознесенская Н.Н.* Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт (сравнительно-правовой комментарий) — М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2001.
6. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. — М. : Наука, 1974.
7. *Нешатаева Т.Н.* Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. — М. : Дело, 1998.
8. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М. : Наука, 1982.
9. *Богуславский М.* Роль законодательства в создании инвестиционного климата в стране // *Внешняя торговля.* — 1992. — №1. — С.19.
10. Российская газета, от 26 июля 2005 г. № 3830.
11. *Доронина Н.Г.* Правовое регулирование иностранных инвестиций (постановка проблем и варианты решения) : дис. д-ра. юрид. наук. — М., 1996.
12. *Любименко И.И.* История торговых сношений России с Англией. XVI век. Вып. I. — Юрьев: 1912.
13. ПСЗ I. — Т.VI. — Ст. 3621.
14. ПСЗ III. — Т.VII. — Ст. 4780.
15. *Вольман И.С.* Ограничение прав по приобретению и пользованию недвижимыми имуществами подданных неприятельских государств по закону 22 сентября 1914 года // *Вестник права.* — 1914. — №43. — С. 1267.
16. Объекты концессий. Карты. — Пг., 1921.
17. СУ. — 1922. — № 42. — Ст. 59.
18. СЗ. — 1926. — №40. — Ст. 293.
19. СУ СССР. — 1923. — №50. — Ст. 499.
20. Законы о частной фабрично-заводской промышленности (извлечения из Устава о Промышленности изд. 1893 г...). — СПб., 1913. — С. 481.
21. ПСЗ II. — Т.XXXVIII — Ст. 39118.
22. ПСЗ III. — Т.VIII. — Ст. 5398.
23. СУ. — 1910. — №78. — Ст. 828.
24. СЗ. — 1887. — Т.XI. — Ч.II. — Ст. 274.
25. СЗ. — 1887. — Т.XI — Ч. II.
26. СУ. — 1918 — №32 — Ст. 425.
27. Гражданский кодекс РСФСР с постатейными комментариями. — М. : Юриздат, 1925.
28. СУ СССР. — 1923. — №82. — Ст.799.
29. *Ландау Б., Бернштейн И., Машкевич В.* Правовые условия концессионной деятельности в СССР. Систематизированные материалы с комментариями. — М. : Госюриздат РСФСР, 1930. — С. 34—35.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМЫ ПЕТРА I ОТНОСИТЕЛЬНО МОНАШЕСТВУЮЩИХ

В статье исследуется влияние церковной реформы, проводимой Петром I, на правовое положение черного (монашествующего) духовенства в России.

Ключевые слова: монашество; правовое регулирование; церковная реформа; синодальный период; секуляризация; Святейший Правительствующий Синод; Монастырский приказ; церковное землевладение; Русская Православная Церковь.

В современных условиях роль и влияние религиозного фактора во внутренней жизни России становятся все более заметными. На протяжении более чем тысячелетия Церковь оказывала сильнейшее воздействие на все стороны жизни русского и других принявших православие народов России. В связи с проводимыми в стране процессами модернизации большое значение имеет изучение юридического наследия государственно-религиозных отношений.

Церковная реформа Петра I открыла новый этап в истории русской церкви, получивший впоследствии название синодального периода. В этот период произошел резкий надлом во взаимоотношениях государства и церкви. Сильнейшей трансформации подверглись механизмы государственной и духовной власти, шел процесс размыwania основ российской духовной жизни, связанный с усиленной инфильтрацией новых ценностей (по большей части рационалистических, утилитарно-полезных). Разрушался механизм традиций: на смену старым приходили новые традиции, имеющие не российские, а западноевропейские истоки. Церковные преобразования Петра I существенно изменили правовое положение Русской Православной Церкви. Это выразилось в коренном изменении системы управления церковью с целью инкорпорировать ее в государственный механизм, в лишении экономической самостоятельности, ограничении сферы действия и компетенции церковного суда, изменении правового статуса православного духовенства, революционной перестройке отношений между государством и церковью, даже во вторжении государства в каноническую сферу.

Церковная реформа Петра Великого создала государственную церковность в России, в этом заключались предпосылки того, что церковные учреждения, силы и имущество впредь будут служить не только церкви, но и государству. 25 января 1721 г. можно считать днем рождения государственной церковности в России, поскольку в этот день «Духовный регламент» [1] стал основным законом, определявшим место Русской церкви в империи, хотя отдельные частные реформы, касавшиеся монастырей, уже шли к тому времени полным ходом.

В данной статье рассматривается влияние церковной реформы на правовое положение черного (монашествующего) духовенства в России. Монашество — это особый класс членов церкви, т.е. лица, отрেকেшиеся для спасения своей души от мирских благ и удовольствий. Согласно принятому в православии уставу св. Василия Великого, монахи добровольно принимают на себя три обета: целомудрия, послушания своему начальству и старшей братии и нестяжательности, т.е. отказа от всякой собственности. К монашеству люди стремятся в целях самоисправления и усовершенствования в духовной жизни, поэтому даже самый порочный член церкви может быть пострижен [2].

Петровское законодательство обратило большое внимание на упорядочение юридического положения монашествующего духовенства. Чисто хозяйственный взгляд правительства на подданных, требовавший неперемного участия всех в государственном деле, строго наблюдавший, чтобы никто не уклонялся от государственной службы, никто «в избытке не был», встал, как верно заметил Н. И. Кедров, в прямое противоречие с идеей монастырского отречения от мира [3]. Все проводимые мероприятия этого периода, относящиеся к черному духовенству, были подчинены трем целям: уменьшению числа монастырей; установлению более тяжелых условий для принятия в монашество; приданию монастырям практического значения.

Причины реформы разнообразны, но основными можно считать следующие. Церковные богатства рассматривались Петром I как один из источников государственных доходов. Особен-

но остро потребность в таком источнике встала после неудачного начала Северной войны. Во время правления Петра I развернулась деятельность так называемых «прибыльщиков», один из них, Андрей Курбатов, «особенно настойчиво» обращал внимание молодого царя на церковные богатства. По его мнению, церковные имущества давали огромные доходы, которые «погибали в прихотях владетелей» [4]. При этом необходимо обратить внимание на личный, причем чисто хозяйственный, взгляд Петра Алексеевича на подданных, требовавший неперемennого участия всех в государственном деле, со строгим учетом того, чтобы никто не уклонялся от государственной службы, в том числе и монахи.

Точка зрения Петра I на монашество была четко высказана им в указе «Объявление, когда и какой ради вины начался чин монашеский и каков был образ жития монахов древних и каковы нынешних исправить?» от 31 января 1724 года. «Нынешнее житие монахов только вид есть... понеже большая часть (монахов) тунеядцы суть... В монахах все готовое, а где и сами трудятся, то только вольные поселяны суть. Прилежать-же-ли разумению божественных писаний? Всячески нет, а что говорят: молятся, то и все молятся... Что же прибыль обществу от сего? Воистину только старая поговорка: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть» [5]. Петр I, ценя главным образом одно материальное служение обществу и раздраженный упорной оппозицией, какую встречали все его преобразования в монашестве, смотрел на монахов, как на людей, которые «поядают чужие труды» и от которых, кроме того появляются «заботы, ереси и суеверия». Приводя такой исторический пример, когда Византия в последний период своего существования имела около трехсот монастырей и не могла набрать шести тысяч солдат для своей обороны от турков, Петр I в своем знаменитом «Объявлении» о монашестве в 1724 году замечает, что «Господь еще не лишил так благодати своей русских царей, как греческих, в не рассмотрении сего излишества». В «Объявлении» содержится обоснование взглядов Петра на монашество и всех его мероприятий по сокращению числа монастырей, использованию монастырских владений в государственных целях, введению строгих правил монашеского жития и затруднению поступления в монашество, предпринятых в его царствование.

Так, по Духовному регламенту был создан целый ряд затруднительных условий для пострижения: в монастырях разрешалось оставить лишь столько монахов, «сколько потребно было для совершения богослужений и управления имениями» (установленное таким образом число монахов в каждом монастыре называлось штатами), насельники монастырей, не принявшие пострига, подлежали выселению, постриг новых монахов разрешался лишь в том случае, если в штатах объявлялись вакансии.

«Прибавление к Духовному регламенту о монахах» (1722) запрещало постригать мужчин, не достигших 30 лет; женщины же могли постригаться лишь в возрасте от 50 до 60 лет; исключения допускались лишь с позволения Синода; затем согласие непосредственного начальства; для военнослужащих и чиновников постриг был вовсе запрещен; вступление в монастырь не разрешалось также лицам, обремененным долгами, состоящим в браке, произвольно разведшихся или имеющих малолетних детей; крепостные крестьяне могли постригаться лишь с разрешения помещика; требовалось прекращение всех обязательств; неграмотным дозволялось поступать в монастырь только с ведома царя или Синода [6].

Но государь не удовлетворялся только этими мероприятиями и указом от 28 января 1723 г. совсем воспретил кому бы то ни было поступать в монашество. «Отныне, — гласил указ, — впредь отнюдь никого не постригать, а сколько из обретающихся ныне числа оных монахов и монахинь будет убывать, о том в Синод рапортовать, и на те убылые места определять отставных солдат» конечно, нужно думать, на покой. Таким образом, монашество было осуждено на исчезновение в России.

Еще одна причина церковной реформы состояла в «печальном нравственном состоянии духовенства». Необходимо было «поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку, снабдивши его средствами восстановления своего учительского значения, свое нравственное влияние согласно с новыми потребностями». Кроме вышеперечисленных причин, оказало свое влияние еще и то, что в начале XVIII века в России получила распространение новая теория, сочетавшая в себе «почитание бога как творца вселенной» с представлением о том, что «неземная сила не может вмешиваться в единожды созданный естественный порядок вещей». Соответственно должна измениться и роль церкви. Духовная власть не только не может претендовать на преобладание над светской властью, но и быть равнозначной с ней. Церковь должна быть окончательно подчинена государству. Необходимо также было сломить оппозицию духовенства начавшимся реформам. Недовольство духовенства проявлялось по-разному. В среде высшей церковной иерархии продолжали развиваться идеи сильной, независимой от государства церкви. Идея так

называемого «никонианства» вновь «захватила умы» иерархов, не поддерживающих петровские реформы. Еще при восшествии на патриаршую кафедру последний патриарх доиснодального периода Адриан противопоставил европейской программе преобразований Петра свою программу, в которой подчеркивалось, что долг русской церкви состоит в «верности всему восточному православию». Недовольство рядовых священнослужителей проявлялось в многочисленных переломах в старообрядчестве.

Выделяются три направления, по которым развивалась церковная реформа: включение духовной власти в структуру государственной; попытка секуляризации церковного землевладения; правовая регламентация духовного сословия. Следует согласиться с И.А. Булыгиным, который в статье «Особая категория феодально-зависимых крестьян в первой четверти XVII в.» выделяет четыре этапа реформы: первый этап — 1701—1705 гг., его основными событиями стали восстановление Монастырского приказа и попытка полной секуляризации церковного землевладения; второй этап — 1705—1720 гг., его основным содержанием стал отказ от полной новой секуляризации церковного землевладения и переход к частичной; третий этап — 1720—1721 гг., его основными событиями стали ликвидация патриаршества и учреждение Священного правительствующего Синода; четвертый этап — 1722—1725 гг., его содержанием стала попытка разрабатывать, и ввести штаты для всех церковных имений [7].

Однако следует отметить, что первые мероприятия Петра I, направленные на «огосударствление» церкви и подрыв ее материальной основы, проводились еще во второй половине 90-х годов XVII века. В 1697 году были приняты решения о взятии под контроль хозяйств архиерейских домов и монастырей и запрещении монастырям всякой строительной деятельности. В 1700 году умер патриарх Адриан. Местоблюстителем патриаршего престола был назначен рязанский митрополит Стефан Яворский. Местоблюстители назначались каждый раз после кончины патриархов до избрания нового патриарха, но на этот раз традиционная фаза местоблюстительства затянулась на два десятилетия. Выбор Петра пал на Стефана Яворского не случайно. По мнению Н.М. Никольского, местоблюститель был «совершенно чужд и по образованию и по взглядам коренному русскому епископату» и «хорошим церковным оратором, но очень слабым администратором» [4]. Таким образом, сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, церковная оппозиция не получала поддержки со стороны местоблюстителя, с другой — через него можно было проводить выгодную государственной власти политику. Полномочия местоблюстителя, по сравнению с прежними, патриаршими, были значительно ограничены. Первоначально за местоблюстителем в полном объеме остались так называемые «духовные дела» — «дела, возникавшие в связи с различными отступлениями от веры и неисправностями в отправлении богослужений». Блюститель патриаршего престола также решал вопросы, связанные с назначениями на церковные должности. Но здесь его полномочия ограничивались монаршей волей, Стефан Яворский часто проводил решения уже принятые царем. Патриаршие функции в экономической области были переданы восстановленному Монастырскому приказу. Однако даже оставленную долю власти блюститель патриаршего престола не мог отправлять единолично. Церковное управление осуществлялось с помощью совещания иерархов и Монастырского приказа. При решении всех важнейших вопросов, касающихся духовной области, местоблюститель должен был совещаться с другими церковными иерархами, которые попеременно вызывались в столицу. Собрания иерархов, как и прежде, назывались «Освященными соборами». Но даже решения «Освященных соборов» должны были подаваться на утверждение Петру I.

Монастырский приказ был восстановлен в 1701 году. Со следующими функциями: управление имуществом патриаршего и архиерейских домов; управление имущественно-хозяйственной деятельностью монастырей, в том числе и регламентация их расходов; сбор доходов с церковно-монастырских земель. Кроме перечисленного, к ведению Монастырского приказа относились «суд и расправа» над «патриаршими и архиерейскими приказными людьми». С 1707 года ведению Монастырского приказа передана патриаршая типография. С этого времени «сочинение, перевод, издание книг, даже исправление библии, порученное главному наблюдению Стефана, шло мимо местоблюстителя». Во главе Монастырского приказа Петр I поставил своего сподвижника боярина Мусина-Пушкина. Таким образом, блюститель патриаршего престола не обладал реальной церковной властью. Уже с начала XVIII столетия прослеживается коллегиальное управление церковью и контроль со стороны государства. С.А. Князьков предложил удачное сравнение: «Если в обязательном освященном соборе из ежегодно созываемых по очереди архиереев при местоблюстителе можно видеть прообраз Святейшего Правительствующего Синода, то начальник Монастырского приказа выступает совсем как предок синодского обер-прокурора» [8].

После учреждения правительствующего Сената, в 1711 году, церковь попадает в еще большую зависимость от государственной власти. С этого времени «все управление как мирские, так и духовные должны были повиноваться указам Сената, как царским указам». Сенат наделялся некоторыми функциями в сфере церковного управления: так, например, Сенат участвовал в подборе кандидатов на должности архиереев; давал распоряжения о строительстве церквей на вновь присоединенных территориях.

В начале XVIII столетия очередной раз поднимается проблема церковного землевладения. Однако если в предшествующие эпохи речь шла только о сдерживании роста церковного землевладения и установлении государственного контроля над церковными и монастырскими землями, то теперь речь идет о секуляризации церковного землевладения. Острота проблемы обуславливалась, с одной стороны, потребностью использовать церковно-монастырское имущество для нужд государства, с другой — необходимостью подорвать экономическую основу церкви, что в свою очередь должно было положительно влиять на процесс огосударствления церкви.

Секуляризационные мероприятия правительства Петра I начали проводиться с 1701 года. С этого времени Монастырский приказ получил право управления всеми духовными вотчинами через назначаемых им светских управителей. Все доходы вотчин поступали в кассу приказа, обратнo на содержание церковных учреждений выдавались суммы лишь по штатам. С.М. Соловьев приводит следующие данные: «великий государь указал давать поровну как начальным, так и подначальным монахам, по 10 рублей денег, по 10 четвертей хлеба и дров» [9]. Все же остальные средства поступали в государственную казну и шли на удовлетворение общегосударственных потребностей, главным образом на военные нужды. Н.М. Никольский приводит такие цифры «...из средств Монастырского приказа ежегодно отпускалось 15 000 рублей на содержание одного полка и на Артиллерийский приказ 17 000 рублей» [4]. В отечественной историографии существует мнение, что этот факт можно расценивать как полную фактическую секуляризацию духовных вотчин, хотя юридически церковь не лишалась их. В пользу этой точки зрения высказывается А.И. Булыгин в своих работах.

На первом этапе реформы (1701—1705 гг.) государственная власть в лице Монастырского приказа не только управляла, но и распоряжалась церковным и монастырским землевладением. Так, например, широко практиковалась передача духовных вотчин в руки светских лиц. В первые годы реформы было роздано в «вечное владение», продано и сдано на оброк разным светским лицам около 300 дворов крестьянских земель. Церковные земли, кроме обычных государственных налогов, облагались всевозможными «запросными сборами и чрезвычайными повинностями».

Однако уже в 1705 году политика в отношении духовных вотчин меняется, правительство отказывается от фактически проведенной секуляризации и переходит к частичной секуляризации. И.А. Булыгин процесс перехода к частичной секуляризации описал следующим образом. «Всем архиерейским домам и монастырям, у которых имелись небольшие владения, они возвращались в их полное распоряжение. А 11 наиболее крупных и богатых архиерейских домов и 60 таких же монастырей подверглись определению. На содержание их выделялось определенное количество денег и хлеба, и та часть вотчин, с которых эти средства собирались, возвращалась владельцам, и они, стали называться определенными. Другая же часть вотчин, которая оставалась за определением, получила название «заопределенных», они по-прежнему управлялись Монастырским приказом, и доходы с них поступали в казну» [10]. Таким образом, секуляризация распространилась только на заопределенные духовные вотчины. Определение проводилось с 1705 по 1710 год. По его результатам в 1710 году была составлена Генеральная табель, однако документ не сохранился.

В 1720 году Монастырский приказ неожиданно ликвидируется, это можно объяснить неэффективностью работы приказа. Монастырский приказ со своим ограниченным штатом не мог охватить и упорядочить заброшенное и рассредоточенное по всем областям государства монастырское хозяйство. По этой причине продолжал функционировать прежний аппарат управления, но церковно-монастырские служащие «вели дело незначительно и усиленно занимались самообогащением» [10]. Указом от 16 октября 1720 года управление заопределенных владений вновь передавалось их владельцам. Однако доходы с этих вотчин по-прежнему должны были поступать в государственную казну [11].

На последнем этапе церковной реформы Петра Великого (1721—1725 гг.) секуляризационная политика правительства возобновилась. И.А. Булыгин в статье «Вопрос о секуляризации духовных вотчин в правительственной политике 20-х — начала 60-х годов XVIII в.» выделяет три направления секуляризационной политики. Первое направление сводилось главным образом к тому,

чтобы розданные в управление своим владельцам заопределенные вотчины вновь вернуть под контроль государства, во всяком случае, обеспечить бесперебойное поступление в казну взимаемых с этих вотчин доходов. Второе направление предусматривало установление в архиерейских домах и монастырях определенных штатов, а также сокращение численности монастырей и монахов и обращение высвободившихся средств на дело призрения и просвещения. Третье направление сводилось к стремлению передать хозяйственное управление духовными вотчинами полностью в руки государства. Это направление к концу правления Петра I выдвигается на первый план, так как ни постоянное поступление в казну заопределенных доходов, ни введение штатов в архиерейских домах и монастырях не представлялось возможным, пока управление находилось в руках церковных иерархов [10]. Следует отметить, что приведенные направления секуляризационной правительственной политики не дали желаемых результатов. В интересующий период управление духовными вотчинами оставалось в руках Священного Правительствующего Синода, в частности у Монастырского приказа, который был вновь восстановлен в марте 1721 года и являлся уже структурным подразделением Синода. Таким образом, несмотря на тот факт, что управление сосредоточивалось в руках государственного органа — Синода, имущественные интересы церкви на этом этапе были защищены.

28 января 1725 года скончался Петр Великий, после него новые правительственные мероприятия, касавшиеся монашества, не только продолжили его политику, но оказались иногда даже более крутыми.

Анализируя секуляризационную политику первой четверти XVIII столетия, можно сделать вывод, что она была крайне непоследовательной и противоречивой. Достаточно привести факт, что полная секуляризация духовных владений была заменена обратной передачей вотчин в распоряжение церковной организации. Непоследовательность политики в отношении церковных и монастырских имуществ можно объяснить чрезвычайной остротой вопроса и резкостью столкновений общественных сил при его разрешении.

С изданием Духовного регламента и учреждением Синода характер взаимоотношений между государством и церковью существенно меняется. Симфония государственной и церковной власти и прежде не достигавшая необходимой полноты, подвергается деформации, смещается в сторону протестантского принципа главенства светского государя над всеми религиозными организациями подвластной ему территории — так называемого территориализма. Таким образом, Русская Православная Церковь фактически оказалась в подчинении у светской власти, учрежденное управление церковью стало частью государственного аппарата, а духовенство превратилось в своеобразное служилое сословие по духовному ведомству.

Понижение правового статуса и падение государственного авторитета церкви отнюдь не способствовало росту ее влияния на общество. Происходившее на протяжении всего XVIII столетия реформирование государственных, церковных и общественных институтов России способствовало частичному разрушению религиозно-нравственных основ российской государственности.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. 45 т. — СПб., 1826—1830. Т. 4 № 3718.
2. Шестой Вселенский Собор, правило 43.
3. Кедров Н.И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886.
4. Никольский Н.М. История русской церкви. — 3-е изд. — М., 1985.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. В 10 т. — СПб., 1869—1916. — Т. 4. — № 1197.
6. Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. — СПб., 1826—1830. — Т. 1 — № 1834, 1839, 1886, 1948.
7. Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сб. статей //Под ред. Павленко Н.И. — М., 1975.
8. Князьков С. А. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. — СПб., 1909.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Кн. XVIII. — М., 1995.
10. Церковь, общество и государство. Сб. статей //Под ред. Клибанов А.И. — М., 1990.
11. Именной Указ «О возвращении монастырям вотчин в их управление». 16 октября 1720 года // Полное собрание законов Российской империи в 45 т. — СПб., 1826—1830. — Т. 4. — № 3659.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «СВОБОДА СОВЕСТИ» И «СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ»

Статья посвящена актуальным вопросам разграничения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Свобода совести и свобода вероисповедания — одни из важных прав человека, закрепленных в Конституции РФ. Автор уделяет особое внимание пониманию сущности этих явлений, исторически сложившимся толкованиям и подходам.

Ключевые слова: права человека; свобода совести; свобода вероисповедания; государственно-конфессиональные отношения.

Свобода совести и свобода вероисповедания при всей кажущейся простоте — понятия сложные и многогранные. На протяжении веков философы, историки и юристы вкладывали различный смысл в их теоретическое понимание. При этом составляющие данные понятия категории «свобода», «совесть» и «вероисповедание» всегда рассматривались как тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные [1].

Свобода совести является основой демократического общества. В конституционном праве свобода совести понимается как отношение человека к религии, как его самоопределение по отношению к ней.

В Большом толковом словаре совесть определена как «чувство моральной ответственности за свое поведение; нравственные принципы, взгляды, убеждения». Термин «совесть» происходит от греческого оригинала, буквально означающего «совместное познание». «Совесть» — узнавание вместе, совместное получение знания (ведения) [2].

Что касается понятия «свобода совести», то, несмотря на то, что составляющие категорию понятия «свобода» и «совесть» обладают самостоятельным смыслом, содержание данной категории не является механически объединенной суммой этих понятий, а имеет собственное мировоззренческое и юридическое значение. Провозглашение свободы совести правоведы относят к важнейшим завоеваниям человечества, называют свободу совести неотъемлемым компонентом основных демократических прав и свобод человека. Феномен свободы совести — явление нематериальное, в известной степени абстрактное, связанное с убеждениями и устойчивыми представлениями человека, влияющими на поведение индивидов [3].

Отсюда разнообразие подходов к пониманию свободы совести. Основу конкретно-юридического подхода составляют формулировки действующих юридических источников в зависимости от их юридической силы. Правоведческий подход основан на юридическом понимании всей совокупности идей, концепций, представлений о свободе совести. При социологическом подходе изучение проблем свободы совести направлено на отдельные социальные группы.

Теологический, или религиоведческий, подход трактует свободу совести в рамках религиозной интерпретации как духовную свободу верующего. Согласно данному подходу, государство не должно нарушать неприкосновенность совести, в противном случае оно берет на себя роль трансцендентной и окончательной власти, а такая власть принадлежит только Богу. Конкретно-исторический подход позволяет хронологически проследить динамику развития свободы совести.

Философский подход при изучении феномена свободы совести акцентирует внимание на слове «свобода». Речь идет о феномене свободомыслия как своеобразном явлении духовной культуры. Свободомыслие может проявляться в различных формах, таких как деизм, пантеизм, богоборчество, скептицизм, атеизм и другие. Можно критически относиться к любой из форм свободомыслия и оставаться на своих позициях, но критическое отношение отнюдь не означает искоренение другого мировоззренческого подхода силой. Необходимы диалог и дискуссия, выработка компромиссов, только так можно избежать ортодоксально-догматического подхода и фанатизма [4].

Резюмируя все вышеизложенные подходы, можно понимать свободу совести как свободу самоопределения личности, возможность иметь собственные нравственные принципы, взгляды и действовать в соответствии со своими убеждениями, получать знания и распространять их.

Поскольку моральные нормы в значительной степени содержатся в религиозных учениях, свобода совести включает в себя свободу вероисповеданий.

Разнообразие подходов к пониманию свободы совести не позволило сформировать единого определения данного феномена, а также общего мнения по вопросу соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания». В целом анализируя работы различных авторов, можно выделить три основных подхода к данной проблеме. Первый — широкий подход — идентифицирует свободу совести со всей сферой духовной жизни общества [5]. Данный подход связан прежде всего с осуществлением исследования свободы вероисповедания в контексте ее соотношения со свободой совести и иными более емкими социальными категориями. Авторы данного подхода отмечают, что свобода совести охватывает, помимо религиозных и атеистических убеждений, все аспекты интеллектуальной и духовной жизни человека [6]. Согласно этой точки зрения, сущность свободы совести и, как следствие, свободы вероисповедания, во многом увязывается со свободой мысли.

Международная юридическая практика также подтверждает неразрывную связь данных свобод. Ближайшим полем функционирования прав, свобод и обязанностей человека в области свободы совести является система высших прав человека в отношении выбора и проявления мировоззрения. Именно в таком контексте свобода совести закреплена во Всеобщей декларации прав человека (принята и провозглашена резолюцией 217а(III) Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года). В статье 18 Декларации свобода совести поставлена в ряд со свободой мысли и свободой религии. Она гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» [7].

В статье 19 этой Декларации к сказанному добавляется свобода убеждений и свобода выражения убеждений. В ней указано: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [7].

Второй — узкий — подход к исследованию свободы совести предполагает отождествление свободы совести с духовной свободой лишь в той ее части, которая касается положительного, отрицательного или пассивно-нейтрального отношения к религиозной вере [8]. Данный подход определяет свободу совести как возможность самостоятельного определения отношения к религии, приверженности религиозным учениям или отказа от них, распространения таких учений или, напротив, антирелигиозных взглядов, и включает в нее свободу вероисповедания как элемент [9].

Третий подход связан с полным приравнением свободы совести к свободе вероисповедания [10]. В данном случае свобода совести определяется как право на свободу выбора своего отношения к любой конкретной религии, на изменение своего отношения к религии, отстаивание своих убеждений относительно религии и действия в соответствии с ними [11].

Теоретико-правовая модель свободы совести включает понимание свободы совести в объективном и субъективном смысле. Свободу совести в объективном смысле можно охарактеризовать как систему юридических норм, составляющих законодательство о свободе совести определенного исторического периода в конкретной стране. Свобода совести в субъективном смысле есть конкретные возможности, права, притязания, возникающие на основе и в пределах законодательства о свободе совести, то есть это конкретные правомочия субъектов, вытекающие из указанных актов, принадлежащие им от рождения и зависящие в известных пределах от их воли и сознания, особенно в процессе использования. Субъективное право на свободу совести — гарантированная законом мера возможного (дозволенного, разрешенного) поведения гражданина в рамках указанной системы (человек — религия — религиозное объединение — государство), очерчивающая юридические рамки индивидуальной свободы личности [12].

Религиозную свободу в конкретном обществе можно оценить по степени взаимозависимости государственных и религиозных учреждений. При этом следует учитывать тот факт, что разделение церкви и государства автоматически не приводит к свободе совести и вероисповедания. В какой-то момент жесткое разделение может перейти во вражду к религии, а механическое требование разделения любой ценой может подтолкнуть государственную систему как к спокойному равнодушию, так и к сознательным репрессиям. Лишь культура или историческое прошлое

обуславливают конкретный подход, обеспечивающий максимально возможную степень свободы совести и вероисповедания в каждой конкретной стране [13].

Можно констатировать, что свобода совести соотносится со свободой вероисповедания (свободой религии) как родовое и видовое понятия, как общее и частное. Иными словами, свобода совести и вероисповедания означает, с одной стороны, право верить, а с другой — право не верить. Свобода вероисповедания есть лишь элемент свободы совести, поскольку к свободе вероисповедания относится свобода выбора религии и свободы отправления религиозных обрядов. Исповедовать веру — означает открыто признавать ее, следовать ей, т. е. жить согласно ее канонам и догмам, вести личную, семейную и общественную жизнь в соответствии со своим религиозным мировоззрением. Религия есть частное дело каждого человека, дело его личного внутреннего чувства и разума. Свобода совести и вероисповедания предполагает, что никакая власть — ни государство, ни духовенство той или иной религии — не вправе вмешиваться в религиозную жизнь человека [14].

Один из первых теоретиков свободы совести английский философ Дж. Локк в «Послании о веротерпимости» писал, что свобода совести есть естественное право каждого человека и никого не должно принуждать в вопросах религии законом или силой. Религиозную веру он считал делом совести каждого человека [15]. Таким образом, сущность свободы вероисповедания (религии) заключается в возможности открыто следовать выбранной религии, жить согласно своим религиозным убеждениям.

Литература

1. Грицов А.А. Свобода совести в ее историческом развитии. Дисс. ...канд. филос. наук. — М., 1980;
2. Султанов А.Р. Европейский суд по правам человека на защите свободы совести // <http://www.rusoig.ru>
3. Дементьева З.П. Проблемы государственно-конфессиональных отношений в России в контексте свободы совести : учеб. пособие. — Екатеринбург : Уральский институт коммерции и права, 2006. — С. 4.
4. Дементьева З.П. Проблемы государственно-конфессиональных отношений в России в контексте свободы совести : учеб. пособие. — Екатеринбург : Уральский институт коммерции и права, 2006. — С. 4–5.
5. Данный подход можно проследить в работах следующих авторов: Ю.А. Розенбаум, Н.С. Колесова, А.Е. Козлов, О.Г. Румянцев, В.Н. Додонов.
6. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. — М. : ИНФРА-М, 2002. — С. 94.
7. Всеобщая декларация прав человека // <http://www.un.org/russian/>
8. Представители: М.В. Баглай, В.В. Маклаков, И.Н. Вишнякова, Д.Л. Златопольский, В.Е. Чиркин и др.
9. Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. — М.: Юрист, 2001. — С. 444.
10. Конституционное (государственно) право зарубежных стран. Тома 1–2. / Отв. Ред. Б.А. Страшун. — М.: БЕК, 1995. — С. 134.
11. См. работы В.А. Четвернина, О.В. Шудра, Т.Ю. Архиерейской и др.
12. Володина Н.В. Организационно-правовые аспекты взаимоотношений государства и религиозных организаций в современной России. — М., 2000. — С. 8.
13. Пчелинцев А.В. Свобода совести и вероисповедания как правовой институт // <http://mixport.ru>
14. Лёвина А.А. Институт свободы совести и вероисповедания: историко-правовой опыт России. — Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2003. — С. 3.
15. Вишнякова И.Н. Конституционно-правовое регулирование свободы вероисповедания. — Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 5–6.
16. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Д. Сочинения. — М., 1988. — Т. 3 — С. 110–111.
17. Кудрявцев В.В. Лекции по истории религии и свободомыслия. — Минск, 1998.

ЭКОНОМИКА

Прусс Е.А.

СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ВЕДУЩИХ БАНКОВСКИХ ЦЕНТРОВ США В НАЧАЛЕ НЫНЕШНЕГО ВЕКА

В статье рассматриваются изменения, происходящие в географии штаб-квартир банковских учреждений. В качестве основной статистической базы данного анализа были взяты рейтинги 100 крупнейших по размеру активов банков США. Сравнительно-географический анализ проводился выборочно на основе рейтингов, датированных 2000, 2005 и 2010 гг. При этом к категории ведущих нами были отнесены те банковские центры, в которых размещались банковские холдинги, фигурирующие (помимо рейтинга за 2010 г.) еще хотя бы в одном из двух вышеуказанных рейтинговых списков (за 2000 или 2005 гг.).

Банковская система США представляет собой уникальную лабораторию, позволяющую отслеживать каким образом изменения, происходящие в сфере регулирования банковской деятельности, и появление новых банковских технологий обуславливают изменения в географии банковской сферы. При этом наиболее важным и интересным при анализе тенденций развития банковской деятельности в США является, на наш взгляд, изучение размещения ведущих банковских центров этой страны.

На протяжении более чем полувека деятельность коммерческих банков в США была жестко ограничена Законом Макфаддена, принятого в 1927 г. Причем это ограничение носило географический характер. Закон строго запрещал коммерческим банкам проводить операции и открывать отделения за пределами своего штата базирования. В 1980 г. в США функционировало более 14 тысяч коммерческих банков. Это число оставалось практически неизменным по сравнению с тем, что было почти 50 лет назад (график 1). Географические ограничения значительно ухудшали условия конкуренции в банковской сфере и способствовали созданию многочисленных мелких банков, которые работали исключительно на местном уровне и имели в среднем по 2,68 отделений [6].

Начиная с 1980-х гг., идет процесс постепенного ослабления ограничений на открытие филиалов за пределами штата базирования головного офиса, а с принятием в 1994 г. закона об эффективности междуштатных банков и филиалов (Закон Ригла-Нейла) эти искусственные географические ограничения были устранены полностью. Банки получили возможность действовать за пределами границ штата базирования, обходя Закон Макфаддена и законодательно оформляя свои действия на федеральном уровне. В результате коммерческие банки смогли значительно расширить сферу своего влияния, в первую очередь путем приобретения или слияния с банками в других городах и штатах. Разрешение владеть банками, находящимися в разных штатах, позволило воспользоваться эффектом масштаба — объемы финансовых операций наращивались путем приобретения банков других штатов или путем объединения с банками других штатов. Так, в 1975 г. в штате Мэн впервые был введен закон, разрешающий банковским холдинговым компаниям других штатов покупать банки данного штата. В 1982 г. в штате Массачусетс было принято региональное соглашение с другими штатами Новой Англии, позволяющее покупать банки штата. До начала 1990-х гг. почти все штаты заключили подобные соглашения. Эти соглашения предусматривали возможность отказать банкам в получении разрешения открывать филиалы в других штатах, но таким правом выбора воспользовался лишь Техас.

При этом следует отметить, что изобретение Интернета и совершенствование компьютерных технологий явилось еще одним фактором, способствовавшим объединению банков. Высокие первоначальные расходы на установку новых информационных платформ, позволяющих эффективно проводить финансовые операции, явились на первом этапе еще одной причиной, которая подталкивала банки к консолидации. Действуя таким образом (т. е. консолидируясь), банки смогли в полной мере воспользоваться всеми преимуществами экономии на масштабе.

Важным результатом ослабления ограничений на открытие филиалов в других штатах стало появление нового класса банков — так называемых суперрегиональных банков, т. е. банковских холдинговых компаний, которые начали конкурировать с банками финансовых центров по масштабам деятельности, хотя их центральные органы управления не размещались в крупных финансовых центрах — Нью-Йорке, Чикаго или Сан-Франциско. Яркими примерами таких суперрегиональных банков стали Bank of America (Шарлотт, Северная Каролина) и Banc One (Колумбус, Огайо).

Сравнительный анализ графиков 1 и 2 показывает, что в США, начиная с середины 1980-х гг., резко уменьшается количество коммерческих банков (график 1) главным образом в результате активно происходящих в банковской сфере этой страны слияний и поглощений (график 2). При этом следует подчеркнуть, что и в эти годы процесс возникновения новых коммерческих банков не прекращался. Так, в период с 1980 по 2002 г. было создано около 4 тысяч новых банков. Однако их появление лишь частично заменило те банки, которые исчезли в результате слияний и поглощений. Вместе с тем в 1980-х—начале 1990-х гг. американской банковской системе пришлось пережить тяжелые времена: количество банковских банкротств превышало 100 в год в период с 1985 по 1992 гг. При этом, как следует из рассмотрения графика 2, эти банкротства сыграли лишь второстепенную роль в уменьшении общего числа коммерческих банков. Так, в 1985—1992 гг. количество коммерческих банков сократилось на три тысячи, превысив численность банкротств более чем вдвое. В 1992–2002 гг., когда ситуация стабилизировалась, количество коммерческих банков снизилось приблизительно на 4000, причем доля банкротств от этого числа составила менее 5%. Таким образом, основной причиной сокращения количества банков в США стала их консолидация, банкротства же сыграли важную, но не основную роль.

Вместе с тем достижения в области телекоммуникаций и информационных технологий, о которых шла речь выше, облегчали контроль за находящимися далеко от штаб-квартир банковскими подразделениями в рамках общей филиальной сети. Это приводило к географическому разнообразию, поскольку фактор расстояния перестал играть первостепенную роль.

Таким образом, Закон Ригла-Нейла, разрушивший барьеры между штатами, подготовил основу для создания полноценной общенациональной банковской системы. Можно сказать, что вплоть до 1994 г., когда лишь немногие штаты ввели законы, позволяющие банкам открывать филиалы в других штатах, междоштатная банковская система фактически не существовала. Разрешение осуществлять банковскую деятельность в разных штатах с помощью филиалов имеет важное значение, поскольку экономия на масштабе может, по мнению многих банкиров, проявиться в полной мере не через создание банковских холдингов, а лишь в рамках филиальной сети, в которой все операции банка скоординированы. В результате этих процессов стали появляться и общенациональные банки. Так, после слияния в 1998 г. Bank of America и NationsBank появляется первый банк с филиалами на обоих побережьях. В целом, консолидация банков привела к созданию банковских учреждений, функционирующих почти во всех 50 штатах.

График 1

Источник: Federal Deposit Insurance Corporation

Источник: Federal Deposit Insurance Corporation

Создание такой разветвленной филиальной сети стало возможным, как уже отмечалось выше, в результате разрушения междугородных барьеров, ограничивавших в прошлом географическую свободу банков. Что же касается самой филиальной сети, то тенденция ее количественного роста на фоне уменьшения общего числа коммерческих банков сохраняется и по настоящее время. Если в период с 1980 по 2010 г. число коммерческих банков сократилось более чем в два раза, то количество филиалов увеличилось в той же пропорции (график 1). В среднем коммерческий банк стал иметь по 8,39 отделений. [6].

Эти экзогенные процессы в сфере регулирования и информационных технологий представляют также интерес в плане исследования вопросов, связанных с размещением штаб-квартир банков в городах.

Анализ этих данных позволяет выявить следующие основные тенденции в размещении ведущих банковских центров США. Во-первых, это децентрализация, которая выражается, прежде всего, в увеличении числа крупнейших банковских центров в начале нового столетия (см. Карту 1). Примерами могут служить штаты Пенсильвания и Оклахома, где в дополнение к традиционным банковским центрам (Питтсбург и Талса) добавились новые (Ланкастер и Оклахома-Сити). В начале нынешнего века в штате Виргиния возникло новое крупное ядро банковской системы — город Арлингтон с его ближайшим пригородом городом Маклин. Кроме того, на карте США в конце прошедшего десятилетия возникли другие новые банковские центры. Это города Галфпорт (Миссисипи), Колумбия (Южная Каролина), Лафайетт (Луизиана), Нью-Хейвен (Коннектикут), Питерсберг (Флорида), Рино (Невада), Санта-Клара (Калифорния), Спокэн (Вашингтон) и Уоррен (Пенсильвания). Надо сказать, что банки, штаб-квартиры которых расположены в этих центрах, вошли в рейтинг 100 крупнейших по активам банков США только лишь в 2010 г., сегодня еще трудно предугадать их дальнейшую судьбу. Любопытная ситуация складывается в штате Флорида, который, вероятно, в силу значительной конкуренции со стороны иностранных банков, традиционно размещавшихся в городах этого штата, был обделен вниманием собственно американских банков. Сегодня ситуация начинает меняться и появляется надежда на то, что присутствие американских банковских холдингов во Флориде будет упрочено. Так, помимо уже упомянутого Питерсберга, банки США, расположенные в Джексонвилле, а также в пригородах Майами — Корал-Гейблс и Майами-Лейкс, вошли в рейтинги 100 крупнейших по активам банков США за 2005 и 2010 гг. соответственно.

Характерным признаком децентрализации банковской деятельности в США стало также снижение доли традиционных банковских центров в суммарных активах 100 крупнейших банков, при одновременном увеличении доли банковских центров, считавшихся ранее второстепенными.

ми. Например, в начале нынешнего столетия существенно сократилась доля таких ведущих банковских центров, как Бостон (Массачусетс), Кливленд (Огайо), Сиэтл (Вашингтон) и Чикаго (Иллинойс). Одновременно возросла доля в суммарных активах 100 крупнейших банков таких центров, как Детройт (Мичиган) и Окленд (Калифорния). Вместе с тем необходимо отметить, что за период с 2000 по 2010 г. доля Нью-Йорка выросла с 29 до 50%, что лишний раз подчеркивает его значение как международного валютно-финансового центра.

Другой тенденцией в размещении ведущих банковских центров США является идущий на протяжении последних десятилетий активный процесс субурбанизации. Этот процесс выражается как в сдвиге населения из крупных городов в пригороды (сегодня в пригородах проживает около 40% населения США), так и в банковской сфере, где субурбанизация проявляет себя в стремлении банков размещать свои штаб-квартиры за пределами ядер крупных городских агломераций. Так, на сегодняшний день штаб-квартиры крупных банковских холдингов размещены в пригородах таких городов, как Нью-Йорк (Нью-Йорк), Чикаго (Иллинойс), Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Санта-Ана (Калифорния), Арлингтон (Виргиния), Денвер (Колорадо), Филадельфия и Ланкастер (Пенсильвания), Детройт (Мичиган), Майами (Флорида), Солт-Лейк-Сити (Юта) и других.

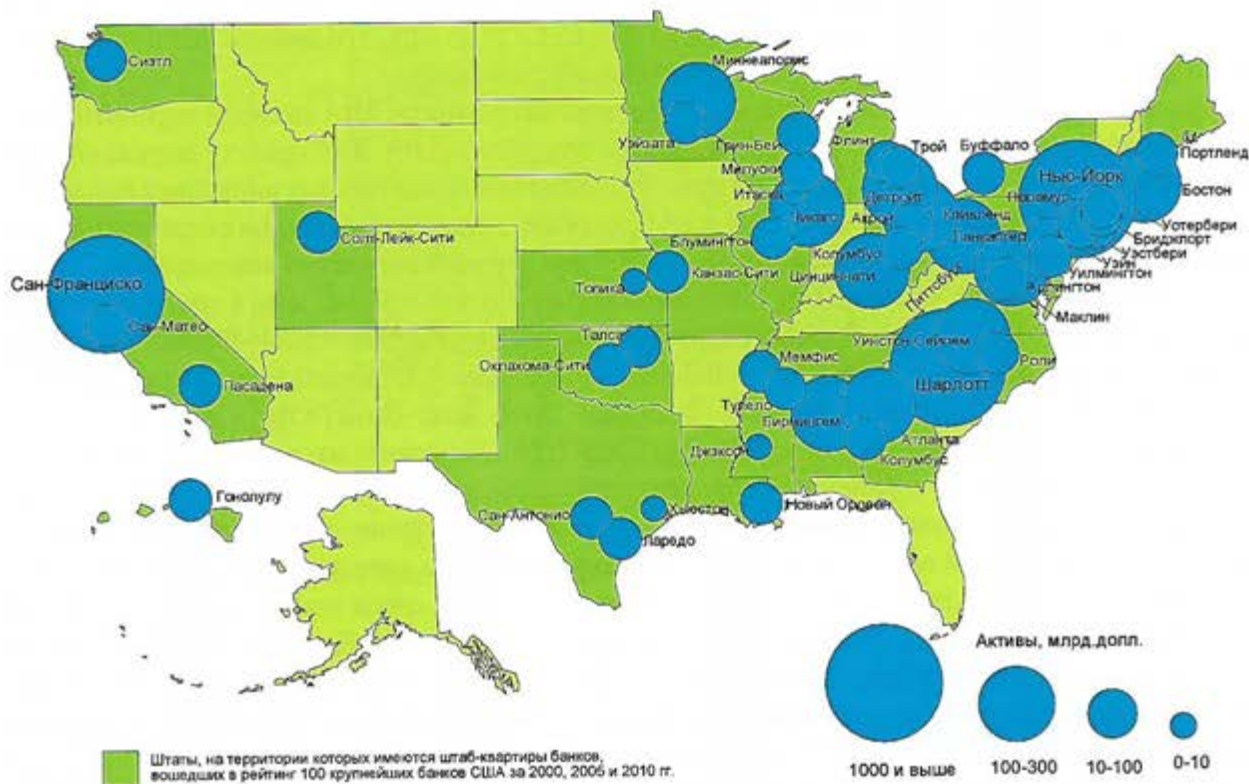
Основная причина банковской субурбанизации (помимо сдвига населения) заключается в более благоприятном, по сравнению с городским центром, предпринимательском климате: менее высокие цены на недвижимость, меньшие налоги, низкий уровень преступности. Необходимо также учитывать и то, что многие пригороды крупнейших американских городов сегодня превратились в престижные районы проживания богатейших слоев населения, своеобразные символы богатства и успеха. Типичным примером являются городки Джерико и Лейк-Саксес в графстве Нассау в северной части Лонг-Айленда. Это графство известно высоким уровнем жизни населения и по статистике является третьим среди самых богатых графств США. Здесь располагаются штаб-квартиры банков Roslyn Bancorp. и Astoria Financial Corp, соответственно.

В качестве другого примера можно назвать деревню Итаска в графстве Дюпейдж в штате Иллинойс. В соответствии с рейтингом, проведенным журналом Business Week в 2009 г., Итаска названа пригородом, имеющим самый благоприятный в штате Иллинойс предпринимательский климат. Здесь расположена штаб-квартира First Midwest Bancorp. Inc.

Штаб-квартира банка Hudson United Bancorp. размещена в одном из пригородов Нью-Йорка, городке Мово, административно входящих в графство Берген в штате Нью-Джерси. Это графство является самым густонаселённым графством штата Нью-Джерси и в 2009 г. числилось на 16-м месте в списке всех графств США с наивысшим доходом на душу населения. Стоит упомянуть и о западном пригороде Миннеаполиса городке Уэйзата в графстве Хеннепин, в котором расположена штаб-квартира банка TCF Financial Corp. Графство Хеннепин является одним из трех богатейших графств штата Миннесота.

Безусловно, стимулирующее влияние на процессы субурбанизации банков оказывают также бурно развивающиеся информационные технологии, снижающие уровень требований к инфраструктурным условиям размещения штаб-квартир крупнейших банков США.

Карта 1. Ведущие банковские центры США в первом десятилетии XXI в.*

Создано по: Banks and Thrifts with Most Assets. SNL Financial, Charlottesville, VA, 2001, 2006, 2011. American Banker.

* Ведущими считаются те банковские центры, которые, во-первых, в обязательном порядке фигурируют в рейтинге 100 крупнейших банков США за 2010 г. и, во-вторых, хотя бы еще в одном из рейтингов за 2000 или 2005 гг.

Литература:

1. Бернштам Е.С., Лузанов А.Н. Региональные аспекты организации и государственного регулирования банковской сферы. М., 2001.
2. Лузанов А.Н. География банковской деятельности. М., 2002.
3. Banks and Thrifts with the Most Assets. SNL Financial, Charlottesville, VA. 2001, American Banker.
4. Banks and Thrifts with the Most Assets. SNL Financial, Charlottesville, VA. 2006, American Banker.
5. Banks and Thrifts with the Most Assets. SNL Financial, Charlottesville, VA. 2011, American Banker.
6. Robert DeYoung, Thomas Klier Daniel, P. McMillen. The Changing Geography of the U.S. Banking Industry. *The Industrial Geographer*, Volume 2, Issue 1, p. 29.

ИНФОРМАЦИЯ

АВТОРЫ НОМЕРА

- Жириновский Владимир Вольфович** – доктор философских наук, заместитель Председателя Государственной Думы РФ, учредитель ИМЦ.
- Лебедев Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе Российской Федерации.
- Булавина Мария Александровна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин ИМЦ.
- Заикина Инна Викторовна** – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой общеправовых дисциплин ИМЦ.
- Курдюмов Александр Борисович** – кандидат экономических наук, руководитель фракции ЛДПР в Законодательном собрании Нижегородской области.
- Купрене Елена Викторовна** – аспирантка кафедры социальной психологии и психологии труда Современной гуманитарной академии.
- Курьсь Наталья Владимировна** – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии.
- Ларионов Александр Владимирович** – кандидат политических наук, заведующий кафедрой международных отношений и практической политологии ИМЦ.
- Лядский Владимир Георгиевич** – заведующий кафедрой иностранных языков ИМЦ.
- Макаров Валерий Алексеевич** – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии ИМЦ.
- Мощенко Александр Васильевич** – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института управления образованием РАН, заместитель заведующего научно-исследовательским отделом ИМЦ.
- Плетушков Михаил Сергеевич** – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ИМЦ.
- Прусс Елена Александровна** – аспирантка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Чернавин Юрий Александрович** – доктор философских наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе ИМЦ.

ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления и оформления рукописей авторами для публикации в журнале:

- к публикации принимаются научные статьи объемом 0,5 – 1,0 авторских листа (один авторский лист – 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т.п.) по специальностям и направлениям, существующим в вузе, и работающим в институте кафедрам;
- статьи представляются в машинописном виде (текст печатается на одной стороне листа форматом А4, шрифт New Times Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc);
- библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.05-2008 (ссылки выносятся в конец статьи со сплошной нумерацией, отсылки в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера ссылки);
- к статье прилагаются сведения:
 - 1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);
 - 2) место работы с указанием должности;
 - 3) ученая степень, ученое звание, почетное звание;
 - 4) краткая аннотация статьи;
 - 5) список ключевых слов;
- решение о публикации статьи принимается на заседании редколлегии журнала;
- очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске;
- направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет, в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru, а также на ее распространение в иных формах.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – № 3 2011 г.

Научный журнал

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-39605

Корректорская читка — Л.Г. Сулова

Адрес редакции:

107078, Москва, 1-й Басманный пер., д. 3, стр 1.

Тел.: 8 (495)632.1770; 8 (499)261.4128

Подписано в печать 22.05.2011 г.

Формат А4 (60х90 1/8). Бумага офсетная 80 г/м²

Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.

Печатных листов — 9. Тираж 300 экз.

Заказ № 367

Отпечатано в лаборатории

Инновационных дидактических технологий ИМЦ